

Парад
Планет
УГГ
Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2024. – 156 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в седьмые полгода полёта (18.01.2024 – 17.07.2024).

I. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

Игра прозы «Бросаю вызов!» – серия прозаических дуэлей.

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь» – серия прозаических конкурсов с заданием спрятать в тексте название одного из заданных произведений.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Лето – против – Зимы

Слабак
Midav

1.

Анатолий выключил воду, повесил душ с гибким шлангом на смеситель, снял с крючка банное полотенце, вытер ей волосы, потом тело, подкатил инвалидное кресло, опустил левый подлокотник, склонился:

– Помоги мне.

Алиса оперлась правой рукой о край ванной, левую подняла, чтобы он смог обхватить ее вокруг тела.

– Три, четыре, – прошептал Анатолий, – поехали.

Тело переключалось в кресло, женщина поспешно сомкнула короткие культы ног:

– Не смотри!

– Да не смотрю я, – он, тяжело переводя дыхание, прислонился к косяку двери, поднял глаза к потолку, дожидаясь пока она наденет белье и футболку, прикроет свои обрубки легкой накидкой, всегда висевшей на спинке кресла, потом включил фен, высушил ее волосы, развернул кресло так, чтобы Алиса смогла расчесать волосы перед низко повешенным зеркалом.

Пока она причесывалась, вытащил из ванной специальный стульчик, на котором он ее обычно мыл, стряхнул с ножек воду, подвесил на крючок под потолком.

– Готова?

– Да.

Отвез женщину в комнату, она перебралась на тахту, отрегулированную по высоте так, чтобы лежанка была на уровне кресла.

Анатолий ушел на кухню, насыпал в тарелку гречневую кашу, положил свои «фирменные» куриные котлеты, в кружку налил свежесваренный чай,

расставил посуду на маленьком столике на низких ножках, отнес в комнату, поставил перед Алисой:

– Поешь. Я тут следующий сезон твоего любимого «Карточного домика» скачал. Включить? – она обожала сериалы про сильных женщин.

– Да.

Пока Алиса ела и смотрела фильм, Анатолий, разложив напротив телевизора гладильную доску, принялся гладить постельное белье, послушно дожидавшееся своего часа на сушилке.

– Сегодня на работе..., – в задумчивости начал он.

– Не мешай! Я же смотрю, – недовольно нахмурила брови Алиса. – Завтра расскажешь.

– Хорошо.

Догладив и разложив белье на полках в шкафу, унес кроватный столик на кухню, помыл посуду, огляделся, предусмотрительно пододвинул к краю кухонного стола графин с водой и стакан, вернулся в комнату:

5

– Все, мне пора. До завтра. Телефон на тумбочке, если что – звони, – привычные, регулярные слова.

– Не волнуйся, не посмею тревожить покой твоей жены, – передернула плечами Алиса.

Он, как обычно, смолчал, наклонился поцеловал Алису в щеку, ощутив еще сильный аромат ванильного геля для душа – ее любимого, погладил волнистые волосы, прошептал:

– Я люблю тебя!

Вышел в прихожую, оделся под звуки телевизора, проверил, что ключи не забыл, захлопнул за собой дверь, не спеша пошел вниз по лестнице, мысленно проверяя себя – все ли, что было необходимо, сделал, чтобы ни в чем не ограничить Алису: лекарства на месте, вода на кухне на краю – дотянется, чайник наполнен и стоит на крайней конфорке, пульт от телевизора на тахте...

Он никогда за эти долгие пятнадцать лет ничего не забывал, но все же каждый раз себя контролировал – привычка.

Все в квартире Алисы было его руками приспособлено для жизни человека, который не может встать во весь свой былой рост, нет давно этого роста.

Анатолий в первые же год после аварии снес перегородку, объединив санузел, чтобы там не было тесно инвалидному креслу, разработал и изготовил на заводе у приятеля систему поручней, позволявших Алисе легко справляться без посторонней помощи в туалете, все стулья, кресла, тахта и диван в обеих комнатах были подогнаны, под высоту каталки, вещи обрели новые места, до которых можно дотянуться сидя.

Даже раковины были опущены, доставляя Анатолию большое неудобство, особенно в последние годы, когда на этом проклятом седьмом десятке начались проблемы со спиной.

Единственным «узким» местом осталась ванна, ничего не сумел придумать, поэтому завели они «банные» субботы, не могла Алиса в одиночку преодолевать высокий край. Была, конечно, мысль спилить этот самый край, но Анатолий от идеи отказался – опасался оставлять беспомощного человека на мокрой поверхности без поддержки.

Были даже где-то его чертежи перестройки помещения санузла, которые позволяли бы въезжать на кресле под душ, но нет, не решился.

Частенько, кроме суббот, случались и другие «банные» дни, стоило только Анатолию заметить, что Алиса морщит нос, благо, что бывал он в ее квартире каждый день, хотя бы на часик-два, но каждый, не позволял себе пропускать, опасался, начинал волноваться...

2.

Лиза сидела на кухне перед чашкой чая, устремив взгляд в зимнюю темноту за окном.

Анатолий подошел, склонился, поцеловал родную макушку:

– Как ты?

Она не ответила.

Он обошел стол, сел на табуретку между женой и окном, заглянул в когда-то жгуче карие, но теперь поблекшие глаза, понял, что ее взор обращен внутрь, что Лиза вряд ли видит, что-нибудь вокруг, так после..., после его поездки на Дальний Восток бывало частенько.

Всегда, даже сам с собой, он называл это просто поездкой на Дальний Восток, такая детская попытка спрятать голову в песок, будто, если что-то страшное назовешь другими словами, то оно и иной, не такой страшный, смысл обретет.

Встал, мягко обнял жену за плечи:

– Пойдем, родная, немного погуляем. Там такой чудный вечер, легкий морозец и ни ветерка. Сидишь весь день в доме, – потянул ее вверх.

Она вздрогнула, будто проснулась, послушно встала, провела ладонями по седым волосам, собрала их на затылке, стянула резинкой, послушно пошла в прихожую.

– Подожди, – Анатолий сходил в комнату, принес кофту, надел на жену поверх домашнего халата, помог застегнуть сапоги, подал пальто.

Снег приятно поскрипывал под их неспешными шагами.

Лиза держала Анатолия под руку.

– Смотри-ка, – вдруг нарушила она тишину пустынного вечера их двора, – в нашей школе еще свет горит.

Он повернул голову, посмотрел куда указывала Лиза.

Действительно, на втором этаже в одном из классов ярко горел свет.

– Это же наш класс, – сказал Анатолий. – Кому-то не уходит с работы.

– Может продленка?

– Сегодня суббота.

– Ах, да. Тогда не знаю, что там может быть. Смотри, а теперь стены синим покрашены. В наше время были салатными.

- Зелеными.
- Нет, салатными.
- Хорошо, я в этих оттенках несилён.
- А не ты ли их красил? Помнишь, когда все сбежали, а ты остался.
- Да, было дело. Красил, чем дали, мне казалось – зеленым.
- Нет, такой светленький был, салатный.

Анатолий готов был нести любую чушь, лишь бы Лиза говорила, спорила, лишь бы не уходила в себя, как он этого ее состояния боялся!

А ведь она права, именно он в том году, какой это класс был, кажется восьмой, красил стены класса в самом начале летних каникул, или они еще даже не начались. Было решено проводить ремонт силами учеников. Кем решено? Сейчас и не вспомнить. Что он точно помнил, что этой покраской в очередной раз подтвердил свою кличку – Слабак.

Впервые кличка родилась, когда в школе, после окончания младшей, начались уроки физкультуры.

Тогда Анатолий – длинный и тощий, как жердь, самый высокий в классе – беспомощно повисал на шведской стенке или перекладине, с грохотом падал при попытке прыгать через козла, смешно, как девчонка, выкидывал руки и ноги в стороны при беге. Одноклассники от души насмехались над его несуразностью. Ради издевки пытались заставить его поднять какую-нибудь гирию или гантель, покатываясь от смеха, глядя на его багровеющее от натуги лицо, по которому струился пот.

Он долго пытался как-то себя проявить в упражнениях, но все это заканчивалось очередной двойкой и поводом для новых насмешек.

Отчаявшись Анатолий ушел в книги, погрузился в их выдуманный мир, читая все подряд про пиратов, рыцарей, благородных разбойников, по ночам во снах примеряя на себя их образы, они и теперь порой приходят в снах, как образцы силы.

Насмехаясь над ним, его не сторонились, пользовались его несомненными успехами в учебе, списывали, заставляли подсказывать, а порой даже и объяснять. Он радовался такой своей востребованности, компенсируя ею свою физическую слабость, которая привела к привычке сутулиться, стесняться своего роста, бояться высунуться из толпы.

К старшим классам, когда у одноклассников начались увлечения курением, а позже и портвейном, широко доступным в советском детстве начала семидесятых, кличка нашла новое подтверждение – послушный и домашний ребенок – Толик никак не хотел переступить очерченные воспитанием границы, вызывая среди «бывалых» товарищей уже злые насмешки и издевательства.

Его «примерность» считалась слабостью, да и что еще от Слабака ждать.

Так было и при ремонте класса. При первой же возможности сотоварищи свалили в поисках более приятных занятий, а Слабак, как обычно, «приссал училок», струсил восстать и остался, в одиночку покрасил все стены.

Слабака называли Слабаком, но уважали за одно великолепное качество – он никогда не сдавал, он все знал, но на «допросах» в учительской молчал, как рыба об лед, пусть, в силу своей «трусости», был не участником расследовавшихся событий, но свидетелем, так как следовал хвостом за заводилами, в последний момент отходя в сторону и только наблюдая.

9

Так и жил он в коллективе, но без друзей.

Нет, нет, все же был у него один настоящий друг с самого раннего детства, но, как и полагается Слабаку, этим другом была девчонка. Они сначала росли в одном дворе, были неразлучны, потом попали в один класс, где тоже держались вместе. Звали эту девочку Елизаветой.

Свадьбу сыграли, учась в институте, как и следовало ожидать, в одной группе.

А вместе с дипломами о высшем образовании их семья обрела и сына – Василия.

Карьера у Анатолия тоже не клеилась, потому что он Слабак, как все знакомые считали. Не мог он за себя постоять, не пытался выделиться, пробиться, очень скрупулёзно и ответственно выполняя все, что поручалось. На его успехах в инженерной и научной деятельности многие успели защитить

диссертации, а он так и продолжал играть внешне второстепенные роли – ассистентов и помощников.

Даже при смене режима и строя в стране он не шелохнулся со своего места, и только вместе с институтом, который просочился сквозь жернова приватизации, оказался в роли сотрудника частного предприятия.

С Лизой они жили душа в душу, никогда она его не попрекала низким доходом, ценя в Анатолии верность и надежность. Нельзя было точно сказать, кто они в большей степени – муж и жена или просто верные друзья, семейный альбом которых начинался не со свадебного фото, а с черно-белой карточки, запечатлевшей двух карапузов, сидевших на дворовой скамейке со счастливыми лицами и эскимо за одиннадцать копеек в ручках.

Сын их Василий – рос совершенной противоположностью отца – физически сильный, энергичный, центр притяжения мальчишек двора и класса, сорванец. Учился средне, примерным поведением не отличался. По окончании школы совершенно неожиданно для родителей твердо заявил, что будет поступать в военное училище. Не слушая никаких возражений, вздохов и несогласий, сделал так, как сам решил.

10

С гордостью и скрытой завистью смотрел Анатолий на Василия, мысленно благодаря судьбу, что «слабость» не передается по наследству.

Окончив училище, молодой лейтенант Василий уехал служить на Дальний Восток.

В том же году отметили его отец и мать свои сорокапятилетия, а на работе Анатолия появилась новая молодая сотрудница – Алиса.

4.

Анатолий каждый раз, когда Алиса заходила в их комнату, украдкой смотрел на нее, боясь признаться себе, что все чаще думает о девушке даже, если ее нет рядом.

Незнакомое ему по прежней размеренной и распланированной с раннего детства личной жизни волнение все чаще не давало уснуть по вечерам, будило среди ночи, лишало аппетита, но никаких шагов, действий он, естественно, не предпринимал, только начинал еще больше сутулиться и ниже опускать голову, чувствуя на себе взгляд Алисы.

А потом случилось...

Их вдвоем отправили в командировку в Москву, номера были соседними, на ужин пошли в гостиничный ресторан вместе...

Он и теперь не мог вспомнить в деталях, что и как произошло, только фрагменты:

– Ты бы так от меня и прятался! – задорный молодой смех. – Я же видела, что тоже на меня так смотришь. Что ты такой робкий! Просто ребенок! – она обвила его шею обнаженными руками, поцеловала, толкаясь, перевернула на спину, оседлала.

Началась такая непривычная двойная жизнь, о которой Анатолий не то что не мечтал, даже не думал, даже представить себе до этого не мог.

С каким удивлением он прислушивался к своему голосу, когда тот дома совершенно искренне объяснял, после проведенного у Алисы вечера, что на работе пришлось задержаться сверхурочно, новая тема... в его речах даже зазвучало слово – перспективы.

11

Это слово очень любила Алиса, она не только любила само слово, но любила и то, что за ним стоит. Она начала упорно заниматься материализацией того смысла, которое в это слово вкладывала.

Занимая одну из руководящих должностей в отделе маркетинга, она под тем или иным соусом преподносила на совещаниях идеи, над которыми долгие годы в пользу более пробивных сотрудников весьма успешно работал Анатолий.

Через года полтора его имя стало весьма известным в компании, его наконец повысили, его заметили, заметили, что именно он разрабатывает то, чем фирма так успешно торгует.

Тогда же стал замечать Анатолий изменения в поведении Лизы – она все чаще молчала, непроизвольно сжималась, когда он к ней обращался, избегала его взгляда, пыталась не поддерживать разговор, пока не понимала, о чем он будет.

Изменилась и Алиса, если раньше радовалась их достаточно редким и недолгим встречам, то теперь перестала скрывать раздражение, когда Анатолий извиняющимся тоном говорил:

– Мне пора.

В один из таких вечеров она не выдержала:

– Сколько это может продолжаться! Когда ты поведешь себя, как мужчина? Когда ты объяснишь жене, что все ушло?

– Алисочка, – Анатолий еще больше ссутулился, – поговорю, обещаю.

– Твои обещания уже сколько слышу! Сколько можно!? Я в тебя всю душу вкладываю, а в ответ... Что в ответ? Ты бежишь к своей на задних лапках!

– Обещаю...

Вечером на кухне он сел напротив жены:

– Нам надо поговорить... – заглянул ей в глаза и увидел такой ужас и смятение, что поперхнулся, комок в горле не давал сказать больше ни слова. Он смотрел в родные глаза, не смея отвести взгляда, читая в них отчаянный страх, что сейчас прозвучит то, к чему, похоже, Лиза себя давно уже готовила.

12

Еще несколько секунд и Анатолий вскочил и почти выбежал в комнату, боясь не справиться с собой.

– Опять! – кричала Алиса. – Ты – тряпка! Слабак! Да как ты можешь мне теперь в глаза смотреть! Убирайся!

А через три дня она попала в жуткую аварию. Грузовик разорвал ее Мерседес на две части, скорость была бешенная, и в той части автомобиля, что отлетела на газон, остались ее ноги.

Тогда Анатолий впервые не ночевал дома, он три дня жил на кресле в больнице, пока врач не сказал довольно уверенно, что жизни Алисы уже ничто не угрожает, хотя он был не точен, не угрожало будущей жизни, но та, что была, уже закончилась навсегда.

Лиза встретила его молча, она теперь никогда не спрашивала, где он был, где пропадал, где задержался – на эти темы она наложила строжайшее табу.

Для всех началась совершенно новая жизнь.

Анатолий занимался перестройкой квартиры Алисы, обучался готовить еду, заниматься домашними делами, Алиса привыкала к наложенным на нее ограничениям, Лиза ждала мужа по вечерам дома, куда Анатолий неизменно приходил, оставляя свои переживания и усталость за порогом.

А еще через год, когда ждали Василия в очередной отпуск, вместо него прилетело известие, что «ваш сын геройски погиб» – он лег на гранату на учениях, чтобы спасти стоявших рядом солдат своей роты.

Впавшую в полную прострацию Лизу Анатолий оставил на попечение их соседке – медсестре, а сам улетел на Дальний Восток, чтобы через несколько дней вернуться с гробом, который не открывали даже над вырытой могилой.

Там он встретил ребят, которых спас его сын, там он видел их виновато потупленные лица, там он слушал командира части:

– Вы можете гордиться вашим сыном...

– Я и так им гордился, для этого ему не надо было погибать.

13

После этого Лиза начала частенько впадать в состояние полной отрешенности, которые очень пугали Анатолия, из которых никто, кроме него не умел ее выводить, хотя многие подруги часами просиживали рядом, пытаясь разговаривать, отвлекать, но только прикосновение рук мужа возвращали Лизу в окружающий мир, только с ним она могла разговаривать, только с ним ей казалось, что все, как прежде.

Так и делился день Слабака – работа, домашние дела у Алисы, время терапии для жены, а для себя короткая ночь, сон, где он становился сильным и волевым.

Два дома, две женщины и некому пожаловаться.

5.

– Ты не замерзла?

– Нет, – ответила Лиза, – давай еще немного пройдемся, – прижалась к его руке, – спасибо тебе!

Игра прозы «Бросаю вызов!». Собака – против – Кота

Счастливой охоты

Джон Маверик

И угораздило его попасть в эту ловушку! Обычно от железнодорожной станции он ехал на автобусе, тошнотворно душном и тесном, ходившим по расписанию раз в полчаса. У Дениса не было своей машины, зато была юная жена и комната в доме ее родителей. Туда-то он и спешил с работы в конце каждого дня. Но летний вечер – еще прозрачный и светлый, напитанный солнцем – выдался таким теплым, что ему захотелось прогуляться. Тем более, что идти предстояло всего-то ничего, каких-нибудь полчаса, если не следовать изгибам шоссе, а отправиться напрямик – по лесной дороге.

И он пошел, и не то чтобы заплутал... но молодой зеленый свет подкрашивал кусты столь заманчиво, а мох под елками казался таким мягким... что Денис, не раздумывая, свернул с тропинки. Он шагал по палой листве, обходя стволы и выдерживая направление. В голове у Дениса – и этим он слегка гордился – магнитная стрелка всегда указывала на север. Поэтому он без труда находил дорогу в лесу. Нашел бы и на этот раз. Но, замечтавшись, не заметил оградительных флажков. Под ногами его разверзлась медвежья яма, в которую он и свалился – причем весьма неудачно, так, что вывихнул лодыжку.

От резкой боли несчастный едва не потерял сознание. А когда пришел в себя, понял, что наружу выбраться не сможет. Он полусидел-полулежал на куче сухих веток, то проваливаясь в тревожную дрему, то со стоном распахивая глаза и вглядываясь в быстро темнеющий лоскуток неба. Солнечный свет сперва покраснел, протянулся багровыми тенями, как длинными пальцами, по дну ямы, затем ослабел и почти исчез. Осталось только слабое лунное серебрение и на его фоне – резкие, черные контуры деревьев. Больная нога распухла. Телефон разрядился.

Но вот луна поднялась выше и разгорелась ярче. В ее белом сиянии Денис увидел на краю ловушки склоненный силуэт – тоненькую фигурку с лохматой головой. Лесной дух? Этого еще не хватало! Лица он разглядеть не мог, но понял, что пришелец тоже всматривается в него. Денис оцепенел от ужаса.

– Ты умрешь здесь, в этой яме, – произнес дух голосом маленькой девочки. – Никто тебя не найдет.

Ребенок? Ночью в лесу? Денис ушам своим не поверил.

– Ты кто? – спросил он оторопело.

– Я – Диана.

– Ты что, потерялась?

– Это ты потерялся! – дерзко ответила девчонка и рассмеялась странным серебряным смехом.

– Диана, помоги мне, а? – попросил Денис. – Позови кого-нибудь на помощь.

Девочка склонилась ниже, почти переломившись пополам, и в темноте он увидел, как блестят ее глаза.

– Кого?

– Все равно, кого-нибудь из взрослых.

– Но за это ты отдашь мне то, чего дома не знаешь!

Денис вздохнул.

– Сказок начиталась? Ладно. Отдам. Только ты поторопись, хорошо?

– Договорились, – сказала девочка и скользнула прочь, а Денис остался изумленно протирать глаза, гадая, не пригрезилось ли ему диковинное создание, и вспоминать, а чего он, собственно, не знает у себя дома.

Нет, понятно, что ребенок просто играет. Но... наверное, виной тому были ночь, холод, луна и боль в ноге, однако Дениса не покидало чувство, будто он только что заключил сделку с дьяволом. Что там произошло в оригинальной сказке? Охотнику пришлось отдать бесу то ли дочку, то ли сына... Но Денис только сегодня утром ушел на работу, уверенный, что жена его – не на сносях. Может быть, теща? Да нет... Она, пожалуй, старовата для такого.

15

А что же тогда? Может, кто-то из домочадцев выиграл в лотерею? Или купили что-нибудь дорогое? Новую мебель? Автомобиль? Да пропади оно пропадом – жизнь дороже. А вдруг кто-то из родственников погостить приехал? Господи, да о чем он думает! Конечно, девчонка играла! Но луна... ночь... и лес неприступной стеной вокруг – не ласковый и солнечный, знакомый ему с детства, а чужой, враждебный.

Не прошло и часа, как появились люди и Дениса вытащили из ямы. Той же ночью к нему в больницу примчалась заплаканная жена Влада.

– Что случилось? Куда ты пропал? Что с твоей ногой?

– Ничего страшного, – ответил Денис и погладил ее по щеке. – Провалился в звериную ловушку.

Влада немного успокоилась, но продолжала вглядываться в его лицо.

– Что-нибудь не так? Я вижу – что-то не так!

Денис тряхнул головой.

– Все так, любимая. Переволновался – только и всего.

– Не ходи больше через этот страшный лес, – попросила жена и, совсем успокоившись, хвастливо добавила. – А у меня для тебя сюрприз!

– Какой сюрприз?

– Увидишь! Тебе понравится!

Он больше не строил догадки. Но под сердцем калачиком свернулся страх.

Впрочем, сюрприз оказался и в половину не таким ценным, как опасался Денис. А если сказать по правде, он совсем ничего не стоил.

В их комнате, на подстилке из старой тешиной кофты, спал крошечный черно-белый щенок. Смешной миниатюрный собачонок самой что ни на есть «дворянской» породы, с висячими ушами и разноцветными передними лапками. Одна – до половины черная, другая – полностью белая. При взгляде на него Денис облегченно выдохнул.

«Господи... Дворняга! Да таких в каждом приюте... Бери – не хочу. Пусть приходит Диана или кто она – отдам с радостью». А Владу спросил:

– Откуда он у тебя?

– Подбросили. Хорошая, правда? Это девочка. Давай назовем ее Сильва?

– Прекрасное имя, – одобрил Денис.

О странной встрече в лесу он не рассказал жене ничего.

Шло время, и собачка подросла. Она так и осталась некрупной – Денису по колено – зато оказалась доброй и привязчивой. И очень умной – Влада всего два раза сходила с ней на площадку, и Сильва уже знала все команды. Да что там. Она как будто читала мысли. Стоило кому-то загрустить или почувствовать себя одиноким – и черно-белая собачонка уже тут как тут, лижет руки, заглядывает в глаза, виляя тонким, в колечко закрученным хвостом. А когда Денис сидел, задумавшись, положив подбородок на сцепленные в замок руки, она лежала у его ног, боясь шелохнуться и потревожить хозяйский покой. Ее не приходилось даже выгуливать – только открыть входную дверь. Сильва сама уходила и сама возвращалась. Где она бегала, никто не знал. Но соседи на нее не жаловались. Скоро супруги забыли, что Сильва не человек. Их просто стало трое. А через пару лет – четверо, потому что холодной февральской ночью у них родилась дочка – Яна.

Хрупкую голубоглазую малышку с волосами, мягкими, как одуванчиковый пух, обожали все. Влада в девочке души не чаяла. Про бабушку и дедушку – и говорить нечего. Счастливее людей не нашлось бы, наверное, во всем поселке. А из Сильвы получилась отличная нянька. Собачка буквально не отходила от детской кроватки, чутко сторожа сон своей маленькой хозяйки. Стоило младенцу проснуться и заплакать – она с громким лаем неслась на кухню, призывая Владу. Когда Яна чуть подросла и начала ползать, Сильва ее охраняла, не давая переползать порог и тянуть в рот мелкие игрушки. Даже первое слово, произнесенное малышкой, было не «мама» и не «папа», а «соба си», то есть «собака Сильва».

А что же Денис? Его как будто подтачивала изнутри какая-то глубинная печаль. Только что он радовался, глядя, как дочка с Сильвой разбрасывают по комнате разноцветные резиновые мячики или вместе ловят жуков во дворе. И тут же, как тень на солнце, набегало воспоминание. Девочка, лица которой он так и не разглядел, склоняется над ямой. Ее резкий черный силуэт на фоне лунного неба. И девчачий голос: «Отдай мне то, чего дома не знаешь».

Отдай, сказала она... Но ведь он не отдал. А разве с детства его не учили возвращать долги? Он обещал – пусть какую-то нелепость и не известно кому. Ребенку в игре... Но чем больше Денис раздумывал о случившемся, тем меньше оно казалось ему игрой. Первое время он выспрашивал соседей, у кого есть маленькая дочка по имени Диана? Ну, или может, не Диана, а как-то похоже? Но никто не знал такую. Он присматривался на улицах к играющим девочкам – и на него начали с подозрением коситься односельчане. Иногда, глядя в полные обожания собачьи глаза, Денис испытывал странное чувство. Будто любовь эта краденая. Он точно присвоил себе нечто чужое, ему не принадлежащее. Это была не его собака. Возможно, и не его дом. Не его дочка, не его жена... Он словно угодил в какую-то страшную сказку и жил не своей жизнью.

Он лежал ночью без сна. Собачка уткнулась мордой в сгиб его локтя и тихо сопела, безмятежная, как ребенок. Денис чувствовал ее горячее дыхание на своей руке, а свободной рукой гладил мягкие завитки собачьей шерсти. У Сильвы было собственное место для сна, но чаще всего она спала или с Яной, или забиралась в их с Владой постель. Всем телом ощущая это теплое, любящее существо рядом с собой, он думал: «Каким же я был глупым! Боялся за новую мебель, за выигрыш в лотерее... Жизнь можно выкупить только жизнью. И нет цены другой... Я предал их всех – Сильву, Владу, Яну... Какое я имел право – обещать чужую жизнь в обмен на свою?» Ему было муторно, и горько, и жутко.

Однажды Денис не выдержал и, отчаянно стесняясь и робея, поделился своими тревогами с женой. Он боялся, что Влада будет смеяться над его страхами. Но та выслушала мужа очень серьезно и, как только он закончил, спросила:

– Так чего же ты боишься? Что эта... Диана... заберет у нас Сильву?

– Я не знаю, – признался Денис.

– Но зачем? Щенка дворняги можно взять совершенно бесплатно... и воспитать так, как хочется. Зачем возиться с чужой взрослой собакой?

– Ну как ты не понимаешь? Любовь, верность, преданность – разве это бесплатно?

– А разве нет? Все эти вещи нельзя купить за деньги.

– Я не о деньгах, – поморщился Денис. – Может быть, идея в том, чтобы отнять что-то для нас дорогое. Сильва дорога нам. И Яна. Мы тоже дороги друг другу. За все в мире приходится платить. За право жить и любить, и растить ребенка, и принимать любовь животного...

Влада помолчала.

– Эта Диана, – сказала она, наконец, – показалась тебе злым духом?

– Не знаю, добрым или злым. Она показалась мне ребенком.

– Так почему ты ждешь от нее плохого?

– Может быть, она не ребенок, – задумчиво произнес Денис. – Возможно, ее настоящее имя судьба. Или рок. Злой рок – так всегда говорят.

Может ли он быть добрым? Наверное, нет. Я взял у злой судьбы займы – и не могу отдать. Вот что я сделал, Влада.

Его жена вздрогнула.

– Что ж. Если это так... То пусть лучше возьмет собакой. Чем кем-то из нас.

– Но Сильва... Милая, добрая, смешная... Я не хочу ее отпускать. И что мы скажем Яне? Она любит Сильву. Но еще не понимает слова «смерть».

– Рано или поздно Сильва уйдет от нас, – твердо заявила Влада. – Собаки живут не долго. Что ты скажешь Яне?

Денис неловко пожал плечами.

– Я скажу, что она ушла в страну вечной охоты. Пусть сейчас она ловит только жуков и стрекоз. Но ведь собаки – прирожденные хищники. Страна вечной охоты – неплохо звучит. Правда?

– Да, – согласилась Влада. – Неплохо. Так и скажи.

– Пойдем спать, – предложил Денис и обнял жену. – Я поговорил с тобой и мне стало легче. Спасибо тебе!

Ему и в самом деле полегчало после этого разговора. Не то чтобы в его мире что-то изменилось. Семья жила все так же, погруженная в свои маленькие радости и заботы. И невыполненное обещание по-прежнему камнем лежало на сердце. Но словно некая пружина ослабла в душе и распрямилась – на место беспокойства пришло смирение. Денис просто жил, не заглядывая в будущее и не вспоминая прошлое. И – ничего плохого не случилось.

Сильве шел уже пятнадцатый год. К старости она ослепла – оба глаза затянулись бельмами. И почти оглохла. Последние дни собачка совсем не вставала со своей подстилки, даже ходила под себя. Домочадцы слонялись по комнатам, как тени, измученные и удрученные, готовые к неизбежному. У Яны, только начавшей из угловатого подростка превращаться в симпатичную девушку, под глазами залегли черные круги. Она перенесла свою любимицу к себе в комнату и практически не спала, ночи напролет прислушиваясь к хриплому собачьему дыханию.

А Денис, бреясь утром перед зеркалом, тщетно смигивал слезы... и в слезах его отражение вдруг мутно расплылось, сделавшись неузнаваемым и чужим. И тонкий голос у него над ухом произнес:

– Эй! У тебя есть что-то мое!

Дернувшись от неожиданности, Денис порезался.

– Дай ей спокойно умереть! – чуть не вскрикнул он. – Ты, кем бы ты ни была... Зачем тебе старая, больная собака?

Зеркало прояснилось, прилежно скопировав его испуганное лицо.

Той же ночью ему приснился удивительный сон. Вернее, самого сна Денис не запомнил и даже не до конца осознал, но вскочил, как сомнамбула, и, как был, полуодетый, бросился в комнату дочери. Подхватив на руки чуть

живую Сильву, он погрузил ее в машину – и поехал, сам не понимая – куда, ведомый странным ночным видением.

На перекрестке стояла девушка, высокая и худая, одетая в короткую тунику и с охотничьим ружьем в руке. В ее распавшихся по плечам рыжих волосах лунный свет протоптал хрустальные дорожки. А лицо сияло такой чудесной красотой, что у Дениса перехватило дыхание. Он резко затормозил и, распахнув дверцу, вышел из машины.

– Я – Диана, – сказала девушка.

– Богиня Диана!

– Ты что, язычник? – засмеялась она. – Нет, просто охотница. Ты пришел отдать мое – мне.

– Но... – смутился Денис. – Я не понимаю, зачем. Для чего тебе слепая, умирающая собака? Она не доживет и до утра.

И снова Диана рассмеялась – тихим серебряным смехом.

– Это кто тут слепой? И кто умирает?

Оглянувшись, он увидел, как из машины выскочила Сильва. Резвая, как щенок, черно-белые уши летят по ветру, в глазах полыхает юный огонь... Закрутилась вокруг Дениса, лизнула его в руку, а потом, словно влекомая какой-то неведомой силой, направилась к Диане. В скользком свете луны собачье тело вытягивалось, делаясь выше и тоньше. Хвост распрямился. И вот уже стройная борзая села у ног своей новой хозяйки.

Диана благосклонно кивнула и потрепала Сильву по холке.

– Мы в расчете, – сказала она Денису. – Живи спокойно. А я не обижу твою подругу.

И с этими словами они обе повернулись – девушка и собака – и зашагали прочь по лунному шоссе, становясь все меньше и меньше и словно растворяясь в голубоватом сиянии.

– Счастливой охоты! – крикнул Денис им вслед.

Но они не услышали.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Художник – против – Музыканта

Льняные лучи осени
Милана Секоненко

В. Г. Перов. Охотники на привале

20

Василий Григорьевич наскоро позавтракал и с воодушевлением поднялся в мастерскую. Льняные солнечные лучи, изредка выбегая из-за туч, освещали на короткое время невысокое скромное помещение, из окон которого можно было увидеть провинциальный московский дворик с оголившимися деревьями и кустарниками. Художник подошел к мольберту, отодвинул его от прямого естественного света, снял холщовую тряпицу с подрамника и сделал несколько шагов назад, чтобы свежим взглядом оценить законченный накануне холст, напряженная работа над которым прибавила бодрости и сил и дала немного удовольствия и отдыха сердцу, отяжелевшему в последние годы от семейных горестей, болезней и смертей.

Краски, конечно, подсохли еще не до конца, но, несомненно, успеют высохнуть к концу ноября, когда в столичном Петербурге начнет показывать картины Первое Товарищество передвижных художественных выставок, в состав правления которого вошел Василий Григорьевич. Недавно получивший звание профессора живописи за «Птицелова», он готовился вынести на суд публике новые работы.

Мастер отступил еще на пару шагов от «Охотников на привале», чтобы увидеть полотно целиком. Такая же – значительная по размеру картина – была у него лишь «Тройка», с первого показа прославившая своего создателя. Окончательным результатом нынешнего труда художник остался доволен. Прозрачными лессировочными красками удалось передать состояние безветренного дня поздней осени. Центр композиции задумано был смещен влево. Сначала, как решил автор, созерцателя должны будут привлечь горящие азартом глаза рассказчика. Дальше он непременно взглянет на выразительно

растопыренные пальцы рук этого охотника, рассказывающего что-то захватывающее. С помощью их красноречивого жеста зрителю легче прочувствовать напряжение и радость, сопровождающие охоту, страстным любителем которой был сам художник.

После созерцания мастерски прописанных кистей рук посетитель выставки переведет взгляд на охотника, который полулежа слушает очередную байку приятеля с лукавой усмешкой бывалого завсегдатая утиной охоты. Зритель тоже улыбнется и перенесет свой взор на юного охотника, застывшего с незажженной папиросой в правой руке и дымящимся огнивом в левой, вниманием которого полностью завладел темпераментный рассказчик.

Полюбовавшись наивным выражением лица неопита, зритель опять посмотрит на рассказчика и перенесется взглядом к левому краю картины, где задержит внимание на борзой светлого окраса, самозабвенно роющей землю. Затем взгляд опустится и остановится на тщательно выписанном натюрморте, щедро и со знанием предмета охотничьего дела составленным из художественно проработанных атрибутов. Вдоволь насладившись искусно исполненными в технике масляной живописи ружьями и дичью, переведя взгляд направо, зритель восхитится великолепно написанными латунным рожком и вязаной сеткой для ловли птиц.

21

Наконец, оторвавшись от переднего плана, зрительский взор поднимется к небу, где под низкими полупрозрачными облаками в воздухе как будто зависли отъевшиеся за лето утки. Рассмотрев птиц, зритель опустит свой взгляд к линии горизонта. Там он уйдет в глубину пейзажа средней полосы российских земель, подсвеченного последними теплыми лучами, где, возможно, ненадолго задержится, дав зрителю глубокомысленно побыть в тишине унылой поры, впрочем, не лишенной известного очарования.

Очнувшись от обыкновенных историй и дум о былом, зритель вернется к настоящему – картине и ее среднему плану, к пригорку с чахлым лесом. Напоследок глаза промелькнут по редкому кустарнику и травам, подернутым первым морозцем. Сделав, таким образом, круговое всестороннее путешествие по холсту, зритель вернется к неутомимому рассказчику.

Василий Григорьевич долго всматривался в законченную работу. Потом он подошел к стоявшему около мольберта рабочему столику с красками, разбавителями и кистями. Художник положил на палитру немного коричневого марса и кадмия красного, добавил в краску льняное масло и приготовился что-то подправить на холсте.

Выскользнув из-за тучки, узкий солнечный луч, будто желая помочь, осветил поверхность стола, потом, увеличиваясь, захватив в свой теплый круг изящные руки с длинными пальцами, стал расширяться.

Василий Григорьевич теперь стоял в столпе льняного света. На красивом лице ярко выделялись умные глаза. На миг профессор живописи задумался о далеком будущем новой России, где работы передвижников смогут, даст Бог, остаться в благодарной памяти потомков. Полотна его современников смогут свидетельствовать о повседневной жизни и о сложной и противоречивой судьбе великой страны. Как надеялся художник, страны – лет через сто полностью победившей, не без Божьей помощи, конечно, нищету и горести народа. Он взял на кисть краску и, наклонившись к левому углу холста, поправил тонким штрихом подпись: В Перов 1871 г.

Скрипка

Гелия Алексеева

Елисей родился и вырос в большом приморском городе, где впервые взял в свои детские руки маленькую скрипку и удивился первым звукам, изданным касанием смычка о струны. Он успешно окончил консерваторию и стал концерттировать в составе известного оркестра. Молодой музыкант с открытым лицом, обрамлённым густыми светлыми волосами, ясным взглядом больших серых глаз, приветливой улыбкой – располагал к себе окружающих людей. Елисею досталась от отца хорошо сложенная фигура, прямая осанка, а от матери – мягкость манер.

Его внутренний мир всегда был наполнен музыкой. Елисей пытался воспроизвести эти мелодии на своей скрипке, к которой привык и чувствовал её. Но возможности инструмента не позволяли ему передать богатство звуков. Получалось беднее и проще. Музыкант не мог передать все оттенки своих чувств, поэтому он очень хотел найти такую скрипку, на которой сможет сыграть свою мелодию.

Он видел инструменты других артистов в оркестре. У концертмейстера скрипка была особенная, старинная, с богатым тембром звучания. Пересмотрев предложения в интернете, Елисей отправился в магазин музыкальных инструментов. Продавец внимательно посмотрел на музыканта и показал ему две скрипки.

– Обратите внимание на лёгкий и отзывчивый голос, несущий качество, равный звуковой объем на всех четырех струнах и приятный тембр.

Елисей попробовал сыграть одну из спокойных мелодий, чтобы не отвлекать покупателей. Для выступлений в оркестре оба инструмента подходили. Елисей поблагодарил продавца, но сказал, что хочет посмотреть ещё другие. Он всё же хотел найти свою скрипку. Музыкант походил по залу и увидел инструмент в футляре. Это была мастеровая старинная скрипка. На этикетке было написано: 18 век. Мастер Себастьян Клотц. Продавец подошёл снова и предложил:

– Вы можете попробовать. У этой скрипки глубокое и насыщенное звучание, она отличается гибкостью ответа – отображает малейшее движение смычка. Тонкость её звука проявляет душу исполнителя, а блеск звука помогает взволновать и тронуть слушателя. Она изготовлена в небольшом баварском городке Миттенвальд на самом юге Германии из дерева, в большом

количестве растущего у подножия Альп, – с вдохновением рассказал продавец.

Елисей осторожно прикоснулся к деке, провёл рукой по струнам, попробовал пальцами гриф.

– Смелее, молодой человек! – продавец дружелюбно улыбнулся.

Елисей взял скрипку, смычок, попробовал извлечь несколько звуков, и вскоре зазвучала «Песня Сольвейг» Грига. Скрипка запела широко, вольно... Нежные звуки наполняли большой зал. Елисей играл ещё и ещё и увидел, что собрались слушатели.

Положив смычок, он посмотрел на цену. Сумма была огромной. Музыкант не зарабатывал столько за целый год. Пообещав подумать и вернуться, Елисей ушёл из магазина. Он медленно шёл по улице, повторяя в голове сыгранные мелодии. Старинная вещь словно обладала магическими свойствами, она полностью завладела им.

Придя, наконец, домой, Елисей взял в руки свою скрипку. Она была красивая, новая и звучала хорошо. Но его руки не забыли прикосновения к скрипке Себастьяна Клотца. Елисей открыл сайт магазина, нашёл изображение старинного инструмента, распечатал картинку и повесил на стену.

– Говорят же, – подумал он не очень уверенно, – если Вселенной дать заказ, она его выполнит. Или, если поделиться своей мечтой, кто-то поможет, чтобы она сбылась.

Он читал о мировом разуме, коллективном сознании. Вскоре Елисею позвонил продавец из магазина, и предложил в определённые дни играть на разных скрипках в целях рекламы. Теперь у Елисея появилась возможность иногда играть на скрипке своей мечты.

Осенним днём, после работы в магазине, Елисей прогуливался по набережной. Всё постепенно менялось – цвет неба становился темнее, солнце горело янтарным светом созвучно золотящейся листве. С моря долетал влажный ветер. Было прохладно, близость воды придавала воздуху свежесть.

Он сел на свободную скамью и смотрел на море. Хотя тяжесть воды в накатывающихся волнах заглушала все остальные звуки, Елисей расслышал рядом голоса. К музыканту подошли два бомжа. Один из них, пожилой, с

давно немытыми длинными волосами и мутными, когда-то зелёными глазами был одет в выдавшую виды кожаную куртку, не помнящую свой первоначальный цвет, а другой, немного моложе, рыжий и кудрявый, но такой же неопрятный, был в стёганом жилете. Первый чем-то напоминал одессита, он и обратился к Елисею:

– Молодой человек! Я имею Вам кое-что сказать... Подарите моему другу свою куртку! У вас есть дом и много одежды! Поделитесь, он простудился! А то шаз я сделаю вам скандал и вам будет весело!

Елисей брезгливо посмотрел в их сторону. Не только отдать свою вещь, но даже смотреть на них было противно. Рыжий бомж, в стёганом жилете, с озорным взглядом, воскликнул:

– Да он музыкант! Ну-ка, сыграй нам! Я когда-то тоже учился в музыкальной школе! По классу барабана!

Бомж расхохотался, показывая свои прокуренные неровные зубы, и потянулся к футляру. Елисей схватился за скрипку и тут же получил удар по голове. Всё поплыло перед глазами, он откинулся на скамью. Словно в тумане, парень услышал:

25

– Не бей так сильно! Вспотеешь!

Когда он открыл глаза, как в тумане увидел, что два бомжа уже мчатся по набережной с его скрипкой. Придя в себя и провожая взглядом похитителей, Елисей вытер кровь на лбу. Они были уже далеко. Чувство досады сдавило горло, но ещё сильнее было чувство отвращения к тем, кто немытыми лапами дотронулся его скрипки. Совсем расстроенный Елисей побрёл по городу, не разбирая дороги.

После столь удачного предприятия два бомжа отправились в ломбард, но он был закрыт. Не получив куртку, бомжи решили заработать другим способом. Бывший одессит предложил пойти в магазин музыкальных инструментов, попробовать договориться и продать украденную вещь за любую цену. Но ещё издали они увидели суету возле здания. Грузчики выносили упакованные коробки и складывали в машину. Магазин переезжал в другое помещение. Бомжи несмело подошли к грузчикам и предложили свой товар, но незадачливых предпринимателей увидел охранник и закричал:

– Пошли вон, забулдыги! Полицию вызову! Быстро убирайтесь!

Старший бомж пробурчал:

– Ну, ты посмотри на этого патриота! Гордый и заносчивый, как гаишник с престижного перекрёстка! Эй, ты! Убери мнение со своего лица! Шоб я видел тебя на одной ноге, а ты меня одним глазом!

Охранник замахнулся на них резиновой дубинкой. Чертыхаясь, бомжи отошли подальше и, усевшись на лавочку, стали наблюдать за происходящим.

– Как ты думаешь, запомнил нас тот музыкант? Пойдёт в полицию? – спросил старший.

– Может и запомнил, – ответил подельник. – А давай сделаем фокус! Подменим скрипку! Пусть эту в магазине выставят! А нам новую легче будет продать.

Гружёная машина уехала. Другие пакеты складывали на помосте. Пока появилась возможность, часть рабочих отправилась перекусить.

Вдруг в помещении раздался шум, крики и долетел запах гари. Оставшиеся рабочие стали бегом выносить инструменты и складывать их на помост. Упаковки были разного размера.

К зданию быстрым шагом подошли двое мужчин. У одного была сумка на плече, а у другого моток провода. Они вошли в здание, где их встретил взволнованный продавец. Охранник говорил по телефону, поглядывая на пакеты, но внезапно отошёл в сторону. Слышно было, что разговор личный и очень приятный.

Переглянувшись, бомжи подбежали к помосту, схватили верхний пакет, а вместо него швырнули на помост футляр с украденной скрипкой и бросились наутёк.

Елисей неожиданно для себя вышел к магазину. Он вспомнил, что продавец предупредил, что магазин переезжает и даже сказал ему новый адрес. Скрипач увидел, что дверь открыта и в магазине непривычно пусто. В растерянности он повернул назад и побрёл по улице. Возле кафе стояли ещё не убранные на зиму столики и раздавались уже знакомые голоса, но нельзя было разобрать, о чём они говорили.

– Теперь у нас новый товар! Упакованный и цена небось есть. По размеру должно быть это скрипка. Вот была бы хохма, если бы мы встретили того музыкантишку! И отдали бы ему этот пакет! У него-то видно был дорогой

инструмент! А мы ему – ширпотреб, на! Не захотел поделиться, не отдал куртку, пусть играет на дешёвой скрипке!

Рыжий бомж в жилете наливал пиво, разливая по столу, и громко смеялся:

– Как я ему сказал про музыкальную школу! Я и правда бил по барабану в школе! А ты, наверное, играл на горне? Взвейтесь кострами! Или твоё детство было тяжёлым и безрадостным?

Бомж в кожаной куртке лихо уплетал чебурек, жир тёк по его бороде и спутанные волосы блестели на солнце. Приключения, без которых эти люди не представляли жизни, нагнали хороший аппетит.

– Таки да! Куртку пожалел! Я ему хотел сказать – шо вы так плохо живёте, шо у вас токо одна скрипка? Смотри-ка вот он!

Бомж в жилете направился к Елисею.

– Ну что, молодой человек, вы согласны на обмен? Вы мне куртку, а я вам эту коробку! Или схлопочете ещё!

27

Елисей молча, только для того, чтобы никогда их больше не видеть, снял куртку и отдал бомжу.

– На, согрейся! Мне всё равно!

– Извините, молодой человек, уж очень мне ваш прикид понравился! Возьмите это. Не серчайте, что не успели упаковать в цветную бумагу, с бантиками!

Бомж передал пакет, быстро напялил куртку и отправился доедать чебуреки.

Елисей, не разворачивая, равнодушно взял пакет под руку и побрёл домой. Он вошёл в свою квартиру, оставил большой свёрток у порога и упал на диван. По телевизору показывали концерт, и Елисей переключил на канал путешествий. Раздался звонок в дверь. Пришла мама с сумками, судочками, коробками. Она споткнулась о большой пакет, который принёс Елисей.

– Что это у тебя? – спросила мама.

– У меня украли скрипку... – медленно и мучительно протянул Елисей и повернулся к стене. Распаковав сумки, мама пошла в прихожую, взяла пакет и принесла его в комнату скрипача.

– Давай откроем. Что здесь?

Елисей закрыл волосами шрам на лице, принёс ножницы и стал резать шпагат на жёсткой упаковке. Он раскрыл коробку и обмер. В пакете была его мечта. На этикетке он прочитал: 18 век. Мастер Себастьян Клотц.

– Что ты шутишь, пугаешь меня! Вот же она! Нет, это другая! Тебе надо выступать на конкурсе, ты успеешь её освоить? Ладно, ты тут разбирайся, мне надо идти. Да, я хотела тебе сказать. Я встретила на лестнице твою соседку, Глафиру. Она опять ругалась, что ей музыка мешает. Хоть бы она на дачу уехала, ведь тебе надо готовиться.

Елисей проводил мать и задумался. До конкурса оставалось не так уж много времени, а инструмента у него нет. Елисей понимал, что вещь дорогая, её будут искать и надо побыстрее отдать инструмент. Но... он взял смычок и заиграл. Елисей не стал думать, произведение какого композитора сыграть. Он стал играть то, что давно хотелось выразить звуками. Скрипка пела, радовалась, страдала, казалось, душа музыканта превратилась в мелодию и рвалась наружу. Елисей почувствовал, что песня изменилась, приобрела новый старинный колорит, заиграли тирольские трели, он видел природу, людей, птиц, цветы, горы, леса... Елисей потерял счёт времени, он играл до изнеможения и, наконец, опустил смычок.

Музыкант долго сидел молча, приходя в себя. Перед ним заново предстал прожитый день. Бомжи уже не казались Елисею такими отвратительными. Куртки не было жаль. Даже наоборот, в его сознании промелькнул образ, что с него специально сняли кожуру, чтобы он раскрылся, выразил свои накопившиеся эмоции. Елисей ощутил себя другим. Что-то изменилось в нём. Давно рождавшаяся мелодия выплеснулась яркими, сочными звуками, к которым добавился колорит другой страны, другой эпохи. Елисей понял, что теперь будет играть по-другому. Он подумал – нужно сразу создать нотную запись своей мелодии, но разве сможет повторить? Ведь это будет уже другая музыка.

Что-то поплыло перед глазами, и ещё находясь в трансе от эмоционального напряжения, Елисей мысленно увидел большой концертный зал... чёрные фраки и смокинги, пенсне и веера, пышные бальные платья с

глубокими декольте, сверкающие драгоценности, букеты цветов в руках поклонниц.

Последний взмах смычка. Восторженная публика очарована великолепной игрой знаменитого артиста. Дирижёр благодарит исполнителя. Оркестр стоя приветствует скрипача. На лицах в зале – умиление, наслаждение музыкой великого Мендельсона и виртуозным исполнительским мастерством артиста. Аплодисменты, аплодисменты...

– Bravo, bravo! – это кричат друзья, однокурсники консерватории.

Елисей кланяется публике. Оркестранты касанием смычков на корпуса скрипок, альтов, виолончелей, контрабасов в традиционном стиле «аплодируют» ему. Елисею подносят корзины, полные цветов. Артист уходит со сцены, но несколько раз, по настоятельному требованию публики, возвращается и взмахами рук, поклонами благодарит ценителей его таланта.

У Елисея закружилась голова, и он прилёг на диван, чтобы прийти в себя. Через некоторое время, едва касаясь кусочком мягкого бархата протёр скрипку и осторожно положил инструмент в металлический футляр, обитый изнутри мягким сукном красного цвета.

29

Скрипач задумался... Что это было? Ведь это не он... Елисей ещё ни разу не задумывался о такой огромной славе... Это скрипка... Это она пережила мгновения упоения, кто-то так играл на этом волшебном инструменте. И теперь старинная вещь заставляет его играть только так... Она готова обеспечить проникновение звука на большие расстояния, дать широту, чтобы окружить каждого слушателя, придать звуку сладость, плавучесть, бархатистость... Скрипка хочет играть в руках мастера, и она уже выбрала его и показала будущее, которое готова дать...

И он должен расстаться с этим великолепием, этим чудом, которое само нашло его, пусть через руки грязных бомжей, но скрипка не стала от этого менее прекрасной... Ведь это он просил судьбу, чтобы помогла... Если мечта сильная, она должна сбыться... Что же он может сделать сейчас? Скрыться, пока её не начали искать? Спрятать где-то... Но ведь будут проверять всех, кто к ней прикасался. А он играл в магазине и не раз называл эту скрипку своей мечтой. И его инструмент украден... Идти опять в тот же магазин и выбирать себе другой инструмент, когда он уже выбран и ждёт его...

Но перед глазами снова сцена, аплодисменты, затухающие крики «Bravo!», а он – теперь это уже он, словно на нём чужой фрак и скрипка – ведь

она не его, он присвоил её... Слышатся нарастающие негодующие крики публики:

– Это обман, это не тот скрипач и не его скрипка! Позор!

Музыканты играют вразнобой сразу на всех инструментах и звучит какофония... В этом хаотическом и бессмысленном нагромождении звуков потерялась мелодия, выношенная годами, выстраданная, но сыгранная только что, и в ней пела его душа. Елисей видит среди зрителей первого преподавателя – его укоряющий взгляд и слёзы старого человека, однокурсники показывают на него, смеясь, недоумённо смотрит мать, не понимая, что произошло с её мальчиком, таким способным и честным.

С портрета, расположенного в центре сцены, сам Паганини ожил, вырос и приближается к нему, как каменная статуя командора... Слышны мерные шаги, звучат резкие слова:

– Ты вор! Вор! В твоих руках – не твоё, ты присвоил!

– Нет, – снова думал Елисей. – Я не отдам её. Скрипку может купить любой, у кого есть большие деньги – для коллекции, чтобы она пылилась на стене, для своего бездарного ребёнка, которого будут заставлять учиться. А она должна играть... ведь сама скрипка об этом заявила...

Словно в подтверждение этих слов, солнце заглянуло в комнату и скользнуло лучом по корпусу, утонув в струнах, будто напомнив о способности скрипки создавать непрерывное горение, эффект нот без шва, когда звук переходит в следующий спокойным легато.

Елисей почувствовал, что он не в силах сидеть рядом с инструментом, касаться лаковой смоляной поверхности цвета волос тициановских красавиц, трогать подгрифок из палисандра, смычок...

Елисей зашёл в кухню, налил себе холодной воды.

Раздался мелодичный звонок. Елисей открыл дверь и увидел соседку, ту самую Глафиру. Она держала в руках смартфон.

– Добрый вечер! Скажите, а кто сейчас у вас играл на скрипке? Я была поражена! Вот я попросила внучку записать, но не сразу включили, и я пропустила начало. Моя внучка пианистка, она вчера приехала. Что же мне теперь делать? Вы можете восстановить?

Глафира все говорила и говорила, выражая своё восхищение услышанной мелодией. Елисей смотрел на женщину, медленно и мучительно возвращаясь в реальный мир. Он пытался улыбнуться. Соседка замолчала и посмотрела на скрипача.

– Так это вы? Это вы играли? Невероятно! Вы простите меня, что я иногда сетовала на шум. Я вообще-то музыку люблю, когда внучка играет, а к остальным, наверное, ревную. Понимаете, я человек деятельный, а мне теперь помогают дети и почти нет проблем, которые я могла бы решать, как это было всегда. Вот я и пристаю к людям, выдумывая капризы!

Она смущённо смотрела на музыканта. Елисей был ещё взволнован, но приходил в себя, молнией обожгла ободряющая мысль:

– Моя мелодия спасена! Вы знаете, я так вам благодарен! Ведь я теперь могу положить на ноты эту музыку и потом её воспроизводить. Это моё первое произведение, я его доработаю и представлю на конкурс! Ведь вы дадите мне ненадолго свой телефон?

Глафира засияла. Она почувствовала себя причастной к великому таинству рождения таланта:

– Конечно! Конечно! Только не стирайте музыку с моего телефона! Ведь неизвестно, как будет дальше, может быть, вы станете знаменитым, чего я вам очень желаю, а я ваш первый слушатель! Представляете, как мне будут завидовать мои подруги!

Соседка ушла. Елисей положил на стол телефон. К нему вернулась способность думать спокойно.

– Если я попадусь на воровстве, да ещё такого инструмента, с карьерой музыканта придется распрощаться... Кража мастеровой скрипки – это преступление, не имеющее срока давности... Для работы можно купить скрипку. Даже и для конкурса она подойдёт. Я не хочу начинать свою жизнь так... Родители столько в меня вложили. Преподаватели в меня поверили. И музыканты в оркестре. Ведь меня привлекает не то, что скрипка дорогая и её можно продать. Я хочу на ней играть. А к такому инструменту нельзя прикасаться грязными руками, руками вора...

Елисей нашёл в справочнике телефон магазина.

– Ко мне попала ваша скрипка, я всё вам объясню, – сказал Елисей. – Я хотел бы вернуть её и забрать свою. Думаю, моя скрипка у вас.

Продавец с радостью в голосе ответил, что приедет немедленно и привезёт инструмент.

– Я несказанно рад, что пропажа нашлась.

– Я тоже рад, – ответил Елисей.

Музыкант с сожалением нежно дотронулся до старинного футляра, где находился инструмент, от которого он только что отказался.

Продавец примчался очень быстро, передал Елисею его скрипку и бережно упаковал скрипку немецкого мастера.

– Для меня это просто трагедия. Я мог бы потерять работу и всё, что имею, чтобы расплатиться. Как-то не заладился весь день. Надо было срочно освобождать помещение и занять другое. Хозяин сильно торопил нас. А тут ещё электричество выбило, проводка загорелась, камеры отключились. Представляете – какой у нас товар – сколько скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов. Всё упаковать, ничего не перепутать. Я думаю, рабочие выбирали, что полегче и поменьше, чтобы побыстрее вынести. Эта скрипка лежала отдельно, за самыми дорогими я сам смотрел. Их думали в последнюю очередь вывозить, и я должен был сопровождать, а когда начался пожар их стали спасать первыми. А я отвлёкся, пришли электрики. Всё случилось очень быстро. Охранник прозевал этот момент, его уже уволили.

– Я думаю, что за погрузкой наблюдали и выбрали момент, но теперь всё в порядке, – произнёс Елисей.

Он мучительно ждал, когда продавец уйдёт, было невыносимо смотреть на скрипку, которой он лишился. Он достал из упаковки свой инструмент, вытащил и положил рядом смычок.

– До конкурса есть ещё время подготовиться и подумать над программой, – решил Елисей.

– Если мне достанется первый приз, – грустно усмехнулся он, – я смогу купить дорогую скрипку. Ведь не просто так эта старинная вещь нашла меня.

Он перевёл взгляд на стену. Из красивой резной рамки – с портрета, подаренного ему на выпускном вечере, одобрительно смотрел на него Леонид Коган.

Перед Елисеем лежала нотная тетрадь, телефон соседки и скрипка. Он включил воспроизведение своей мелодии. Звучащая музыка постепенно растворяла тяжёлые мысли, словно он отторгнул их от себя, как образ жалкого, смешного в своём убожестве существа. Музыкант с облегчением отбросил свои сомнения, как старую одежду, как тусклую оболочку, которую сбрасывает куколка, уже превратившаяся в златокудрого мотылька, вылетающего к солнцу.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Квартира – против – Офиса

Цветы жизни

Midav

Глава 1

Я, как обычно, лежал и слушал звуки пустой квартиры.

Хотя, наверное, неправильно говорить, что я лежал, лежало тело, которое когда-то было моим. Интересно все же, к чему можно отнести местоимение «я», если уже несколько лет тело тебе неподвластно? Что скрывается за этим «я» в данных обстоятельствах? Разум? Мысли? Память?

Хорошо верующим – у них есть душа, с которой они себя ассоциируют. Но где она? Что она? Если она все же есть, то есть ли она и у неверующих?

Никто не знает.

Вам не представить, сколько разных рассуждений могут посетить вас, если вы больше двух лет лишены возможности двигаться, говорить, вы превращены в некий механизм по перевариванию того, чем вас кормят и некое хранилище накопленной ранее информации, которую вы пытаетесь рассматривать с разных сторон, под различными углами, с противоположенных точек зрения, лишь бы только занять свой еще неокончательно отбившийся от рук разум.

Конечно, меня пугало, что порой, а в последнее время все чаще, этот самый разум выходил из повиновения, видимо, там, под черепной коробкой, какие-то сосуды опять не справлялись со своей задачей. Пугало то, что в любой раз взбрыкнувшийся разум может не вернуться, окончательно отказавшись повиноваться моим поводам.

Но был не только страх...

Не только испуг я испытывал, но и благодарность к этим бунтам своего мозга, потому что они частенько приносили прекрасные образы и видения, которые позволяли мне чувствовать себя живым человеком, а кроме того, в таких ситуациях время летело с бешеной скоростью, а не тянулось, как теперь.

Скрипнула и хлопнула входная дверь, полетели на пол прихожей ботинки, а поспешные легкие шаги направились к моей комнате – вернулся из школы Ваня, он всегда возвращался первым, а значит, через часик придет в свой обеденный перерыв Нина, чтобы покормить меня.

Приоткрылась дверь, в комнату просунулась его белобрысая голова. Кивнув мне, Ваня улыбнулся и скрылся, побежал на кухню.

Хороший парень, как Нине повезло с ним!

Мне верилось, что я улыбаюсь. Интересно, что при этом происходило с моими губами?

Губы... Глаза... Глаза начали закрываться, побежали перед ними мелкие черные мушки, расплылись красноватые круги, и...

«Губы были чуть влажны, казалось по ним еще сбегает капли дождя, оставленного нами за дверями трамвая. В раскачивающемся и поскрипывающем вагоне опять никого не было. Мы со смехом, стряхивая остатки воды с одежды, побежали на переднее двойное сиденье. Вера, легко отпихнув меня, успела, хлопая от восторга в ладоши, занять место у окна, а я, засунув папку с конспектами между спинкой сиденья и своей спиной, освободил руки, взял в ладони ее лицо и припал к губам, которые были чуть влажны, казалось по ним еще сбегает капли дождя...»

– Папа, надо поесть, – выдернул меня из трамвая голос Нины, мне казалось, что мы с Верой уже успели дважды прокатиться по нашему любимому маршруту, но перестук колес оказался только пульсирующей болью в висках.

Я окончательно пришел в себя.

К моим губам была прижата ложка с бульоном. Глоток дался с трудом, второй легче.

Интересно, если бы я приложил усилия и поддался уговорам на упражнения, то может уже мог бы не только глотать, а и говорить, но я этого не хотел.

Я не знал, что им всем сказать.

Уж лучше я останусь нем до самого конца. Конец... А каким он будет? Замечу ли я его приближение? Лучше всего, чтобы он пришел в момент очередного видения, не хочу встречать его в полном сознании и в полном

осознании происходящего. Готов ли я к нему? А что значит быть готовым к нему? Помню часто слышал и читал – «старик был готов к смерти, старик молил о смерти».

Удивительно, но мой разум, мое сознание избегало мыслей об этом, хотя я и понимал, что тело уже давно переступило эту черту.

Два года назад, когда конец должен был наступить там, на пригородной дороге, я ничего не предчувствовал. Может поэтому он тогда и не наступил. Или все же....

- «– Мне на лекцию. Вечером, как обычно? – я стоял на подножке трамвая.
- Вадик, – Вера склонилась и обняла меня за шею, прижавшись щекой, – я не доживу до вечера. Останься, поехали со мной.
- Нет, честно, очень важная лекция, – и я спрыгнул с подножки...»
- Папа, давай еще пару ложек, – я открыл глаза вернувшись.

Нина обтерла полотенцем мое лицо, наклонилась, чмокнула в лоб:

- До вечера, – ушла, гремела посудой на кухне, о чем-то говорила с Ваней, потом вышла в прихожую, зашуршала плащом, хлопнула дверью.

Вспомнился тот вечер на кухне нашей с Верой квартиры, когда туда пришли Нина и Алексей.

Они принесли шоколадный торт, и мы заварили чай.

- Вы не представляете! – у Нины набегали слезы на глаза. – Мы только вошли в этот зал, где все дети... Директриса говорила, пойдете, посмотрите на детишек, сейчас они там все играют... Мы вошли, и ..., – она не смогла справиться со слезами, мы ждали. – Он вскочил, подбежал, обхватил меня за ноги... Мама, говорит...

Плакала уже и Вера.

- Может, он всех так встречает... – неуверенно вмешался Алексей.
- Нет, Леша, я же сразу почувствовала его...

Наша дочь, Нина, и Алексей были женаты уже больше десяти лет. Вылечить Нину не удалось, надежды на осталось, вот они и решились на посещение детского дома.

Торт стоя нетронутый.

А через три месяца четырехлетний Ваня переехал в квартиру Нины и Алексея...

«Я выскочил из дверей института, с волнением огляделся – Вера ждала на обычном месте, присев на скамейку у памятника великому физику...»

Видение оборвалось совершенно неожиданно, мы даже не успели добежать до трамвайной остановки, вместо этого разум, в который уже раз, начал пересказывать мне мою жизнь, которую я знал во всех деталях, тех, что были давно и хорошо знакомы и тех, что дорисовывались и осознавались теперь, по прошествии лет и при отсутствии настоящего...

Я решил оставить научную карьеру, когда стало окончательно понятно, что в нынешних условиях она не способна прокормить, а дочь уже выросла, скоро придет пора создать ей свою семью, для принятия которой наша малогабаритная «хрущевка» совсем не подходила. Может я бы сам и не решился на такой, казалось, отчаянный шаг, но Эдуард – мой ученик нарисовал радужные перспективы частного бизнеса, вот я и бросился в этот еще неведомый тогда омут.

37

Вера мужественно переживала первое время, когда я перестал приносить домой хоть и не большую, но регулярную зарплату, когда погряз в кредитах, когда у парадной нас порой встречали нелюбезные бритоголовые люди в кожаных куртках.

Так продолжалось несколько лет, мы даже не заметили перелома, когда вдруг обнаружили, что практически ни в чем, по меркам прошлой жизни, себе не отказывая, находили в своих кошельках в конце месяца неистраченные деньги.

Если с Верой мы были знакомы с детства, учились в одном классе, то Нина встретила Алексея уже когда работала после Университета.

На их свадьбу мы подарили им ключи от шикарной двухкомнатной квартиры, в одной из комнат которой я теперь и лежал.

Трамвай... Удивительно, это было местом наших с Верой свиданий. Мы исколесили весь город. Почему? Я не знаю, наверное, и она не знала. Так сложилось... Трамвай... Можно спрятаться от дождя или снега, можно смотреть на жизнь в окно, прижавшись друг к другу...

«– Давай, найдем где-нибудь брошенный старый вагон и поселимся в нем!

– Нет, Вадик, брошенный не будет раскачиваться и скрипеть не будет. Это будет скучно. Лучше разбогатеем, купим себе трамвай, построим свои пути и...»

Ваня оказался удивительным созданием. Он боготворил, поклонялся и служил Нине, у меня ни на секунду не возникало сомнения, глядя на них, что она действительно для него настоящая мама. Было смешно наблюдать, когда он еще маленький, неловкий, пытаюсь предугадать ее пожелания или, услышав просьбу, адресованную даже не к нему, бросался исполнять, при этом что-то ломая, разбивая, нанося урон себе...

Как-то я и Вера гуляли с Ваней во дворе, была снежная зима, сугробы, наледи. Во двор вошла Нина, возвращаясь с работы, ребенок засветился своей открытой, радужной улыбкой, Нина пошла к нему распахнув руки, поскользнулась, упала и сморщившись начала потирать ушибленный локоть.

Ваня схватил свою детскую лопатку и бросился пытаться разбивать лед на дорожке, плача от бессилья, а на следующий день, идя на прогулку, захватил с собой из дома молоток и продолжил борьбу со льдом...

Настал вечер, вернулась с работы Нина, началась ежедневная процедура смены памперса, обмывания моего бывшего тела, это были самые для меня унижительные ежедневные моменты нынешнего существования.

Вспомнилось, как годам к шести стала обуревать Ваню мечта о собаке. Он просил покупать ему книжки, где были рисунки или фотографии собак, он вырезал их изображения из детских журналов, а на улице просто замирал, если встречал это животное. Он изводился, он жалобно поднимал брови, если по телевизору шел фильм про эти создания.

Я не выдержал и уговорил Веру, мы подарили ему на семилетие щенка спаниеля.

Такого праздника в доме своей дочери я еще не видел.

Но...

Щенок изодрал новые ботинки Алексея, нагадил в его тапки...

- «– Я стану великим ученым и научу трамваи летать.
– Зачем, Вадик?
– Ты представь, мы едем по нашему городу, потом взлетаем, и вот мы уже катим по рельсам Парижа.
– Ты хочешь в Париж?
– Не знаю, наверное, а ты?
– Я хочу там, где ты...»

Я открыл глаза, из комнаты Вани раздаются приглушенные голоса – Нина проверяет, как он выучил уроки.

Я вспомнил, как в одном из младших классов он получил «неуд» накануне родительского собрания. Вернувшись оттуда, Нина посетовала мне, а я как раз в этот вечер сидел с Ваней, что учительница жалуется на ребенка, мол, невнимательный, плохо готовится...

Дверь в кухню была открыта, и я увидел замершего в коридоре внука.

На выходные Нина и Алексей уехали к друзьям на дачу, а я остался с Ваней у них в квартире.

В субботу, отправив его спать, сидел перед телевизором, когда обратил внимание на свет, пробивавшийся из-под двери детской.

Вошел:

– Ваня, ты почему не спишь?

Ребенок сидел за столом над раскрытыми тетрадями и учебниками.

– Деда, мне надо, я не хочу маму подводить. Никто не должен делать и говорить так, чтобы ей было плохо. Она не должна переживать. Я так ее защищать буду. Всегда. Она моя мама!

Трамвай...

Нет, нет... Не то... Собаки не стало... Почему? Я же ее принес?

Вспомнил. Она испортила обувь Алексея... Я тогда пришел... Зачем? Нет это не помню, помню это – Алексей:

– Ниночка, душа моя, пойми, это всего лишь щенок, представляешь, что будет, когда она вырастет? Нам самим тут не развернуться. И этот запах!

– Леша, но это ребенку надо. Это же...

– Это просто лишняя грязь, ты посмотри на свою одежду, вся в каких-то пятнах, шерсти! Эта же псина лазает по шкафам. Ты на себя посмотри, как ты выглядишь!

Он хлопнул дверью и вышел.

Собаки не стало на следующий день.

– Я ее Светке подарил, она хотела, – рассказывал мне Ваня, в его глазах не было ни сомнения, ни сожаления. – Так лучше, нельзя, чтобы маму ругали...

Закрыв глаза, я только собирался отпустить свое сознание в поездку на трамвае, но в этот момент сильно хлопнула дверь, раздался громкий крик Алексея:

– Нина, ты где!? Тапки где?

Скрипнула дверь детской, зашпешили шаги Нины.

Нет, раньше Алексей не дружил с выпивкой, это началось в последние год-два. Но началось сразу по полной, без удержу. Еще до... нет, кажется, после того...

Мы с Верой решили построить большой загородный дом, чтобы вся семья жила вместе.

– Давай его в виде трамвайного вагона построим, – смеялся я.

– Нет уж, Вадик, можешь себе времяночку пристроить в виде вагона.

– Отличная идея! Так и сделаю. Построю за домом кусок путей и....

Эдик выслушал мои грандиозные планы, но заявил:

– Вадим, сейчас вынимать деньги не самый удобный момент. Грядет великолепный тендер, надо аккумулировать средства, а вот через годик...

Я не готов был ждать, наша с Верой мечта не терпела отсрочек, мечту надо реализовывать в момент ее расцвета, а не пытаться с опозданием гоняться за уже погасшими звездами.

Я заложил нашу квартиру, взял кредит, и стройка началась...

Вера умерла внезапно, когда заканчивали строить второй этаж – инфаркт, и ее не стало.

А через три месяца рухнуло все.

Эдик приехал ко мне за город, я жил тогда во временке, которая только-только начала обретать очертания трамвайного вагона из нашего с Верой детства.

Он вкрадчиво и лаконично объяснил мне, что я теперь больше не совладелец компании, что племянник главы администрации оказался более перспективным партнером, что теперь я могу рассчитывать только на государственную пенсию и так далее.

Он уехал.

41

Резко и обильно забегали в моих глазах мелкие черные мушки, руки подрагивали, я сел в машину и выехал на дорогу в сторону города...

Как теперь знаю, insult привел к аварии, которая явилась причиной перелома позвоночника.

Реализация заложенной квартиры и недостроенного дома не позволила не то чтобы нанять мне сиделку или оплатить реабилитацию, денег не хватило даже на покрытие кредита в полном объеме.

– Что!?! – задрбезжали стекла в книжном шкафу от рева Алексея на кухне. – Давай ужин!

Сегодня он превзошел себя. Обычно, даже в пьяном виде, он умудрялся держать себя в руках, но в этот вечер сорвался. Крик стоял долго:

– Эти долбанные планы – дом, квартиры и вся эта херня! А на деле, мы теперь в одной комнате ютимся, потому что твой папочка не смог просчитать свои возможности. Ты считаешь это жизнью? Да ты, дура, не понимаешь... Ты взвалила на себя этого ребенка! Рассчитывала на что-то, губу раскатала, папочка все оплатит! А папочка нам всем хрен показал. Он что, о тебе думал,

когда все закладывал? Теперь еще по его кредитам полжизни платить. Вот вышвырнуть тебя к черту! Достали! Еще этот лежит комнату занимает, некуда ребенка выселить! Так и будет всю жизнь между нами спать...

Я не знаю, долго ли еще продолжался этот концерт, бунт моего мозга спас меня, я уже был с Верой в трамвае...

Глава 2

Утром, покормив меня, Нина убежала на работу, благо офис ее работодателя находился в нашем квартале, она могла и на обед прибегать, и утром позже остальных выходить, даже Ваня уходил в школу раньше.

Я осознавал, что должен сейчас переживать прежде всего за нее, но мой мозг вовремя взбунтовался, видать, опять пережался какой-то сосуд, так мне этот процесс видится...

«...Опять пустой вагон трамвая. Почему все же пусто? Тогда в детстве он никогда не бывал пустым. Теперь пустой, мы на сиденье за будкой вагоновожатого. Спинка жесткая из лакированных деревянных реек, на стыке рельс толкается, будто приглашает танцевать в ритме вагона.

– Давай, когда вырастем, то будем хоть иногда ездить на трамвае.

– Давай.

– Вадик, пусть это навсегда останется нашим, только нашим местом, чтобы мы, вагон и никого.

– Так и сейчас никого нет.

– Сейчас не на самом деле. Сейчас это все тебе кажется. А надо, что на самом деле. Ты так со мной потом и не ездил на трамвае.

– Сейчас же еду.

– Тебе кажется. Ты сейчас возьмешь и выйдешь...

– Да мне пора, – я встал, подошел к дверям, спустился на подножку.

– Не уходи, поехали со мной.

Я уже готов был прыгнуть на мостовую, но заколебался...

– Вадик, не спрыгивая, поехали, не оставляй меня...

Я решительно вернулся в вагон, крепко обнял Веру, прижал к себе, до безумия реально ощутив аромат ее волос...»

Скрипнула и хлопнула входная дверь, полетели на пол прихожей ботинки, а поспешные легкие шаги направились к моей комнате – вернулся из школы Ваня, он всегда возвращался первым.

Хороший парень, как Нине повезло с ним!

Распахнулась дверь, Ваня решительным шагом направился ко мне, в этот момент я очень отчетливо понял, что вчера он слышал все, что кричал Алексей, а значит пришло время защитить маму.

Ребенок взял одну из подушек и положил ее мне на лицо, прижал.

Пронизала мысль: «А ведь ты и не предчувствовал». А еще очень отчетливо стало понятно, что я не готов, что я безумно хочу еще немного даже такой жизни.

Дневник Офисного
Ольга Клен

3 лунный день, Луна в знаке Стрельца

Ну вот, наконец-то я добрался до компьютера. Целый день в офисе была такая суматоха, что, того и гляди, попадешься кому под ноги. И ведь затопчут, даже не заметят! Компания наша переезжала в новый офис, а меня, Офисного, чуть не забыли на старом адресе. Хорошо, что я сам подсуетился и спрятался в коробке с принтером. Так и переехал. Теперь буду осваивать новые хоромы. Старые-то под снос пойдут. Вот ведь как, мог и бомжом на старости лет оказаться. К родственнику Домовому все равно не пошел бы, сейчас эти городские квартиры – не то что не хоромы вовсе, а вагончик трамвая в час пик. Только что никуда не движется. Во-о-о-т...

Ой, что было! Когда всю мебель вместе с пылью перевезли-перенесли, почихали на создание уюта, решив, что все это завтра-завтра-завтра, в офисе задержались начальник Владлен Палыч и, кто бы мог подумать, уборщица Леночка. Не секретарша Полина, как я раньше думал, не офисная менеджерша Кира, обязанностей которой не знал никто, даже она сама, а прозрачная тень Леночка. Вот тихоня! Будь я на месте Владлена, я бы своей зазнобе более престижную должность предоставил. Не иначе, шифруются, если даже я, Офисной со стажем, не смог углядеть. Ох, ну и устал я сегодня... Пора поспать. Пойду поищу, куда они мой ящик из-под принтера задвинули. Удобный он, родной уже стал.

4 лунный день, Луна в знаке Козерога

Наконец-то меня отпускает новолуние. Вот никаких сил в этот день нет, хоть ложись и помирай! Впрочем, и полнолуние с моим самочувствием играет, как хочет. По молодости ничто не могло на меня подействовать. Даже затмение мне было нипочем. Вспоминаю, как мы с Домовым-то куролесили. Однажды поменялись ролями, смеху было, когда он в офисе начал утром петухом кукарекать. Все только пришли на работу, кто кофе пил, чтобы проснуться, кто макияж наводил, а курьер Генка даже умудрился бриться, отгородившись компьютером. И тут – громкое, радостное ку-ка-ре-ку-у-у во всю мощь легких. Туалет в это утро был многолюден. Нет-нет, не то, что можно было подумать, не по прямому назначению все поперлись туда. Просто кофе разлилось на юбку, ее пришлось замывать, тушь описала вокруг глаза фантастическую стрелку, а Генка побрил щеку слишком глубоко, нужно было смывать кровь. Я же остался вместо Домового, думал просто отдохну. Ан,

нет! Зловредная кошка все время следила за мной, и стоило мне немного отвлечься на молочко с печенюшкой, оставленные недоеденными на кухонном столе, как эта тварь прыгнула прямо мне на голову. Такая неряха! Молоко пролилось, тарелочка разбилась, крошки от печенья по всей кухне, а у меня на голове метка от кошкиных коготков. Ну и чего она добилась? Ушел я от них, а могли бы друзьями стать. Хотя, о чем это я? Офисной и кошка – друзья! Родня засмеет.

Сегодня в офисе произошло событие, о котором никто, кроме меня, еще даже не догадывается. Вот думаю, как это на мою судьбу повлияет. Вечером, когда Владлен уже ушел, сообщив, что отправляется в городскую управу (на самом деле он договорился встретиться с другом и побухать), принесли заказное письмо. Я быстренько прочел. Оказывается, компании придется приостановить работу почти на месяц, а коллектив отправить в отпуск. За это время будет произведен полный аудит финансовой деятельности фирмы. Что это такое, одному начальнику известно. Не буду ломать над этим голову и лезть в интернет за разъяснениями.

Бедный наш Владленчик! Завтра на его больную тыквочку упадет еще и это послание. Мне его даже жалко стало. Может, письмо похерить куда-нибудь? Типа, сквозняком под шкаф закинуло. Но ведь отпуск наклеивается! Надо подумать.

5 лунный день, все еще Луна в Козероге

Я решил, что ничего не буду предпринимать с письмом. Очень в отпуск хочется. Только не знаю, с кем и куда отправиться. Верочка точно поедет к матери в деревню. Там молоко, воздух, дом большой и очень гостеприимный Домовой Федор, мой дальний родственник. Тамара Васильевна из отдела снабжения собиралась отпуск провести в Турции. Заграница, конечно, но что я там не видел? Ничего не видел. По слухам, там только жарятся на песке у моря, время от времени смачивая тело морской водой да обжираются по системе он инклюзив. Что это за зверь такой? Может, его нам, хранителям человеческого счастья, есть запрещено. А тамошние домовые по-каковски говорят? Ну точно, не по-русски. Вероника Сергеевна собирается во время отпуска пластическую операцию сделать. Нет! Только не в больницу. Там живет Больничник, так он сам спился на бесплатном спирте и всех гостей спаивает. Мне рассказывали. Спирта там – пей-не-хочу. Вот я и не хочу.

Стоп! А зачем мне эти бабы? Одна морока с ними: сегодня одно решат, а завтра – раз, и передумают. Куда Пашка отправится, интересно? Так, вскроем его аккаунт. О-пач-ки! Сенсация! Наш Павел имеет вторую семью, вернее, это была его первая семья, а сейчас – вторая, но все равно, он об этом никогда не

говорил. Поедет туда. И куда же это? В Крым. Вот это для меня подходит. И море есть, и жилье бесплатное, и никто мешаться не будет. Пашка вряд ли заметит, что в его багаже кто-то устроился. Кто там у меня в Крыму живет? Домовой дед Кузьма, конечно, не подарок, но это так, на первое время. А там, глядишь с ОТЕЛЬЕРКАМИ познакомлюсь, в отель перееду жить. Пойду собираться.

6 лунный день, Луна в знаке Водолея

Вот всегда говорил, что Водолей – самый ненадежный знак. Никто никуда не едет! Наш Владленчик куда-то сходил, с кем-то поговорил, кому-то что-то занес, и все, наши отпуска накрылись тем самым заказным письмом. Как в том старом анекдоте: «Стой, кто идет?!», – грозно раздалось на границе. – «Уже никто никуда не идет», – тихо ответило эхо. Я от разочарования даже кнопку на кресло Владлену подложил. Он не почувствовал. Обидно.

От скуки засунул в кофейный аппарат, туда, откуда льется готовый напиток, пробку. Веселья хватило ровно на пять минут. Пробку выбило давлением прямо в кружку финансиста Глеба, горячие брызги разлетелись в радиусе двух метров, осев на розовой блузке референта Танечки и на бежевом костюме самого Глеба. Честно скажу, коричневые пятна на бежевой ткани смотрятся идеально. Лучше, чем на розовом. Вот что значит, Офисной со вкусом! Под вечер сбросил вазон с кактусом с подоконника, имитируя внезапно открывшееся окно. Целился в декольте модницы Ирки, но не попал, растение шмякнулось на пол, не причинив никому вреда. И что тогда охать да ахать? Кому досталось, так это уборщице Леночке, работы прибавилось. А неча к начальнику клинья подбивать! Все. Пойду спать пораньше. Не мой сегодня день.

8 лунный день, Луна в знаке Рыбы

Вчера нечего было зафиксировать, потому и не писал. День как день, как тысячи в моей офисной жизни. Сегодня с утра – отличная новость. В очередной отпуск отправляется сам Владлен Палыч. Уж с ним-то не пропаду. Обычно он отдыхает в Сочах или в Гаграх. А там развлекается по полной. Отель заказывает с кучей звезд. А это – комфорт не только ему, но и мне. Оторвусь с тамошними ОТЕЛЬЕРКАМИ. Может, зазнобу свою единственную найду. Тогда вместе вернемся в офис. Какая жизнь начнется! Вдвоем даже вредничать веселее. Побежал собираться. Вернусь из отпуска, все-все напишу.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Шторы – против – Зеркала

Воскресенье Лары

Евгения

Наступило обычное воскресное утро: в сознание Лары знакомо прорвались громкие звуки из кухни и заливающий комнату красный свет. Дело в шторах: они цвета знамени революции и полупрозрачные.

На кухне что-то грохало, звякало, шкворчало. Гудел, ругая то ли власть, то ли жизнь, недовольный бас. Иногда его сменяло женское монотонное бухтение.

Воскресенья Лариной жизни начинались так уже лет семь. Или восемь?

Солнце било в глаза красным, бесило и мучило. Нет, невозможно.

– Уймись уже. Надоело.

– Что?

– Всё. Всё надоело.

Нехотя приняв наступившее утро за данность, Лара выползла из-под одеяла.

Нащупав голый пяткой шлёпанец, подтянула его, ощутила противную резиновую холодность. Надо бы, наконец, купить нормальные тапки – мягкие и тёплые. Второй шлёпанец заставил ещё раз поёжиться. Не оборачиваясь, процедила:

– Встаёшь?

– Неа. Повалюсь ещё.

Кухня встретила неприветливой теснотой. Свёкор Илья Ильич занимал большую часть – и стола, и всей этой площади два на три, и вообще всего этого душного мирка. Лицо у свёкра всегда такое, словно он жуёт лимон и кисло морщится. Свекровь Любовь Петровна толклась у плиты.

Жаль, что нельзя стать невидимой. Но обойтись без привычной утренней кружки тёплой воды Лара не могла.

– Доброе утро.

– Лара, драники стынут! – свекровь вывалила из сковороды в огромную миску очередную порцию духмяных красавцев.

Готовить свекровь умеет. Вкусно, много и напрасно.

– Петя еще спит. Мы попозже.

Лара наполнила кружку, протиснулась между столом и спиной в линялом халате, включила микроволновку. Минута тянулась мучительно долго: Илья Ильич успел обличить и обругать какого-то депутата, а свекровь – нарочито резко и с грохотом передвинуть табуретку, бросив позывные в тесное пространство:

– Стараешься для них...

Скорей бы отсюда.

– Спасибо, Любовь Петровна, очень аппетитные, большое спасибо, мы обязательно...

Лара извлекла из сумки одну за другой три стопки тетрадей с контрольными пятых классов. Раскрыла первую тетрадь и застыла, теребя красную ручку. Почему всё так? Непонятная и дурацкая жизнь. Эти чужие для неё люди, эта ненавистная работа...

Надо бы что-то изменить, разрушить, совершить! Но дальше воображение хронически упиралось в тупик. Поменять работу? А что она умеет? Да и школа рядом – удобно. Бросить мужа? Он хороший, не заслужил предательства. Да и куда ей уходить, не к матери же – там не слаще, чуть вырвалась. Замужество казалось шансом, а стало разочарованием.

Хочется ребёнка. Лара всегда мечтала о детях и даже думала, что у неё их будет не меньше десяти. Но годы идут, а не получается. Может, с другим и получилось бы, но у неё же Петя. Видно, не судьба.

Лара всмотрелась в небритое, блаженно похрапывающее на диване лицо, которое когда-то вскружило ей голову своей чрезвычайно притягивающей добротой и вселило надежду на что-нибудь прекрасное. Прошло лет семь – или восемь? Давно уже этот увалень и добряк надоел ей до смерти. Да и черты его с каждым годом кажутся Ларе всё больше какими-то кислыми, чем добрыми. Неужели она так и проведёт свою жизнь на этом неудобном диване, в этой клетушке с нелепыми шторами, которые выбирала свекровь? Заменить неудобно – вдруг обидится? Старалась, конечно, спасибо ей. Она всегда старается. Мужу угождает, сына оберегает, всех кормит, за всеми присматривает – хранительница очага что надо. Да, наверное, так и надо. Всё правильно. И всё хорошо.

Звуки из кухни вместе с родителями перекочевали, наконец, в соседнюю комнату.

Зашевелился Петя:

– Как вкусно драниками пахнет!

Драники у свекрови прекрасны. Петя смёл с тарелки штук пятнадцать, обильно сдобрив каждый сметаной. Лара тоже не удержалась от десятка с мыслью «да ладно, всё не так уж плохо...». На дне миски ещё с десятков дразнились поджаристыми корочками. Не оставлять же такую красоту, в самом деле. Расправились и с ними.

Домыв посуду, Лара вышла из кухни. В это время по узкому коридору, тяжело кряхтя и постанывая, проплывал огромный живот свёкра, загородив собой сразу полмира и весь проход. Пришлось ретироваться и подождать, пока Илья Ильич скроется в уборной.

Ожидая освобождения прохода, Лара успела зачем-то подумать: а не приготовить ли ей сегодня обед? А что, разве она не может накормить семью? А вот и не может. Любовь Петровна очень гордится тем, что готовит вкусно и много. И когда обнаруживаются признаки захвата Ларой части драгоценного кухонного пространства при попытке что-то приготовить, свекровь нервничает: борщ у Лары недостаточно красный, яичная скорлупа неэкономно очищена, кастрюля не тем боком поставлена... Лара понимает Любовь Петровну. И Ларе бывает неловко по двум причинам: из-за того, что она ничего не делает на кухне, и из-за того, что в своём порыве что-то сделать она может огорчить свекровь. То есть Ларе неловко всегда. Уже лет семь. Или восемь.

Утро лениво подбиралось к полудню, когда у Ильи Ильича подскочило давление. Так сильно, что вызвали скорую. Ехать в больницу свёкор наотрез отказался: в первый раз, что ли, криз этот? Пройдёт. После укола давление почти улеглось на прежнее место, и больной, отчаянно морщась от таинственного лимона, дал не первое уже обещание врачу соблюдать диету и вообще поменять образ жизни. Да-да, он всё понимает, осознаёт. Понимание необходимости – половина дела.

А когда половина уже сделана, вторая ведь не к спеху?

Буря, всколыхнувшая воскресную безмятежность, еще немного помыкалась по притихшим комнатам – и тоже затихла.

Лара снова села за контрольные, а Петя уехал:

– Посмотрю карбюратор.

Так он сказал. Зачем ему карбюратор, он не уточнил, но Петины карбюраторы Лару не волновали. Правда, воскресные поездки мужа – история загадочная, нелогичная и неопределённая, как вся Ларина жизнь. Ритуалу Петя не изменяет вот уже года два. Или три? Позавтракает, побреется-приоденется – и на авторынок. Что-нибудь посмотреть. Зачем ему каждый выходной что-то там смотреть, неизвестно, однако возвращается Петя часа через три-четыре неизменно довольный и добрый, поэтому Ларе безразлично, куда и зачем ездит Петя. Доволен – и славно.

Тетради, тетради... Вечные, нескончаемые тетради. Ошибки, тройки, двойки... Кто бы и ей исправил красной ручкой то, что неправильно? А оценку свою она и сама знает.

Так бывает: случайная мысль падает роковой каплей в переполненную чашу, а случайный взгляд цепляется за что-то – и решает всё.

Выплеск Лариного воскресного уныния приняла на себя штора напротив – именно в её злосчастный цвет знамени упёрся взгляд Лары в момент взывавшего душевного кризиса. Хватит с неё этих бесполезных красных тряпок, пропускающих свет! Как можно было столько лет их терпеть?! Лара

вскочила на стол и потянулась к карнизу, чтобы сорвать с петель назначенную виновницу всех бед.

Вероятно, стоит критически осматривать поле предполагаемых действий перед тем, как ринуться менять свою жизнь. Ларе же стоило сначала прибрать разложенные тетради. Нога, попав на скользкую обложку, резко поехала в сторону, а Лара сбитым на взлёте истребителем рухнула на пол.

Перелом кисти – это очень больно, но не очень страшно. Через два часа Лара по-прежнему исправляла ошибки пятиклассников, но уже левой рукой и не отвлекаясь на душевный кризис и революционные помыслы.

От Пети, как всегда после авторынка, пахло чем-то неуловимо романтичным – приятной смесью тонкого парфюма и манящей неизвестности. Огорчиться, увидав на жене гипс, Петя не успел: чтобы не спугнуть его довольное и доброе лицо, Лара поспешно улыбнулась:

– Ерунда! Хотела шторы... постирать, Петь, – закончила она скороговоркой, поймав на себе участливый взгляд входящей свекрови.

Плечом к плечу на тесной кухне ужинала семья, сплочённая сразу двумя воскресными происшествиями: кризом Ильи Ильича и гипсом Лары. Любовь Петровна хлопотала с особенным усердием и утроенной душевностью:

– Вкусно, ага? Ну, ещё бы! Добавочки?

Отказаться от добавочки было невозможно – могло последовать то неловкое молчание, во время которого обычно становится совестно, ведь Любовь Петровна так старалась.

Свёкор ел то же, что и все, но казалось, что он жуёт только свой нещадно кислый лимон.

За окном зажегся фонарь. Его неярко вечерний свет, пропущенный через красную штору, мягко и привычно улёгся на комод, словно огромный розовый кот, вальяжно занявший место хозяйского любимца. Лара засмотрелась на кота. Красивый. Милый. Толстый. Чудесный домашний котик, приходящий к ней на комод каждый вечер.

– Петь...

– М?

– А давай жить по-другому?

– Давай. А как?

– Давай придумаем.

– Давай. – Петя смачно зевнул и забурился носом в подушку.

– А давай купим новые шторы. Может, мама не обидится?

– Агм, обзатльн купм... – Невнятный бубнёж сменился ровным сопением.

Лара зевнула, потрогала гипс, грустно улыбнулась розовому коту и закрыла глаза. За стенкой глухо и вяло гудел недовольный бас. Потом он сменился

недолгим женским бухтением. Потом стало тихо. Закончилось ещё одно воскресенье.

А может, и так нормально?

Игра прозы «Бросаю вызов!». Вечер – против – Дня

Сказка, рассказанная кошкой

Джон Маверик

Я люблю допоздна бродить по городу. Вечером он похож на сказку, только уже рассказанную и почти забытую. Такой же холодный и пустой. Леденцовые домики с мансардами и покатыми крышами, еще зеленые деревья, с редкой золотой проседью в кронах, мягкий сумеречный свет. Дождь накрапывает, но совсем не мешает. Он пахнет морем и ранней осенью. Я хожу вдоль трамвайных путей и смотрю по сторонам.

Одни люди, гуляя, любят машины, другие – палисадниками, домами, старыми платанами. Третьи – лодками в порту. Кто-то с любопытством вглядывается в лица случайных прохожих, гадая о судьбах этих незнакомцев. А я обожаю наблюдать за кошками. Днем почти незаметные, к вечеру они покидают теплые лежанки, потягиваются и чистят шубки, готовясь к ночной охоте. Приветствуют друг друга или угрожающе ворчат, распушив длинные хвосты. Ночью город принадлежит им.

Я так долго изучал кошек, что начал понимать их язык. Не позы и не подергивания хвоста, а картинки, мысли, образы.

Миную перекресток и замечаю большую тигровую мурлыку. Она растянулась на парапете и моет шершавым языком лапку. Вид у нее довольный и сытый, а шубка блестит от влаги.

– Добрый вечер, госпожа кошка, – здороваюсь почтительно.

Тигра презрительно щурит зеленые глаза.

– Оставь церемонии, – говорит. – Присаживайся лучше, поболтаем.

Польщенный, я опускаюсь рядом с ней на парапет.

– Ты чья? – спрашиваю.

– Сама по себе, – вздыхает она и хвастливо, как мне кажется, добавляет. – Я – кошка-баюн.

Улыбаюсь, вспоминая русские сказки.

– Я думал, баюн – это кот.

– Бывает и кот, – легко соглашается тигра. – А я кошка. В нашем роду все баюны. Мы посылаем людям сны – кому какие нужны.

– Да? Расскажи, – прошу, неожиданно заинтересовавшись.

По рельсам, сверкнув желтым глазом, проносится трамвай. Похожий на мифического циклопа, он безлюден в этот поздний час, но полон изнутри теплым золотым сиянием. Мы оба провожаем его взглядами.

– Видишь этот дом? – спрашивает кошка-баюн и кончиком хвоста кивает на огромное строение с двумя блекло-желтыми фонарями у входа. Оно темное и тихое, словно окутанное осенней грустью. – Его хозяйку зовут Хельга.

Одинокая вдова. Раньше она была известным врачом – чинила людям сердца. Вообще-то, мы, кошки, занимаемся тем же самым, верно?

– Да, – соглашаюсь я, – вы это умеете.

Закончив вылизывать лапу, тигра принимается за вторую. Быстрыми движениями моет уши и мордочку. На меня она как будто не обращает внимания, но при этом продолжает рассказывать.

– В полумраке комнат Хельга стоит у окна, обняв себя за плечи. В углах ее дома скопилась пыль. На этой неделе она не поменяла постельное белье, а сегодня утром забыла причесаться.

– Откуда ты знаешь? – удивляюсь я.

– Что тут знать? – снисходительно щурится тигра. – Вы, люди, для нас как открытые книги. Много лет назад, таким же сентябрьским дождливым вечером, Хельга потеряла нерожденного сына. Побежала за трамваем и поскользнулась на мокром асфальте.

– Какая беда! – восклицаю. – Но ведь потом у нее были дети?

– Нет, – чуть заметно качает головой кошка. – Но тот, кого любили, не может исчезнуть совсем. Он остался рядом с ней – не живой и не мертвый, не заметный для окружающих. Хельга видела его как бы на краю зрения. Из младенца он превратился в хрупкого мальчика с волосами, как солнце. Потом в красивого парня, в молодого мужчину. Но как Хельга ни пыталась, никак не могла как следует разглядеть его, потому что он исчезал вместе со взмахом ресниц.

– Как знакомо, – тихо вздыхаю я, и мы долго смотрим вслед второму трамваю. Последний, отмечаю про себя.

– Сейчас ей снится сон. Ее сын, десятилетний мальчишка – именно таким ей нравилось его представлять. Но сегодня они впервые встретились глаза в глаза. «Мама, завтра я приду к тебе и мы опять будем вместе». – «Но как?» – улыбается она сквозь слезы. – «Я буду выглядеть по-другому, но ты меня узнаешь. Твое сердце узнает».

– А завтра? – спрашиваю, затаив дыхание.

Завтра порог ее дома переступит маленький рыжий котенок. И Хельга примет его, как родного.

Несколько минут я ошеломленно молчу.

– Но это, – наконец, выдавливаю из себя, – нехорошо.

– Хорошо, – возражает кошка. – Он крохотный, и ему нужна забота человека, еда и крыша над головой.

– Но ты обманула Хельгу!

– С чего ты взял, что обманула? Сны – не ложь и не правда, это просто сны. Котенок из нашего племени баюнов, он заговорит ее боль. В дом вернется радость. И после долгих лет темноты в окнах вспыхнет свет, потому что в душе воцарится любовь.

Закончив свой вечерний туалет, она спрыгивает с парапета и начинает тереться о мои ноги.

Я решаюсь.

– Кошка-баюн, – прошу, – нашепчи мне сон – такой, чтобы захотелось жить. Чтобы прошлое стало настоящим, а осень расцвела весенними красками.

– Мррр, – кокетливо мурлычет кошка. – А что я получу взамен?

Благодарно глажу ее темную спинку, а тигра пытается лизнуть мою руку. Ее узкие глаза мерцают во мраке таинственным изумрудным светом.

– Мой дом станет твоим домом. В нем есть мягкий диван, а в холодильнике – вкусное мясо. После ужина я задремлю у телевизора, а ты – у меня на коленях.

Нас ждут уютные вечера, тепло и ласка. А по ночам – голова к голове – мы будем вместе смотреть счастливые сны.

– Мррр... Договорились!

Игра прозы «Бросаю вызов!». Автомобиль – против – Автобуса

Сквозь ночь
Джон Маверик

Он вынырнул из тумана, из рыжих осенних сумерек, и ловко подрулил к остановке – ярко-синий, с блестящими лакированными боками. Он двигался так плавно, как будто не ехал, а плыл по воздуху, словно надувная игрушка, не касаясь новенькими колесами мокрого асфальта. Столпившиеся под стеклянной крышей люди изумленно ахнули: «Автобус-счастье!» Прокатиться на таком можно только раз в жизни, да и то подобная удача выпадает не каждому. После минутного шока маленькая толпа оживилась, воспряла, стряхивая серое оцепенение будней, и устремилась в открытую дверь.

Они спешили, запрыгивая на подножку, толкались локтями – правда, не сильно – и рассеянно улыбались друг другу. Пожилая пара, она – в светлом плаще, полноватая, с аккуратно уложенными седыми волосами, он – в черном кашемировом пальто, в шляпе и с тросточкой. Бомжеватого вида парень с собакой-волкодавом на поводке. Подросток в красной ветровке. Школьница с разноцветной сумкой через плечо. Старик со слуховым аппаратом в ухе. Молодая женщина и ребенок – бледная девочка лет четырех с руками тонкими, как у куклы. Станный длинноволосый тип в спортивном костюме. Они рассаживались в удобные, похожие на самолетные, кресла и жадно приникали к окнам, словно ожидая – прямо сейчас – увидеть за ними сказочную страну. Но за мутным стеклом кружилась все та же холодная морось, сквозь которую проклевывались первые фонари, и редкие прохожие с большими зонтами одинокими парусниками рассекали туман.

Но вот залитый осенними слезами домик остановки мягко тронулся, как корабль от причала, и поплыл назад. Вслед ему потянулись низкие тучи, переползая на брюхе с крыши на крышу. Смазались и потекли ручейками зеленые огни.

– Не бойтесь, он не кусается, – снова и снова объяснял бомж, ласково похлопывая собаку по холке. – Он у меня добрый. Детей любит. Девочка, хочешь, погладить? Смелее. Не кусается, говорю.

Развалившийся у его ног волкодав часто и возбужденно дышал, свесив на сторону тряпичный язык.

– Не трогай, – испуганно, одними губами, прошептала молодая женщина, и бледная девочка послушно отдернула руку.

– А я поглажу! – с вызовом сказала школьница и, быстро наклонившись, погрузила пальцы в теплую черную шерсть.

Собака оскалилась и заворчала.

Темень за окнами густела, а городская улица сменилась проселочной дорогой. Здесь совсем не горели фонари, только звезды булавками прошивали тучи, да темные силуэты деревьев раскрывали мягкие объятия.

Первым сошел старик. Не только глухой, но вдобавок еще и подслеповатый, он – единственный из всех – даже не понял, что сел в автобус «счастье», и просто доехал до ближайшей деревни. Он пошел прочь упругой походкой, подсвеченный неоновой вывеской ночного магазина, и был, вероятно, абсолютно счастлив, возвращаясь из города домой, к любимой жене-старушке, к детям и внукам, а может и – чем черт не шутит – к правнукам.

А синий автобус нырнул в чернильную гущу леса и понесся, как стрела, по ровной дороге, мимо разлапистых еловых великанов, спекшихся на скорости в одну темную, неприступную громаду. Верхний свет погас, лишь слабо тлели маленькие лампочки над каждым сидением.

56

– Мама, а куда мы едем? – спросила бледная девочка, и присмиревшие в полумраке пассажиры вздрогнули от неожиданности.

Действительно, куда?

Теперь, когда волнение сменилось усталостью, они и сами не понимали, зачем отправились в это странное путешествие. Или путь к счастью лежит через ночь? Через тьму, полную чудовищ? Через дикие, страшные, забытые Богом места?

Лесное шоссе в никуда – к чему хорошему может оно привести горстку растерянных, разочарованных в жизни людей?

– Спи, солнышко, – нервно сказала молодая женщина, заботливо укутывая дочку своим пальто. – Положи голову мне на колени. Вот так.

Малышка, повозившись, легла и закрыла глаза, но тут же распахнула их и уставилась в потолок.

Через два ряда от нее подросток в красной ветровке, приподнявшись со своего места, замахал руками. Автобус замедлил ход и плавно остановился. Отъехала в сторону дверь, через которую скользнула в темноту узкая мальчишеская фигура.

– Куда это он? – жалобно выдохнула школьница, но никто ей не ответил.

Пассажиры автобуса «счастье» смотрели в сторону или притворялись спящими. А кое-кто, и правда, уснул.

И растворилось красное в черном. Там, в безлунной тьме, среди мокрых стволов и тяжелых, набухших дождем веток, среди пней и коряг, в глухом бездорожье, одинокий парнишка отыскивал тропинку. Свою, единственную, ту, что приведет его... кто знает, куда?

Никто не ведает, кроме Бога и его, мальчишки, путеводной звезды. Той самой, что светит даже сквозь тучи, сквозь душевную слепоту, сквозь кроны деревьев.

Мягко качнулся автобус и снова понесся вперед, набирая скорость. Теперь он ехал по серпантину, все выше взбираясь в гору. Лес расступился, и с правой стороны дороги открылся обрыв, серые склоны в редких пятнах кустарника. Слева нависала почти отвесная каменная стена.

– Ого, – невнятно пробормотал странный длинноволосый тип. – Мы, кажется, в Австрии. Эй, люди, сколько уже часов мы едем? И все темно, как у черта сами знаете где. Не пора ли уже взойти солнцу?

Но никто его не слышал. Бомж спал, откинувшись на спинку кресла и выводя носом проникновенные рулады. Чутко дремала, уткнувшись мордой в грязный кроссовок хозяина, большая черная собака. Школьница посапывала на сдвоенном сидении, подогнув под себя ноги и положив под щеку пухлый кулачок. Пожилые супруги обнялись во сне. Их лица стали совсем детскими.

Молодой женщине снилась ее нескладная жизнь. Муж, бросивший с ребенком. Нудная работа в паспортном столе. Съемная комната в чужой квартире. Ничего такого, что было бы жаль оставить позади. И дочка – тоненький лучик солнца. Но ее не нужно оставлять, она здесь, теплая, настоящая, пригrelась у мамы на руках. И еще что-то такое из детства снилось – усыпанный ягодами куст малины, черные ломтики сушеных подосиновиков на крышке от кастрюли...

Сквозь сонное марево пробился голос.

– А что я могу сделать? Я всего лишь водитель. Не я выбираю маршрут. Да, знаю, что уже пора... Тех, кто до утра не поймет, в чем их счастье – сброшу в пропасть.

Вероятно, ей померещилось. Случается иногда этакий обман слуха на грани сна и пробуждения. Возможно, водитель и не говорил по телефону с диспетчерской, и вовсе не размыкал губ во время всей поездки. Но молодая женщина подскочила, как ужаленная, и, подхватив дочь, кинулась к выходу.

Скрылся за изломом дороги синий автобус. Она замерла над обрывом, над черной пустотой, в которой беззащитной звездочкой мерцал крохотный огонек. Что там, внизу? Одинокая ферма? Домик отшельника? Горный поселок с одним единственным не спящим жителем?

У ее ног простиралась неизвестность, а над головой раскинулся звездный купол божественной красоты. Молодая женщина стояла на краю, в самом центре мира, прижимая к себе ребенка, но страха не было – а только чувство абсолютной, безграничной свободы. Такой, что, кажется, еще шаг – и взлетишь.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Новый год – против – Дня рождения

Сбежавшая ёлка

Марина Юнг

На южной стороне большой поляны вдруг началось что-то неладное. С лёгким треском засверкали маленькие искорки, потом большие, потом гигантские, и наконец, придавив собой пушистый сугроб, появились тяжёлые сани, гружёные разноцветными мешками. Выглядели они странно: ни лошадей, ни оленей не было и в помине, зато впереди красовалась приборная панель с множеством кнопочек, стрелочек и лампочек.

Из саней, кряхтя, вылез деловитый дед Мороз, бурча себе под нос: – Ох уж эта мне техника... всю дорогу душа в пятки уходила – всё казалось, что лошади потерялись... что значит привычка...

Повозившись за сиденьем, он вытащил толстую издававшую виды книгу.

– А всё же без волшебной книги никуда! Дед Мороз я или нет? То-то... Так, ну, что тут у нас... Лес правильный, поляна тоже. Координаты совпадают. А значит, – он сверился с книгой, – вот здесь... секундочку... здесь должна быть... Она же должна быть здесь!!!

Всё было правильно. Кроме одного.

Дед нахмурил лоб, подёргал бороду, сдвинул шапку на затылок и обратно на макушку. Ничего не помогало.

Ёлки не было!

Весь план, продуманный до мелочей, оказался под угрозой. Именно здесь, на этой поляне, его должна была ждать лесная красавица – придиричиво отобранная для праздника двадцатилетняя трёхметровая ель. Через несколько часов сюда начнут сходить за подарками и праздничными развлечениями олени, лоси, зайцы, белки. Придёт и лесник со своими внуками... и что же? «Неужели я так опозорюсь на старости лет?! Нет, нет... думай, дед, думай!»

И тут он вспомнил.

***

Совсем недавно, в прошлом году, завершив раздачу подарков и не покупившись на чудеса, они с приятелем и двумя снегурками решили махнуть на пикничок, прыгнув в новых тогда еще санках (последний писк техники!) наугад лет на двадцать назад. Было весело, и никто не придавал значения тому, что забавы ради кто-то из них пугнул снежком белку посреди поляны. Белка, подхватив свою шишку, спаслась бегством, и... ну конечно. Ведь это она должна была разгрызть здесь шишку и уронить то самое заветное семечко, а из него...

Теперь дед понял, что они натворили тогда – нарушили правильный ход событий, или, как любит говорить друг и коллега Санта, какой-то там континуум...

***

– Ну что ж, это мы поправим. Сейчас, сейчас поправим.

Дед снова уселся в сани и взялся за ручку навигатора, чтобы перевести с 2021 на 2000, но то ли он уж очень был расстроен, то ли силу не рассчитал в порыве исправить содеянное, а только вылез он из саней вовсе не в 2000 году...

Сосны вокруг были совсем молоденькими, середину поляны изуродовала воронка от снаряда, но главное... Дед во все глаза смотрел на мальчика с золотыми волосами, который пытался кутаться в мантию, но всё равно дрожал от холода. Он сразу его узнал, недаром так любил подсматривать из-за плеча, когда дети читали подаренные им книжки.

– Да ты же замёрзнешь, малыш! А ну давай скорей под шубу! – крикнул он, укрывая полрой шубы мальчишку, – как ты попал сюда? – и на всякий случай добавил: – ваше высочество...

– Я хотел... найти ёлочку... совсем маленькую, для Лиса...

– Для Лиса?

– Ну да. Он же мой друг. Потому что я его приручил и теперь...

– Да, да... ты за него в ответе.

– Откуда ты знаешь? – удивился маленький Принц.

– Ну... – дед Мороз скромно потупился, – прочитал где-то.

– Я когда-то уже был на Земле. Пару лет назад. Наверное, в этот раз я что-то неправильно рассчитал, – продолжал Принц, – вот и попал сюда. Здесь такой мороз! И совсем нет маленьких ёлочек...

– Ну вот что, прыгай в сани! Найдём тебе ёлочку. И даже сделаем так, чтобы она оставалась маленькой. Дед Мороз я или нет? То-то. Но сначала мне надо съездить по одному срочному делу. Идёт?

– Идёт! – обрадовался Принц, – дедушка! А что это за страшная яма на поляне?

– Здесь была война, малыш. Но ты не переживай. Яму скоро засыпят. А когда-нибудь здесь вырастет прекрасная ель.

– Ты думаешь?

– Я точно знаю.

***

Усевшись за пульт управления, дед глянул на панель навигатора и охнул:

– Вот старый растяпа! В сороковые занесло. Ну да, всё правильно, вот и Принц здесь оказался... Так, теперь уж смотри хорошенько...

На этот раз он очень внимательно выставил на табло тот злополучный день в 2000 году и нажал на старт.

Прибыв в нужное время, сделал всё очень быстро – просто отвел тропинку, по которой подгулявшая компания вышла на поляну. Притаившись за кустами, услышал, как стихли вдалеке весёлые голоса и вернулся на знакомое место. Середина поляны была изрисована беличьими следами, а на снегу были рассыпаны семечки из еловой шишки. Теперь всё в порядке.

– Так-то лучше. Ну вот и славно, можно возвращаться.

Вернувшись в 31 декабря 2021 года и выскочив из саней, дед застонал и сел в сугроб: ёлки снова не было.

***

Красавица-ель, выросшая за свои двадцать лет до трёхметрового роста, была гордой, самолюбивой, но легкомысленной. И поэтому её соседкам, которые росли по бокам поляны и страшно завидовали Ёлочке (ведь её избрали быть королевой праздника), до обидного легко удалось сбить её с толку.

– Как ты позволяешь так с собой обращаться?! – нащёптывали они со всех сторон, – тебя используют! Тебя эксплуатируют! Они не имеют права! На твои нежные веточки повешают всяких тяжёлых штукovin! Веточки сломаются! Отвиснут! Звери оттопчут тебе корни! Обдерут кору!.. – и всё в таком духе.

Наконец Ёлка не выдержала. Как и все, она прекрасно знала, что с наступлением сумерек 31 декабря каждая взрослая ель получает способность танцевать. Не все, конечно этим пользуются, но это уж их личное дело. А она не станет ждать, пока её используют!

И как только начались ранние зимние сумерки, она сделала пару пробных шажков, потом пару шагов подлиннее, и наконец, не замечая злорадного хихикания соседок по поляне, понеслась по сверкающему снегу прочь от родного места.

***

– Вот беда... вот беда! Да что же это... – бормотал дед Мороз, глядя на беспорядочные следы, ведущие от середины поляны в чащу леса. – Да как же она додумалась... а главное – зачем?!

Наконец он взял себя в руки.

– Бельчонок! – позвал он тихонько.

Маленький бельчонок появился по первому зову и рассказал всё, что видел и слышал.

Дед задумался.

«Так... вернуться на два часа назад было бы проще простого. Объяснил бы ёлке всё как есть и отговорил бы от глупого побега... Но сейчас не могу – мой пассажир совсем замёрзнет. Надо его домой отправлять».

***

Он огляделся, увидел группу ёлочек-трёхлеток, выбрал самую хорошенькую и пушистую, росточком около полуметра. Движением бывалого путешественника вынул из сапога лопатку, аккуратно выкопал ёлочку с кучкой земли, не повредив корней, и, наклонившись над санями, показал Принцу:

– Нравится?

– Очень!

Довольный дед щёлкнул пальцами, и в руках его появился симпатичный вазон. Поместив в него ёлочку и утрамбовав землю, дед сказал Принцу:

– Вот и весь секрет. Видишь, в горшке корни большими не вырастут, а значит, и ёлочка останется малышкой. Не вырастет огромной, как баобаб, и не разрушит твою планету. Всё просто, даже колдовать не надо. Этот... как же... бунсэй... банзай... как-то так называется.

– Дедушка! Ты волшебник! – восхитился Принц.

– А то! Ну а как же иначе?

– Дед Мороз ты или нет? – прищурился мальчик.

– Вот именно!

– Но... как же я попаду домой? Я совсем не знаю эти места. И змеи здесь, кажется, не водятся...

Тут дед посерьёзnel:

– А теперь, дружок, слушай внимательно. Забудь о змеях. Этого еще не хватало! Сани намного лучше. Смотри, вот эту кнопку я выставляю на твою планету, а этот рычаг – на твоё время – момент, когда ты улетишь на Землю...

– А ты что же, не полетишь со мной?

– Тут видишь ли какое дело... Ёлка сбежала с праздника, и я должен её догнать. Иначе праздника не будет, вот так-то...

– Как же ты без саней?

– Придётся по старинке. Где наша не пропадала... Вот только успею ли...

С этими словами дед закончил выгружать мешки с подарками и вытащил с самого дна саней старые добрые лыжи-самоходы.

Принц нахмурился. Он о чём-то напряженно думал. И вдруг лицо его просияло.

– Ты успеешь, дедушка! Я знаю, что ты сделаешь!

– Ммм?..

– Ну конечно! У тебя ведь есть волшебные краски и кисточки?

– Конечно есть! – дед разыскал между мешками волшебную коробку с красками и кисточками.

– Ну вот! Теперь ты понял... ты же понял?

– Эээ...

– Слушай! В прошлый раз, в Сахаре, я познакомился с Лётчиком. Это был лучший из взрослых, кого я знал. Он нарисовал мне барашка. И ящик для него.

И теперь я смотрю в окошко и вижу, как барашек в ящике спит, и я могу дать ему сена. Понимаешь?

– Ну... я рад, что барашек живёт у тебя. Но мне-то...

Тут дед замер на полуслове, поражённый догадкой.

– Значит, он нарисовал барашка, и барашек живёт у тебя... он настоящий!

– Да!

– Значит, то, что я нарисую...

Дед выхватил из коробки тюбик с розовой краской.

– Я нарисую розовый закат! Пока он будет на небе, Новый год не может наступить. А значит, я и без саней успею догнать Ёлку и вернуть ее на праздник. А потом, когда всё будет готово, можно и перекрасить небо!

– Правильно, дедушка! Я знал, что ты догадаешься!

Дед Мороз посмотрел на маленького Принца долгим взглядом:

– Знаешь, малыш... ты... да ты просто молодец!

Прощание было недолгим. Дед провёл инструктаж, хотя особых действий от Принца и не требовалось: сани, установленные на автопилот, сами доберутся до планеты и с ближней орбиты катапультируют пассажира на солнечную сторону, после чего вернуться к хозяину.

Они обнялись, и дед закрыл дверцу саней, последний раз взглянув на счастливого Принца, бережно прижимавшего к груди ёлочку в горшке.

Оставив лёгкий сноп искр, сани исчезли. Дед взялся за кисть.

***

Ёлка устала и запыхалась. Ей очень хотелось домой, на родную поляну. Она уже не бежала, а понуро брела, проваливаясь в сугробы.

– И зачем только я их послушала... Разве плохо быть королевой праздника? Вот бы вернуться... но я наверняка заблудилась.

Она не знала, сколько времени прошло. Ей казалось, что она в пути уже очень долго, но темнота всё не наступала. В небе горел и горел розовый закат.

Дед Мороз был даже рад тряхнуть стариной. Приятно поскрипывали по снегу верные самоходы, а следы беглянки, вначале лёгкие, летящие, стали глубокими и неровными. Дед понимал, что цель близка.

Ёлка остановилась у глубокого оврага. Дальше пути не было.

Услышав сзади скрип снега, она вздохнула с облегчением.

– Ты чего это удумала? – начал было дед.

– Ах, дедушка, я была такая глупая! – перебила его Ёлка, – давай вернёмся на поляну! Я хочу на праздник... – и совсем тихо добавила: – Прости меня...

Зная характер колючей беглянки, дед Мороз понимал, чего ей стоили эти слова.

***

Маленький Принц и Лис любили сидеть вместе и любоваться ёлочкой в красивом вазоне. Принц вспоминал деда Мороза и часто рассказывал о нём другу. Иногда он думал: догнал ли дед сбежавшую ёлку? Впрочем, он задавал себе этот вопрос просто так, для размышления. Вспоминая хваткого и находчивого деда, он не сомневался: конечно, догнал!

Дед Мороз тоже любил вспоминать этот суматошный вечер. Хотя он сильно волновался тогда и успокоился только после того, как посреди суеты новогоднего торжества отметил краем глаза вернувшиеся сани. А потом, глядя в волшебную книгу, он обнаружил, что у маленького Принца появилась новая привычка: теперь он не только передвигает свой стул, если хочет полюбоваться закатом, а иногда наряжает ёлочку и любит её вместе с Лисом, если ему вдруг захочется встретить Новый год.

Ёлка была счастлива на новогоднем празднике. Она поняла одну важную вещь: никогда не надо слушать тех, кто даёт советы из зависти. А самое главное – как прекрасно доставлять радость лесным друзьям!

Игра прозы «Бросаю вызов!». Черепаха – против – Дельфина

Марино и Чика

Ольга Клен

В той, первой жизни, которую Марино совершенно не помнил, наверно, тоже было море. Иначе и не могло быть, потому что чувства, волновавшие его при виде этого подарка природы, такие глубинные и мощные, не могли родиться за последние три года, которые молодой, но уже совершенно седой мужчина, прожил на зелёном гостеприимном острове. Каждую свободную минутку Марино проводил на берегу, вглядываясь в заштрихованный расстоянием горизонт. Он безотчётно пытался разгадать по силе волн и по терпкому запаху тайну своего появления здесь.

– Марино, хватит грустить, пора на работу! – весельчак Винсент, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, махал соломенной шляпой с прибрежной дюны, возвращая Марино к действительности.

И то, пора! Странное это море, оно всегда крадет время.

Надо сказать, что местное население относилось к Марино, как к родному, все старались помочь, поддержать, накормить чем-нибудь вкусеньким. Он стал местной достопримечательностью, можно сказать, единственной: не каждый же день море выбрасывает человека, к тому же, живого! В то памятное утро вездесущие мальчишки, Бог весть по какой надобности слонявшиеся по берегу, вдруг наткнулись на чужака. Он совершенно не был похож на местных мужичков, иногда встречавших похмельное утро именно в этом месте.

– Марино! Марино! – их звонкие голоса разбудили всех жителей не хуже петухов, подрабатывающих здесь будильниками. Марино, как оказалось потом, означало, – посланный морем. Так и закрепилось это имя за новым островитянином. И оно ему нравилось.

Всю дорогу до дельфинария, где работали друзья, Винсент рассказывал местные байки, насвистывал мелодии любимых песен. Благодаря этому, Марино постепенно удалось смахнуть с себя гипноз моря. В отличном настроении мужчины вскоре уже открывали стеклянную дверь с нарисованным на ней весёлым дельфинчиком. Их ждал сюрприз: только что привезли новичка, которого Марино предстояло выдрессировать для выполнения хозяйственных работ. В маленьком бассейне мужчина не сразу и заметил забившегося в угол, старавшегося слиться с цветом бетона, пленника. При беглом взгляде на него у Марино почему-то забилося сердце. Странно, это ведь не первый его питомец. Лишь взглянув в глаза дельфина, мужчина всё понял. И всё вспомнил.

– Чика! – только и вымолвил он.

Николай! Меня зовут Николаем! И я – русский! Я – моряк. Боже, как же там без меня живут доченька Верочка и любимая Наденька? После того кораблекрушения его, скорее всего, уже объявили погибшим. Бедные, бедные мои девочки!

Вихрь воспоминаний прервался чуть слышным писком дельфина.

– Прости, Чика! Прости, дорогой! Ты напуган и голоден, а я совершенно забыл о тебе. Сейчас покормлю. И ничего не бойся, я не дам тебя в обиду. Это ведь только тебе я обязан своим спасением. Помнишь, как ты нашёл меня под обломком корабля совершенно обессиленного? Только ты мог почувствовать, что я ещё живой и, подплыв под меня, несколько часов толкать бесчувственное тело к ближайшему берегу! Только ты мог неизвестно сколько времени кружить возле того места, куда выпихнул меня и ждать, пока меня найдут! Чика!

Дельфин от обилия чувств захлопал плавниками.

Ранним утром, когда спало даже море, от зелёного острова отплыли и растворились в тумане две фигуры. Дельфин и человек направлялись в собственные жизни, которые на некоторое время были каждым из них потеряны.

Игра прозы «Бросаю вызов!». Горы – против – Парка

Гулять по воде
Ксени

Сжавшись, словно в ожидании удара, она шла по улице, засунув руки в карманы джинсов. Из-под накинутого на голову капюшона черной толстовки, на лицо свисали пряди прямых светлых волос. Ее пугали глаза людей – липкие, любопытные или пустые, что было еще страшней. Она старалась выбирать дороги, вдоль которых росли деревья или пышные кусты сирени, – они укрывали от насмешливых взглядов проносящихся мимо машин. Девушка смотрела под ноги, но чувствовала, как серые многоэтажки, наклоняясь ей вслед, впивались в спину темными провалами окон. Поэтому она предпочитала просторную, свободную одежду, чтобы не чувствовать прикосновение этих навязчивых рук-глаз, преследовавших ее повсюду. И постоянный шепот чужих мыслей за спиной, стоило, опустив взгляд, пройти мимо.

Она преображалась в парке на краю города, забытом и потому часто безлюдном. Он не выдержал конкуренцию с Центральным, напичканным современными развлечениями на любой вкус. По горбатуму мостику она переходила овраг и оказывалась в уютном и тихом мире, где ее съезжившаяся душа приоткрывала дверцу шкафа и выбиралась наружу, чтобы жить. Сняв капюшон, она любила читать, устроившись на давно некрашеной лавочке, облупившейся до дерева под солнцем и дождями. Или бродила по дорожкам аллей, усыпанным мелким золотом берез, здороваясь с каменными скульптурами, как со старыми знакомыми.

Худой, высокий, с тонкими чертами лица и всегда растрепанной шапкой темных кудрей – он видел мир через объектив фотоаппарата. Ему нравилась безлюдность парка, никем не нарушаемая тишина и атмосфера остановившегося когда-то времени, характерная для мест, не тронутых или забытых человеком, где восходы и закаты не отсчитывали прожитые дни, а обозначали дыхание жизни. Он давно не бывал в этой его части и потому не ожидал здесь кого-либо встретить, но девушка, стоявшая на дорожке аллеи, была так органична, словно часть осени, живущей в парке. Она стояла под золотым дождем листьев, стекавших с веток берез, в полном безветрии. Грустная полуулыбка отражала легкую рябь небольшого озера, а тонкие кисти рук двигались в унисон с дыханием старого парка. Окунувшись в осень, она впитывала уходящую ее красоту, а он, делая кадр за кадром, пытался запечатлеть этот плавный танец жизни. Очередной щелчок фотоаппарата

заставил девушку вздрогнуть. Она замерла, мгновенно опустив глаза, и привычным быстрым движением накинула на голову капюшон.

Убежав из парка, смущенная и рассерженная, она вернулась домой и, закрывшись в комнате, снова и снова прокручивала в голове произошедшее – объектив, бесстрастно смотревший на нее, растерянные темные глаза, длинные артистические пальцы, державшие камеру и странную тишину вокруг незнакомца – ей показалось, что он стоял, как будто в стеклянном шаре в окружении белых плавающих снежинок.

В школе он был долговязым нескладным подростком, молчанием отвечавший на вопросы учителей и сверстников, и на отлично выполнявший контрольные и письменные работы. Люди пугали его непредсказуемостью. Он физически ощущал их грубость, страх, яркие вспышки, будь то радости или агрессии. Внутри начиналась дрожь даже тогда, когда яркие всплески эмоции не были напрямую направлены на него. Спасением стал фотоаппарат, подаренный родителями на день рождения. Взглянув в объектив первый раз, он понял, что тот пугающий мир остался по другую сторону. Он продолжал чувствовать людей, но их эмоции более не вторгались в его мир, защищенный стеклом объектива.

Вернувшись из парка, он просматривал получившиеся фото на экране компьютера – чуть прищурившись, девушка смотрела на солнце, такая свободная и открытая, окруженная дождем света и желтыми штрихами падающих листьев.

День второй

Она устроилась на лавочке, стоявшей на берегу небольшого озера в центре парка. Длинные, тонкие ветки старой березы зеленым пологом укрывали ее от случайных взглядов. У берега, усыпанного длинными листьями прибрежных ив, плавали утки, и девушка бросала им куски булки. Она ждала его, но вздрогнула, услышав сухой щелчок фотоаппарата. Инстинктивно руки потянулись к капюшону, но остановились, когда поняла, что вчерашний незнакомец ее не видит. Недалеко от берега сломавшийся ствол старой ивы образовал заводь, укрытую тонким занавесом листьев. Утки скользили по волнам, на которых танцевали солнечные блики. Почувствовав взгляд, он обернулся. Поиск глазами, столкнулся с ее взглядом. Споткнулся и, как когда-то давно, ощутив неловкость, закрылся камерой и нажал на кнопку.

Его работы пользовались успехом – покупались журналами и побеждали на конкурсах. Подобно импрессионистам, он тонко ловил мимолетность красоты,

будь то природа, портреты людей, ситуации. Постоянный взгляд через объектив научил его предчувствовать моменты и ракурсы, чтобы вовремя поймать «тот самый кадр». Люди перестали пугать – теперь не обязательно было держать камеру, чтобы отгораживаться от них. Но эта странная девушка смогла пройти сквозь защитное стекло, которое привычно и незаметно для других окружало его мир.

День третий

Весь день моросил дождь. На дорожках парка в выщерблинах асфальта собирались лужицы, в которых плавали лодочки листьев. Два зонтика – черный и темно-бордовый – гуляли по мокрым аллеям, постепенно сближаясь друг с другом. Она начала подниматься по каменным ступеням, подставив лицо мелким каплям и остановилась, увидев незнакомца на верхней площадке. Разделенные шестью ступенями и тонкой пеленой дождя. Соединенные тишиной – три ступени вверх, три ступени вниз – навстречу друг другу. Молча он протянул руку, на раскрытой ладони которой лежал квадратик флэшки. Она аккуратно взяла ее, стараясь не касаться его руки.

С экрана ноутбука на нее смотрела незнакомая девушка – неплохо сложенная, несмотря на мешковатость одежды, скрывавшей фигуру, с искренней улыбкой и легкими светлыми волосами, подхваченными ветром. Ей показалось, что девушке на фото не хватает красок. И забыв о страхах – взглядах и шепоте за спиной, своей беспомощности перед выбором – пошла в торговый центр, а когда вспомнила, было уже поздно, потому что увидела то, что ей сразу понравилось – голубая куртка, у которой верх и рукава были из привычного текстиля, а от талии – стеганная плащевка с рисунком в виде поперечных полос. И, конечно, с капюшоном.

День четвертый

С самого утра лил дождь и синоптики прогнозировали месячную норму осадков за следующие три дня. Осень, словно решив устроить генеральную уборку, смывала остатки роскоши. Белые колонны ротонды ярко выделялись на фоне темных стволов. Девушка стояла под куполом и смотрела, как струи дождя пузырятся в лужах. Она увидела незнакомца на другом берегу озера у лавочки, где любила кормить уток.

Чистый голубой цвет в окружении белого, на фоне черных деревьев привлек его внимание. Они стояли друг напротив друга, разделенные озером.

– Если пойти в обход...

– опять попадем в лабиринт дорог.

– Тогда остается...

- прямо навстречу.
  - Ходить по воде мог только один...
  - Он звал за собой
  - Мне страшно...
  - мне тоже. Но храбрый не тот...
  - кто страха не знает.
  - Он говорил, что можно...
  - просто идти.
  - Идем?
  - Давай
- Главное сделать это хоть раз, потом будет легче.

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь». Конкурс первый

А квартира-то чья?

Ольга Клен

– Да куда же он провалился? – из коридора послышался звук упавшего тяжёлого предмета.

– Ящик из антресолей с отцовским инструментом, – подумала я вслух, глотнув из кружки горячий кофе.

Когда я завтракаю, жизнь может проноситься мимо меня галопом, я и ухом не поведу, потому что к первой порции кофе я ещё не совсем просыпаюсь. Но сегодня...

Из кухни я выскочила со скоростью, никогда ранее за собой не замеченной. И причиной тому не был приятный мужской голос, несколько подпорченный возмущением, который доносился из прихожей. Не настолько я уже и соскучилась по мужским ласкам, чтобы на всех парах лететь на голос. Всё дело в том, что я живу одна.

71

– Вам помочь? – мой вопрос произвёл на незнакомого парня, стоящего на незнакомой же стремянке и роющего в моих антресолях, неизгладимое впечатление. Молодец чуть не последовал за ящиком с инструментом. Это даже примирило меня с тем разрушением, которое сотворил в моей прихожей незнакомец.

– Что вы здесь делаете? – уже хором задали мы вопрос друг другу.

Слияние наших голосов, видимо, так понравилось энергетическому пространству, что и ответ прозвучал тоже хором:

– Я здесь живу.

Понятнее ситуация не стала, зато мы оба пришли в себя. Где мы до этого были, объяснить невозможно. Уже хорошо то, что пришли каждый в себя, а не друг в друга.

– Здесь живу я, – видоизменив фразу, я сделав ударение на собственной особе, – и это моя квартира, оставшаяся мне по наследству от отца, – повторила я для особо одарённых. – А вот вы кто такой и что ищете в моих антресолях?

– Но ведь это моя квартира, – сильным голосом пролепетал парень. И что мне могло понравиться в его голосе? Сипит, скрипит, перескакивает на фальцет...

– Да? С какого такого перепугу? – я уже взяла себя в руки, чтобы не выходить из себя, потому как приходиться в себя требует очень много душевных сил.

– Нет, не с перепугу. Я взял эту квартиру в лизинг пять лет назад. У меня и документы есть, сейчас покажу, – мужчина начал медленно спускаться с лестницы.

– Стойте! Не приближайтесь. Не нужны мне ваши документы, к тому же их и не может быть. Вот у меня доказательство железобетонное – прописка в паспорте, – такой весомый аргумент перебить будет невозможно, отчего я даже позволила себе улыбнуться. Я знала, что моя улыбка действует на мужчин обезоруживающе. Сейчас она должна была заменить контрольный в голову.

Не получилось... Мужчина оказался непробиваемым. Запах перебежавшего кофе, доносившийся из кухни, отвлек от зашедшего в тупик спора и определил место нашего дальнейшего общения. Мы с непрошеным гостем устроились по разные стороны барьера, которым на время стал мой кухонный стол. Наступила пауза, которая предполагала сбор сил, слов и аргументов. Я в это время вытерла залитую плиту и сварила новую порцию кофе. Не на сухую же общаться! А так, между глотками кофе, можно будет незаметно продумывать дальнейшие действия, как говорится, ориентироваться по ходу пьесы. К тому же, будет чем руки занять, удерживая кружку. А то они так и тянутся к холодному оружию, которого на любой кухне – хватай-не хочу.

– Меня Викой зовут, – представилась я, вспомнив курс судебной психологии из университета, где говорилось, что преступнику тяжелее напасть на знакомого человека. Всё-таки мой негаданный гость – мужчина, а значит, сильнее меня. Исподтишка я стала приглядываться к расположению тяжёлых и острых предметов на кухне. Оказалось, что многие орудия кухонных пыток лежат не на месте, а некоторые вообще отсутствуют. А-а-а! Значит, незнакомец уже и на кухне ночью побывал. Я была так впечатлена этим выводом, что пропустила мимо ушей имя собеседника.

– Что вы сказали?

– Виктория, говорю... Грозное у вас имя. А меня Виктором назвали.

Вот те на... Один – один. Значит, победителей у меня на кухне сегодня собралось аж две штуки! Но так не бывает. Победителем может быть только один, и это я. Вкус горького кофе настроил меня на решительный лад. Немного отвлекла сама кружка, потому что не была той, из которой я обычно вкушаю любимый напиток.

– Это ты из моей кружки пьёшь, – проследив за моим взглядом, пояснил Виктор, незаметно перейдя на «ты».

– Ладно, не соскакивай с вопроса, – отмахнулась я. – Что ты искал на антресолях?

– Там где-то с прошлого года лежит большой фонарь. Мне он нужен только пару раз за сезон, когда на дачу еду.

– Ну вот и отлично! Пойдём, поищем твой фонарь. Если найдём, значит, это твоя квартира, а если нет, то придётся тебе уйти отсюда. Без фонаря, – попыталась съязвить я и направилась в прихожую.

После десятка минут переключивания с места на место всякого хлама, который давно просился на выход, Виктор торжественно вытащил из глубины старинный керосиновый фонарь с закоптелым стеклом:

73

– У нас там часто электричества не бывает, – словно извиняясь, пояснил он.

У меня не было слов! Значит, чтобы оттяпать у меня квартиру, этот пройдоха ночью пробрался сюда, переложил кухонные принадлежности с привычных мест, спрятал грязный фонарь на антресолях... Что ещё он предпринял, чтобы свести меня с ума?

Неожиданно от ветра с шумом распахнулось окно в комнате. Мы с Виктором помчались туда. Добежав до окна, я выглянула наружу. Привычного глазу плаката «Партия – наш рулевой» на месте не было. Странно... Не мог же Виктор и его убрать за ночь. Вместо транспаранта на фасаде красовалась платиновая блондинка, с рекламой краски для волос неизвестной мне фирмы.

Я отвернулась от окна. В комнате где попало валялись небрежно разбросанные мужские вещи, которых здесь быть не должно. Делать выводы мне было страшно, хотя они напрашивались на оглашение.

– Ты женат? – задала я самый бессмысленный в этой ситуации вопрос.

– Нет, больше жильцов в квартире нет, – улыбнулся Виктор. – Ты ведь это хотела узнать? Давай блиц-опрос? Какой сейчас год?

– 2024-й.

– Аналогично. Какой город?

– Среднедвинск.

– Точно...

У Виктора, казалось, сейчас случится короткое замыкание, и он зависнет. Пришлось возвращать его к жизни:

– А куда делся плакат за окном?

– Какой?

– «Партия – наш рулевой».

– Так эти советские плакаты уже с девяностых не развешивают. После развала Союза мы двигались к капитализму. Куда теперь, не совсем понятно, но точно, не к коммунизму.

– Как это, не к коммунизму? Какой развал Союза? Ты что, бредишь?

– Ну помнишь, когда ГКЧП проиграл, когда сговор в Беловежской пуще произошёл, когда...

– Стоп-стоп-стоп! ГКЧП не проиграл, а победил. Предателей судили, а Советский Союз устоял в неравной битве с акулами капитализма. И теперь наша страна, назло всем внешним врагам, строит коммунизм, – я и не заметила, как перешла на привычный язык центральных газет.

Остановил меня задумчивый взгляд Виктора:

– Вика, ты только не волнуйся, но мне кажется, что мы оба живём в этой квартире. Только в разных измерениях. Подожди, не перебивай меня. Я не сошёл с ума. Потрясения, которые случились в конце прошлого века, произвели разлом в истории государства, и страна стала существовать в двух измерениях. В одном продолжался Советский Союз, в другом стала

развиваться новая Россия. А в нашей квартире открылся портал. Пойдём, поищем его.

Мы обшарили всю квартиру, а портал, оказывается, находился прямо у нас под носом: между кухней и прихожей. Только чтобы пройти сквозь него, нужно было двигаться с непривычной для этого места скоростью, то есть, бегом. Мы с Виктором несколько раз бегали в мою квартиру, вернее, в моё измерение, потом возвращались обратно. Оба очень устали за этот день. Вечером тепло распрощались с твёрдым намерением завтра вместе поехать к Виктору на дачу. Фонарь, для верности, я оставила у себя. Сам он был мне до фонаря, а вот Виктор – совсем наоборот.

Планета путешествий

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Созвездие Близнецы. Серия конкурсов «Начни с эпитафия».

Земля – Орион. Конкурсы рассказов.

Земля – Орион. Конкурсы миниатюр.

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 3.

Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели».

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 5».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Выживание».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Метаморфозы».

Земля – Орион – Минтака. Конкурсы 55-словников.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс Фонаризов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ».

Конкурс объявлений.

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 3».

Улица ста снегирей. Конкурс на лучшее название вашего произведения.

Созвездие Близнецы. Начни с эпитафии – 2

Мама
Джон Маверик

*«Вы часто задумываетесь над тем, как живёте?»
Милана Секоненко «Мост – обыкновенный, как жизнь»*

Кто из нас хоть раз не задумывался о своей жизни? Пусть не о ее смысле, это понятие отвлеченное. Некоторые предпочитают просто жить, как хочется или как получается, не ломая себе голову над вещами, от них не зависящими. Да и есть ли он, какой-то смысл? Или нет его? Но так или иначе, каждый хотя бы иногда останавливается на пути и, озираясь по сторонам, спрашивает: «Куда привела меня эта дорога? И куда поведет дальше?»

Люди разные, и судьбы у всех разные. Один много лет, как цирковая лошадь, бегаёт по кругу – и остается на том же самом месте. А на другого дары падают с неба, как спелые яблоки с дерева. Кто-то понимает позже, что плоды те ядовиты. А как все это происходит и почему – на такой вопрос не ответили бы и десять философов. Нет у человека столько ума – постичь божий промысел. В праздничную ночь, пока мама накрывала на стол, Антон отправился в лес. Нет, не за елкой. Рубить деревья в лесу запрещено, уж если бы ему захотелось – купил бы на елочном базаре. Но жаль их становилось, кружевных, зеленых, еще вчера, наверное, дремавших в лесу под тонкой серебряной пелериной, а сегодня – обреченных на увядание. Вырубка елей к рождеству казалась Антону чем-то сродни языческому жертвоприношению. Убийство живого – это всегда очень грустно... А вот принести домой пару веток – почему бы и нет? Дереву от этого плохо не будет. Мама так любила густой хвойный запах, разлитый по комнатам, смешанный с вкусными ароматами выпечки и мандаринов. Он ей напоминал юность, а может, и детство. Далекое, трудное и все-таки... Что в старости может быть прекраснее этих воспоминаний? Антон поставит веточки в большую вазу, украсит огоньками и мишурой. И у них с мамой будет настоящий праздник!

Он бы и не сунулся в столь поздний час на улицу, тем более, не пошел бы в лес, будь ночь пасмурной и темной. Но луна светила, как большой фонарь. И, куда ни кинешь взгляд, повсюду сверкал снег, переливаясь всеми цветами радуги. Лунный свет тек по небу рекой, и в этой стылой воде плавали разноцветные звезды и тонкие, как ледышки, ночные облака.

В лес вела узкая тропинка, но и та очень скоро истончилась, превратившись в цепочку собачьих или лисьих, а может, и волчьих следов. Антон остановился у замерзшего озера, казавшегося ровной белой поляной. Только посередине, в небольшой полынье, темнела вода, а по краям – торчали из снега сухие

камышы. Летом здесь жили утки, вили гнезда, выводили птенцов... Где они теперь?

А на берегу, словно толпа безмолвных женщин в меховых накидках, застыли молодые елки. Они спали и грезили, вероятно, о чем-то своем, древесном, и такая безмятежность в них была, такая нетронутая, хрустальная красота, что даже прикоснуться к ним казалось святотатством. Приблизиться грубо, как чужак, как грабитель, и стясти с укутанного по самую вершину дерева немного снега или оторвать иголку – твердую и хрупкую на морозе... это все равно, что осквернить храм. Не говоря уже о том, чтобы ломать ветки.

Не вырвешь силой живую душу. Отнятое или украденное все равно останется мертвым. Ему хотелось повернуться и уйти. А еще лучше – лечь на снег и уснуть – тем же серебряным сном, как и все вокруг – до утра, а может, и до весны. Выспаться и проснуться другим, обновленным.

«А как же мама?» – подумал Антон. Но он стоял и не двигался с места. Будто кувшин, полный до краев, он боялся расплескать это тихое колдовство, это сияние, льющееся и сверху, и снизу. Свет – как лестница в небеса. Кажется, сделай всего один шаг – и очутишься там, откуда нет возврата.

Антон тряхнул головой, отгоняя наваждение. На морозе нельзя спать. Человек не елка – его тело быстро теряет тепло. Лучше думать о доме. Мама, конечно, накрахмалила скатерть и постелила ее на стол, а сейчас расставляет тарелки, рюмки, стаканчики для глинтвейна. Раскладывает по вазочкам салаты. Наверное, она наденет свое любимое синее платье. В общем-то, уже старенькое, но мама все еще считает его нарядным.

Последние годы она отказывается покупать новую одежду, говорит: «Ну что ты, сынок, зачем, сколько мне еще осталось?» Комплект белья и туфли отложила – на похороны. Каждый день живет, как последний, без страха или уныния, но словно пребывая в какой-то смиренной медитации. За все благодарила Бога – за солнце и цветы, за дождь, за снег, за хлеб на столе и за еловые веточки в вазе. За каждый шаг по земле. А ходит уже с трудом. Антон вздохнул. Он – поздний сын, маме следующей осенью исполняется восемьдесят четыре. Бывает, что и до ста живут. Но мама болеет. Давление, спину ломит... Как обычно у старых людей. И вообще, сникла она как-то, съежилась. Точно меньше ростом стала. А вдобавок еще и плечо ноет, особенно по ночам, и немеет левая рука. «Не дай Бог, онкология», – подумал он, чувствуя, как привычный черный ужас вползает в сердце. И вроде бы нормально, что родители уходят первыми... Горько, больно их терять, но это естественный порядок вещей. Но жизни без мамы Антон себе не представлял. Он и сам чувствовал себя странно. И не то чтобы здоровье стало сдавать. Но какое-то жутковатое ощущение появилось. Будто в пустой колодец смотришь, гулкий и темный, в котором вместо дна – сплошная чернота. На дне его затаилась сама смерть. «Может, это недуг такой?» – спрашивал себя Антон, понимая, что дело в другом. Депрессия? Нет... Что-то страшнее и глубже.

Бывает, что двое, живущие под одной крышей, срастаются душами, словно деревья корнями. Не обязательно супруги. Любые близкие люди, а кто может быть друг другу ближе, чем мать и сын? Становятся как сиамские близнецы – только единые не телами, а чем-то невидимым, но важным. Спаянные не физически, а на каком-то ином уровне. Так что невозможно отделить одного, не убив другого. Может, и они с мамой так? Нет... Это лежит еще глубже. Антон чувствовал, что некая тайна есть во всей его жизни. В ее начале и в ее конце, который наступит, возможно, очень скоро.

Он повел плечами, стряхивая оцепенение, и, запрокинув голову, погрузился взглядом в холодное небо. Луна, как Божье око, смотрела с вышины строго и печально. Не вопрошая, не осуждая, просто смотрела.

«Кто ты?» – спросил Антон.

Откуда-то он знал, что у Луны есть ответы на все вопросы.

«Я – это Я».

Словно ветер прошел по земле, качнув тяжелые от снега ветви. Что ж. Бог может говорить с нами из каждой капли воды, из солнечного луча, из куста, дерева или птицы. Почему бы не из этого небесного камня – космической странницы с ласковым именем Селена, не из этой серебряной пуговицы на ночном небосклоне?

«Что со мной не так? – спросил Антон. – Почему я живу, как будто не живу? Что ни делаю – ничего не могу добиться. Стою в пустоте. Будто черный космос кругом. А под ногами – ничто, гибель?»

Трудно всю жизнь вложить в пару слов. И у Антона не получилось. Как будто язык промерз до самого корня и шевелился с трудом. Словно мысли на морозе обратились струйками пара. Но все, что он не сумел сказать, Луна читала в его сердце.

Бывает такая душная любовь, которая губит, лишает воли. Когда с ребенка пылинки сдувают, вертят им, как марионеткой, пока в нее и не превратят – в тряпичную куклу безумного домашнего театра. Его мама любила не так. Не требовала, а советовала, как равному, как разумному человеку. Всегда, с малых лет была ему другом, сострадательным, добрым, бесконечно терпеливым. Уважала в нем, даже совсем крохотном, будущего мужчину. Да, берегла, конечно, особенно в раннем детстве. Антон часто болел. Слабым родился, такие редко выживают. Врачи ей так и сказали: «Не выживет ваш малыш». Но мама не отпустила, слезами и молитвами, и полуночным бдением у его кровати привязала сына к жизни. Тогда же она уверовала в Бога. Не для того, чтобы быть «как все». Не потому, что «так надо». А всей душой, всем сердцем, всем своим существом. Такая вера способна творить чудеса. А потом...

Что-то в этой его жизни пошло не так. Несколько раз Антон порывался сделать карьеру. Уезжал в большой город – сперва учиться, потом нашел неплохую работу, перспективную, денежную. Жить бы и радоваться, развиваться, расти. Но словно чернотой плеснули в душу. Маялся он и тосковал, и тянуло домой.

Вернулся... Устроился кладовщиком на склад. Занятие, как говорится, ни уму, ни сердцу, но что поделать – не всем же звезды с неба хватать. Семью завести тоже не получилось. А хотелось... он мечтал о доброй и ласковой жене, ребятишках, своем хозяйстве. И маме в радость внуков понянчить. Но не родилась, видно, на свет, его половинка – или обитала где-то далеко, может быть, в том самом большом городе. Так и не встретились с ней. Вот и прожил Антон почти до сорока лет в родительском доме. Потом отец умер, неожиданно, от инфаркта. Тут уж точно маму одну не бросишь, тем более, что сдала она сильно за последние год-два. Хотя и не жалуется, а сама почернела лицом. Грустит без мужа, а за сына держится, как за дерево на сильном ветру. «Вроде и винить некого, – вздохнул Антон, – что не сложилось, не срослось, кроме разве что самого себя. Да еще судьбы своей злосчастной. А что она такое, судьба? Что за тварь диковинная? Можно ли ее приручить? И надо ли?» «Не надо», – ответила ему Луна.

Не голосом, а каким-то внутренним дрожанием, светом, всплеском ощущений. Антон стоял и молчал, и слушал. Вернее, прислушивался к ее мыслям в себе. «Твоя мать отмолила тебя у смерти, – сказала Луна и моргнула, и заволоклась на несколько мгновений ледяным облаком. – У тебя нет своей жизни. Она не прописана в книге Судеб. Твоя жизнь принадлежит твоей маме, потому что сжалился над ней Всевышний. И уйдете из этого мира вы тоже вместе».

«Так рано?» – вздрогнул Антон.

Никто не знает своего часа, и он не узнал. Но мама совсем слаба, а значит, не так уж и много им обоим осталось.

Луна молчала. Она словно уснула в вышине, и тонкие, блестящие ледышки все гуще наплывали на нее. Как будто небесное Око наполнялось слезами.

«Да что я тут делаю, – спохватился он. – Стою и сам с собой разговариваю. А мама ждет».

Отломив у ближайшей елки маленькую веточку, Антон решительно повернул назад. Он шел, весь осыпанный снежным хрусталем, обратно по тропинке, оскальзываясь и торопясь, пока не погас, скрытый облаками, слабый ночной свет. Сомнения и страхи растаяли, осталась только благодарность к той, что дважды подарила ему жизнь.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Разговор с цветами»

Легкое серебрение

Джон Маверик

Когда блестит лесное озеро – так ярко, как будто кто-то рассыпал по зеркальной глади пригоршню сверкающих бриллиантов – кажется, что вокруг очень много света. Но не простого, как в любом другом месте, а разумного и доброго. Того, что неодушевленное одушевляет, а мертвое возвращает к жизни. Он падает сверху косыми лучами и, просеянный сквозь листву, обретает мягкий зеленоватый оттенок. Он поднимается от воды – сероголубой, ласковый и зыбкий. Им насквозь пронизан лес настоящий и лес отраженный. Его несут, петляя по неглубоким овражкам, прозрачные ручьи – и выплескивают в озеро. Прислушайся – и услышишь, как он журчит... А запрокинешь голову – там небо и сосны. Их кроны, золотые от солнца, словно плывут вместе с облаками. И ты как будто плывешь вслед за ними, в какую-то неведомую и счастливую страну.

Вот таким сияющим летним днем я отдыхал вместе с дочкой на озерном берегу. Мы растянулись прямо на траве – на цветущем клевере, среди бабочек и пчел – хотя жена и сунула мне в рюкзак два больших пляжных полотенца. И еще три раза повторила, что я, конечно, могу делать, что хочу. Я взрослый человек и сам за себя отвечаю. «Но ребенку, пожалуйста, не разрешай лежать на земле. Понял, Алекс?»

Понял, как не понять. Мне даже известна была причина ее страхов. Мою жену однажды сильно покусали лесные муравьи. Но я понимал также, что стоит мне достать полотенца – и дочка попросится в воду. День жаркий, а озеро манит холодком... Лара – девочка упрямая, ей проще что-то разрешить, чем объяснить, почему нельзя. Тем более, что я и сам не знал – почему.

Купаться в лесном озере не запрещалось, да и не было опасно. Этого просто никто не делал. Разве что иногда и, в основном, приезжие. А местные обходили его стороной. За редким исключением. Вот, к примеру, я. Меня всегда тянуло к его спокойной воде, словно магнитом. В детстве я смело прыгал в нее с деревянных мостков, и даже сам, без помощи взрослых, научился плавать. Я нырял и плескался... она казалась такой мягкой, эта вода, словно шелковой, и приятно скользила по телу, облекая его, как прохладная ткань. Однажды я доплыл почти до другого берега – туда, где лениво колыхались на поверхности широкие листья кувшинок. И уже всплыли тугие, остроконечные бутоны. Еще немного – и они раскроются, выпустив на свет бледно-розовое чудо. За миг до цветения, до летней, изнуряющей жары, лес

словно замер, и озеро замерло, нежась в теплых, но еще не жгучих лучах июньского солнца. А потом я посмотрел вниз – и чуть не вскрикнул от ужаса. Из темной глубины ко мне тянулись тонкие серебряные руки. Или, возможно, щупальца какого-то гигантского спрута, притаившегося на дне. Уже потом я понял, что это были, скорее всего, стебли кувшинок или водоросли, покрытые блестящими воздушными пузырьками... Но тогда я быстро поплыл обратно. И больше в воду не заходил. Нет, я не боялся озера. Я любил его, как любил этот лес и каждое дерево в нем, каждый ручей, цветок, птицу... Но однажды испытанный страх навсегда отучил меня вторгаться в тихий подводный мир, такой близкий – рукой подать – и в то же время совсем другой, замкнутый, чуждый.

А прошлой осенью в окрестностях озера пропала наша поселковая долгожительница – столетняя фрау Больц. Последними ее видели два грибника – сидящей на мостках, поникшей и как будто совсем без сил. Они подошли и предложили помощь, но старушка махнула рукой. Мол, идите, молодые люди, куда шли, у нее все в порядке. Что с ней произошло потом, никто не знает. Заблудилась ли она в лесу или упала в воду. Или у нее случился инсульт. Все-таки сто лет – возраст нешуточный. Но тело ее так и не нашли. Осиротевший домик фрау Больц стоит с тех пор, запертый, как напоминание о бренности бытия. Дорожки перед ним и железная калитка давно уже заросли кустарником и высокой травой. Говорят, старая фрау пережила всех своих родственников, и бездетную племянницу, и сестру, и мужа. Ее собственная дочь утонула в четыре с половиной года. Ужасная трагедия... Поздний ребенок и, наверное, безумно любимый. Последнее – мои домыслы. Но ведь детей всегда любят, особенно единственных и долгожданных? Или не всегда? Знаю одно. И в глубокой старости фрау Больц все бродила вокруг лесного озера, похоронившего под зеркальной гладью ее надежды. Блуждала, как неприкаянная душа, а утомившись, присаживалась на деревянные мостки или у самой воды – на плоский камень. И как будто разговаривала с кем-то невидимым. Я наблюдал за ней издали, не решаясь приблизиться. Одновременно стыдясь своего любопытства и в то же время словно загипнотизированный движениями ее губ и отчаянными жестами. Она как будто спорила, но с кем? С дочерью, так рано ушедшей в таинственный мир неживых и оставившей ее в горьком одиночестве? Или со Всевышним, который сперва дал утешение и радость, а потом так жестоко отнял? В поселке ее считали доброй, хоть и немного чудаковатой. И правда, она всегда улыбалась соседям, а детей угощала яблоками из своего сада. Незадолго до смерти фрау Больц почти слегла. Но и тогда она продолжала гулять у воды – уже в моих снах. В них старушка превращалась то в черноголовую утку-нырка, то в серую цаплю, то в чайку, то в горлицу. Я просыпался от ее странного, протяжного зова и, распахнув глаза, понимал, что это сова кричит за окном.

Какая сила подняла несчастную с постели и провела через лес в ее последний день? Или у нее, как в моих сновидениях, внезапно выросли крылья?

Должно быть, замечтавшись, я произнес имя фрау Больц вслух, потому что Лара рядом со мной вдруг встрепенулась.

– Пап, ты про кого? Про добрую бабушку?

– Э... – смутился я. – Да.

– Мне ее жалко! – заявила Лара.

– Мне тоже, – признался я. – Но такое, – я запнулся, – случается... Э... добрая бабушка... была очень старой. Она прожила долгую жизнь.

Беседовать с детьми о смерти – сложно, но иногда приходится.

Лара нахмурила тонкие бровки. Смешная детская попытка казаться взрослой и серьезной.

– Долгую, пап, не значит счастливую.

– Да где ты такое слышала?

– Девочки в школе говорили. У нее маленькая дочка утонула в этом озере. Очень давно. И с тех пор она каждый день приходила сюда и грустила. А потом – сама утопилась.

Я вздохнул.

– Ну, насчет утопилась – еще неизвестно. Старым людям это не нужно – их дни и так сочтены. А что грустила... – я задумался. Как это страшно, наверное, изо дня в день возвращаться на место, где случилось что-то плохое. И все только для того, чтобы мучить себя? Ну нет! – Она не грустила, малыш... Она...

– Папа, расскажи! – попросила Лара.

Я помотал головой. Говорить не хотелось. От жары и солнца, от яркого света и серебряного блеска, от знойной небесной синевы меня разморило, как от вина, и клонило в сон. И да и как объяснить маленькой девочке, что наши любимые живы, пока их помнит этот лес? Это озеро? Что прикоснуться к прошлому – все равно что протянуть руку тому, кто ушел?

Но дочка ждала.

– Помнишь, я рассказывал тебе про русалок? – начал я. – Ты, конечно, думаешь, что это сказки. То есть, выдумки...

– Нет, папа, – перебила меня Лара. – Я знаю, что твои сказки – правда.

– Да? – опешил я.

– Да!

– А почему?

Лара доверчиво накрыла мою руку горячей ладонью. А я даже слегка покраснел. Получается, я все это время врал дочери? Но ведь сказки – не ложь. Они – и не правда. А как лесные тропинки, отходящие от одной широкой дороги. По какой ни пойдешь – всюду будет лес. Тот же самый и все-таки другой, каждый раз – разный. Но я не успел додумать эту мысль до конца.

– Знаешь большой пенек в нашем саду? – спросила Лара. – И под ним – норка? Ты еще говорил, что в ней живет мышка с мышатами. И у них все, как у нас – своя квартирка, маленькие кроватки, шкафчики, столики, кухня? Только все крошечное. Помнишь?

– Ну...

Да, что-то подобное я сочинил для Лары – два года назад.

– Один раз я ночью убежала в сад. Пока вы с мамой спали. И посветила в норку фонариком. А там – все, как ты сказал. Маленькая кухонька. И мышка в синем фартучке стоит у плиты и что-то варит в кастрюльке. А мышата сидят за столом и ждут ужина. Их было трое, пап. Две девочки в красных платьицах и один мальчик в голубых штанишках. И у каждого в лапке – по деревянной ложке.

– Хм...

Я хотел сказать: «Тебе это приснилось», но прикусил язык. Время чудес минует быстро. Пусть пока верит в мышат с деревянными ложками. Пусть верит в них как можно дольше.

– А еще я видела эльфов в зеленом свете! Помнишь, ты показывал? И цветочную фею. И сороконожку! Ту, что разучилась ходить.

– Только ради Бога не трогай сороконожек, – забеспокоился я. – Они ядовитые.

– Я ей хотела помочь, – болтала дочка, не обращая внимания на мои слова, – сказать, что это не важно. С какой ноги начинать ползать. Ведь и птица не знает, каким крылом сначала взмахнуть. И все равно летает. Но я не умею говорить по-сороконожки... Она глупая и меня не поняла. Зато с волшебными пчелами я подружилась!

Невидимые друзья детства! Куда же без них? Я улыбнулся, вспоминая себя в Ларином возрасте. Каким я был беззаботным фантазером! Как высоко взлетал в своих мечтах, пока мне не обломали крылья...

– Пап, а русалки? – напомнила Лара. – Ты хотел рассказать про русалок.

– Да, точно, – спохватился я. – Русалки... Они все когда-то утонули, как дочка доброй бабушки. С тех пор так и живут в озере и никогда не взрослеют.

– А что они там делают? – поинтересовалась Лара.

Я неловко пожал плечами.

– Что можно делать в воде? Плавают. Играют с рыбами...

Я невольно скосил взгляд туда, где под тенью раскидистой ивы стояли почти неподвижно, шевеля прозрачными плавниками, огромные карпы. А у самой поверхности, как стайка серебряных птичек, резвились мальки.

Совсем как человеческие дети, подумал я. Юркие, легкие, крылатые. Со временем они вырастают, делаясь тяжелыми и неповоротливыми, и оседают на дно. Их больше не манит блестящая поверхность, солнечный свет и грациозный танец водомерок. Им довольно прохладной, темной глубины. Они становятся взрослыми, но конечно, лишь в том случае, если раньше их не проглотит какая-нибудь щука.

– И с Симбой?

Воспоминание о котике отозвалось болью. Терять всегда тяжело – человека или животное. Даже если веришь, что смерти нет. Что она – всего лишь превращение в русалку, в эльфа, в лесного духа. Или переход по радуге в иной, лучший мир. Наверное, потому что вера – верой, но что мы знаем о смерти на самом деле?

Помню, я как-то раз, в детстве, спросил бабушку, можно ли мертвых расколдовать? Да, именно так, расколдовать, а не воскресить. Наверное, по детской глупости, я не нашел тогда правильное слово. Бабуля так изумилась, что чуть не уронила очки в суп. «Что б тебя, Алекс! Ты о чем? Придумаешь тоже! – проворчала она. – Мертвые просты, как капуста кочерыжка. Какое в них колдовство? Это мы, живые, заколдованы».

– Да, – вздохнул я, – и с Симбой тоже. Но иногда им становится одиноко, там, в озере. И тогда они поднимаются к поверхности и поют – для тех, кто их любит. Для тех, кого они когда-то любили... Потому что любовь, она всем нужна, и живым, и мертвым. То есть, – я запнулся, – и русалкам, и людям.

Я замолчал, и Лара как будто задремала. Во всяком случае, она закрыла глаза, подставив острый веснушчатый нос рыжему солнцу. Я разглядывал ее с улыбкой, думая, что бабуля, наверное, была права. Ведь любовь и есть то самое колдовство. Не подвластное ни разуму, ни морали, да, и вообще, ничему на свете. И пока мы заколдованы – мы живы. Пока русалки поют для своих любимых, ни тех, ни других не поглотит небытие. Вот в чем, оказывается, секрет долголетия фрау Больц!

Я услышал, как Лара рядом со мной тихо ойкнула и завозилась, устраиваясь поудобнее. Уж не укусил ли ее муравей?

87

– Малыш, что случилось?

– Ничего... Папа, а она не могла выбраться из озера?

– Кто?

– Ну, маленькая русалочка. Дочка доброй бабушки.

– А... Нет, она же утонула.

– А как же она пела под водой?

Действительно... Я чуть не рассмеялся. Рыбы не поют – это знают даже первоклашки. Для пения нужны легкие. Снова дочка меня подловила, ну что ж, надо как-то выкручиваться.

– Петь можно не только голосом, – сказал я. – Видишь это легкое серебрение на воде? Это пение русалок.

– Даааа... – восхищенно протянула Лара. – Это Симба поет для нас?

– Ну конечно, – кивнул я, снова ощутив легкий укол боли. – А фрау... добрая бабушка... сидела на берегу и говорила со своей маленькой дочкой. Или плакала. Слезы – тоже ответ. Они иногда сильнее слов.

Солнечное вино растеклось по венам, и я словно задремал наяву. Оставаясь здесь и сейчас, я как будто перенесся в другое время и увидел – ее. Худую, аккуратную старушку, одетую в черное. Она примостилась в двух шагах от меня на плоском камне и смотрела в озеро, точно силилась прочесть на его сверкающей глади ответ на свой извечный вопрос. Ее губы беззвучно шевелились, а по морщинистым щекам текли слезы. А вода серебрилась.

– Пап, – донесся до меня словно издалека Ларин голос. – А почему она сразу не ушла к ней?

Я встрепенулся.

– Куда? К кому?

– К дочке-русалочке. Почему ждала столько лет?

Я беспомощно покачал головой.

– Ну, наверное, время ее не пришло. Она любила дочку. Но и жизнь свою любила тоже. Посмотри, Лара. Посмотри вокруг, на этот лес, – сказал я и кивнул на иву, словно прильнувшую в долгом поцелуе к своему отражению. На ольху и березы в изумрудной дымке листвы. На высокие сосны в снежно-золотых шапках облаков... На тростники, похожие на живые струны. Ветер играл на них тихую мелодию. На пеструю уточку, заплывшую в тростник. Вслед за ней бесшумно скользил по воде нарядный селезень. – Посмотри, малыш. Разве можно все это не любить?

Лара смотрела, и ее серые глаза наполнялись светом.

– Нельзя, папа... – прошептала она.

И вдруг вскочила – легкая и стремительная – и, раскинув руки, как птица, вспорхнула на мостки.

– Осторожно! – крикнул я.

Но Лара не слышала.

– Симба! – громко позвала она, запрокинув лицо навстречу солнцу и ветру. – Симба! Я люблю тебя, Симба!

Похоже, дочка снова поверила в мою сказку. Да что там. Я и сам в нее поверил.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Другое измерение»

Сбой навигатора

Ольга Клен

«Скорая помощь», медленно переваливаясь с ухабины на рытвину, пыталась угадать логику дорожных строителей в новом микрорайоне. Видимо, здешний инженер-логистик ранее работал на Крайнем Севере и прокладывал, руководствуясь направлениями, исключительно зимники. Ну не успел человек перестроиться на цивилизацию! Газель, спеша на вызов, явно где-то повернула не на тот зимник.

Доктор нервно посматривал на часы, отмеряя минуты ударами головы о потолок при каждом прыжке машины через лужу. Медсестра что-то тихо шептала, мёртвой хваткой ухватившись за поручень, скорее всего, молилась. Водитель вяло переругивался с навигатором в очередной бесполезной попытке выяснить, кто наложил на этот раз. Казалось бы, остановись и поспрашивай первого встречного-поперечного, где эта улица, где этот дом. Но всё оказалось не так-то просто.

Местных на улице было полтора человека: спешащая домой с полными сумками дама и лежащий за клумбой в полной алкогольной нирване мужичок без возраста. Связно ответить на вопрос об особенностях дорожной сети между пятиэтажками смогла только дама. Но прояснения от разговора с ней не наступило. Она поведала, что только на прошлой неделе переселилась в этот ещё не поставленный на учёт богом и чиновниками микрорайон. Название своей улицы да, она знает – Первых космонавтов. А какие здесь расположены другие, существуют ли они вообще и есть ли у них названия, ей не ведомо. Навигатор издевательски хмыкнул.

Сумерки без предупреждения уступили место темноте. Свет фар неуверенно нащупывал путь. Вдруг он выхватил из непролазной тьмы что-то живое.

– Чёрная кошка! – одновременно завопили два женских голоса – медсестры и навигатора.

То ли от их крика, то ли из-за разлившегося в салоне «скорой» суеверия, машина неожиданно взвизгнула в унисон женскому дуэту голосов и встала, как норовистая лошадь.

– Я дальше не поеду, – бунт на корабле продолжила навигаторша. – У меня нет никаких данных о лежащей впереди местности. Скорее всего, там нет дорог. Советую повернуть назад и вернуться на базу или хотя бы в

цивилизацию, чтобы я могла проложить другой маршрут. К тому же, чёрная кошка – это плохая примета.

– Что значит, дальше не поеду? Вот выдерну с корнями и выкину в окно к едрене фене! Дальше она не поедет! – возмущению водителя в адрес распоясавшегося гаджета не было предела.

Коробка навигатора обиженно икнула, мигнула и перестала подавать признаки жизни.

– Ой, какие мы нежные, чуть голос повысил – брык, и без сознания. Баба, одним словом! – сплюнул в открытое окно водитель.

Газель поддержала забастовку и неожиданно заглохла.

– А ты их реанимируй, сделай им искусственное дыхание, – невесело пошутил доктор, долговязый шатен с аккуратной рыжей бородкой. Облик дополнял растянутый свитер под белым халатом и очки на носу. Всё это вкупе делало его похожим на типичного туриста шестидесятых годов. – Пойду в разведку. Может, кого адекватного найду. Нужно же как-то выбираться отсюда. У меня вечером свидание.

91

Доктора Иванова И.И. (так было написано на бейджике) растворила наступившая ночь. В салоне стало неуютно. Тишина давила на миндалевидное тело в височной части головы пожилой медсестры Надежды Николаевны, вырабатывая тревогу. Именно, тревогу, а не страх, потому что женщина отмечала неприятные ощущения не в животе, а в глубине груди. За отсутствием пациентов, Надежда Николаевна машинально проверила знания медицины на собственном организме. Сидеть без дела она не привыкла, а потому тоже решила покинуть рабочее место:

– Схожу и я покружу поблизости. Ты тут не грусти, Сергей, – кинула она водителю, выпрыгивая из машины.

– Иди-иди, Надюша, мы привычные ждать. Коль не крутим баранку, так она нам заместо подушки. Прикорну немного, пока вы дорогу ищете. Вишь ты, какие эти гаджеты фанаберные...

Продолжить мысль Серёга не успел, по причине внезапно обрушившегося на него сна. Он был из плеяды тех счастливых людей, которых не мучат угрызения совести или извечные вопросы о смысле жизни, а потому они умеют засыпать на полуслове! И снился ему, сорокашестилетнему одинокому водиле чудесный сон, будто бегают он, босоногий мальчишка, по самой кромке

воды вдоль деревенской речки, а бабуля всё зовёт и зовёт его есть пахучие шанежки:

–Серёжка! Серёжка...

Открыл водитель глаза, а перед капотом выдавшего виды бусика бежит деревенская одноколейка. Солнце светит так, что приходится сильно прищуриваться, чтобы не свернуть на обочину. Сергей едет прямо к дому бабушки Лукерьи. А вот и она сама, постаревшая лет на двадцать, но такая же близкая и родная, стоит возле ворот, высматривая «буханку» внука.

– Ну наконец-то, – бабушка с радостным выдохом обняла Серёгу, – а я всё жду, жду... Вон и шанежек напекла, и невесту твою Настюшу в дом позвала, а ты всё не едешь. Боялась, что так и останешься в том каменном мешке бобылём жить. Теперь всё правильно будет. Пошли в дом.

Сергей по привычке наклонился, переступая порог, и почувствовал любимый запах лаванды. За печкой, казалось, навсегда поселились сухие пучки этих чудесных сиреневых цветов. И тут Сергея, что называется, отпустило. Он физически почувствовал, как заполняет его опустошённые городом душу и тело такая радость бытия, такая любовь ко всему живому, такая нежность, что мужчина моментально забыл и о городе, и об одиноких вечерах перед телевизором с бутылкой пива, и о редких ночных свиданиях с соседкой Валькой. Позабылось всё, потому что оказалось не настоящим, наносным, чужим.

Медсестра «скорой» Надежда Николаевна повернула за угол неожиданно возникшей на пути пятиэтажки. Честно говоря, она надеялась встретить здесь доктора. С ним можно было поговорить буквально обо всём. Нравился он ей и внешне, и по характеру. Не то что муж опостылевший. И зачем она живёт со своим Жоркой? Любить – не любит, да и не любила никогда. Замуж вышла просто так, из любопытства. По привычке прожила с ним целых тридцать лет. Подумать о себе не было времени: двоих детей поднимали, в жизнь выпускали. И вот теперь, когда остались вдвоём, оказалось, что ничего общего у них больше и нет. А какой парень в молодости за ней ухаживал! Павлом звали, Пашей...

Пройдя по пустому тёмному проходу между двумя строящимися кирпичными коробками, Надежда вдруг вышла в яркий день. Светило полуденное солнце, во дворе играли дети, а на лавочке сидел сильно постаревший, но всё такой же красивый Павел.

– Наденька! Ну наконец-то! А я решил воздухом подышать, тебя встретить. Устала, моя ласточка, целый день на ногах! Давно тебе говорю: бросай ты эту работу, для себя живи. Ну и для меня немножко, – улыбнулся Павел. – Хотя бы учебных часов в своём медтехникуме возьми поменьше, отдай другим преподавателям пару своих групп. Пойдём скорее домой, я твои любимые пельмешки слепил. Не сардельками же давиться, когда у мужа выходной, правда? Сейчас пообедаем, ты отдохнёшь, а вечером, надеюсь, не забыла, что мы идём к детям? Какой-то сюрприз они там готовят, что-то сказать хотят. Думаю, что скоро они нам с тобой ещё одного внука подарят. Как считаешь? – Павел прикоснулся губами к виску Надежды. От его дыхания, ласкового говорка в общем-то ни о чём и обо всём одновременно, у женщины защипало в глазах. Павел ловко заправил выскользнувший из причёски Надежды локон и повёл её к ближайшему подъезду.

– Паша... Пельмешки... Домой... Театр... – бессвязно повторяла Надежда Николаевна. Эта солнечная действительность с каждой секундой всё более и более обретала черты реальности, стирая, словно ластиком, обездвиженную «скорую», постылого Жорку и ещё много-много того, о чём даже вспоминать не хотелось. Жизнь, казалось, наконец-то обрела реальность, объёмность, смысл.

Доктор Иванов, пройдя всего с десяток шагов, наткнулся на полноватого подвыпившего гражданина с таксой. Сначала, конечно, он наткнулся на собаку, а уж потом на гражданина, но это не принципиально. Темноту разорвал свет карманного фонарика в руке местного жителя, и доктор почувствовал, что ощущает пациент, когда его сканируют.

– Так, доктор Иванов И.И. – протянул многозначительно гражданин, читая бейджик почти по слогам. – Иван Иванович, что ли? Ну и что тут делает человек в белом халате с такими редкими фамилией, именем и отчеством?

– Илларион Иннокентьевич я, – устало поправил гражданина доктор.

– Ил.. Ин.. Нет, будешь Иваном Ивановичем. Так проще, – безапелляционно заявил собеседник.

– Иван Иванович так Иван Иванович, – привычно соглашался доктор Иванов. По крайней мере, раз в день ему приходилось вести с кем-нибудь такой диалог. В итоге принималось решение срочно изготовить другой бейджик с полной расшифровкой инициалов, но дальше намерений дело не шло.

– Подождите-подождите, а я вас знаю! – снап света, направленный прямо в лицо, ослепил доктора. – Ну как же, вы же наше научное светило. О вас же

через день в газетах пишут. Скажите, а вы один или всем институтом придумали лекарство от рака? Вас что, как Менделеева, во сне осенило? Впрочем, неважно. Я очень рад нашей встрече. Будет о чём приятелям рассказать.

Через секунду на тропинке показались два молодых человека в одинаковых классических костюмах:

– Илларион Иннокентьевич! Мы вас обыскались. Вся охрана на ногах, а вы прогуляться решили, никого не предупредив. Через час вы должны выступать на международном симпозиуме. Пойдёмте скорее в машину, она за углом. Ещё переодеться нужно успеть.

Доктор, сопровождаемый охранниками, свернул за угол. На стоянке научно-исследовательского института было припарковано несколько дорогих легковушек, одна из которых ждала именно его. Директор института Иванов Илларион Иннокентьевич быстрым шагом прошёл расстояние от доктора «скорой помощи» до мировой медицинской знаменитости. Он всегда чувствовал, что живёт не своей жизнью. И вот сейчас всё встало на свои места. Только раз по пути к машине бывший доктор «скорой» вспомнил прошлое и усмехнулся, подумав, что теперь ему не нужно менять бейджик и никто уже не будет ради удобства называть его Иваном Ивановичем.

Утро в новом микрорайоне началось с небольшого переполоха. Прямо посередине детской площадки стояла машина «скорой помощи». Откуда она взялась, редкие жильцы сказать не могли. Кто её вызывал, так и не отозвался. В салоне машины никого не было. Вездесущие мальчишки проверили кабину водителя и сообщили обществу, что двигатель не заводится, хотя ключи и торчат в гнезде зажигания. Подоспевшие мужчины подтвердили мальчишеский диагноз и добавили, что навигатор тоже накрылся. Вызванный наряд полиции покрутился, всех присутствующих переписал, созвонился с диспетчерской «скорой помощи» и установил, что к оставленной на детской площадке газели прилагалась бригада из трёх человек. Куда делись водитель, доктор и медсестра, выяснить не удалось. Высказывались мнения, одно абсурднее другого. Самыми правдоподобными версиями признаны были две: их украли инопланетяне или у медицинской бригады сбился жизненный навигатор. У всех вместе и у каждого по отдельности. На том и порешили.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Синее лето»

Я, Котька и Лариска

Ольга Клен

Из открытого окна ошеломляюще пахло подсохшим луговым сеном, на соседском пруду распевался лягушачий хор, стрёкот кузнечиков создавал гипнотически умиротворяющую атмосферу спокойствия. Я повернулась на правый, сонный, бок и уже собралась попрощаться с насыщенным событиями днём, как наверху что-то с грохотом упало. «Опять соседи табуретку уронили», – мысли монотонно растекались по черепушке, постепенно теряя скорость... «Какие, к чёрту, соседи, – в сознание ворвался крик единственной не уснувшей извилины, – я же на даче, а не в городской квартире, и здесь нет второго этажа». Отяжелевшие веки вспорхнули, словно испуганные птицы. Взгляд тут же упёрся в знаки вопроса в глазах Котьки: «Что это было? Ну и куда ты меня привезла?» Появившаяся из глубокого подсознания спасительная мысль, что на чердаке хозяйничает мой кот, была ликвидирована на корню. Котька телепатически транслировал мне: «Сходи посмотри, кто там!» Я же только повыше натянула на себя одеяло и прошептала: «Тебе надо, ты и иди. Завтра схожу». На том и порешили. Вскоре оба успокоились, благо больше никаких звуков с чердака не слышалось.

95

Утро распугало все страхи, и мы с Котькой бодро поднялись по шаткой лесенке наверх, прихватив на всякий случай только швабру. На пахнущем пыльной стариной чердаке ничего не изменилось со времён моего любопытного детства. «Надо будет как-нибудь устроить субботник и перебрать семейные раритеты в виде детской коляски о трёх колесах пятидесятых годов выпуска, кучи виниловых пластинок, бабушкиного сундука с авторскими рисунками всех пяти внуков (моими, в том числе), электрического самовара, который, кстати, можно почистить и использовать по назначению...»

Мой экскурс в семейную историю прервал шорох, доносившийся из кучи тряпья в углу. Котька насторожился и незаметно переместился за мои ноги, словно за оборонительное сооружение. «Ладно, припомню! Тоже мне, мужчина в доме!» – одними глазами выпалила я обиду Котьке. Он сделал вид, что не понял. Из-под маминой занавески вынырнула серо-коричневая крыса и деловито направилась к дырке в полу. По дороге она, видимо, поняла, что предметов в комнате добавилось, остановилась, посмотрела в нашу сторону и, не увидев ничего для себя интересного, скрылась в норке. «Конечно, – почему-то с обидой подумала я, – кого может заинтересовать застывшая скульптурная композиция из музея современного искусства под названием «Баба со

шваброй и кот с выпученными глазами»? И вообще, кого я могу заинтересовать, даже если отброшу швабру и начну двигаться? Скорее всего, только крысу». От слезливо-философских откровений о самой себе меня отвлек Котка. Он ластился к ногам, вымаливая прощение за минутную слабость, а вместе с этим и чего-нибудь вкусенького. Решив, что ночной переполох устроила крыса, мы с Коткой бодренько направились готовить завтрак. На запах жареного омлета с колбаской и помидорчиками или на запах кофе (я не спрашивала, на что именно) на кухню нагрянула крыса.

Котка, ранее видевший крыс только на экране телевизора, удивлённо пялился, пока Лариска (назову эту крысу так, ведь как-то неловко принимать безмянных гостей) уничтожала из котовой миски кусочки курицы в желе, если верить написанному производителем на пачке. Котка, решив, что представительница местной фауны пришла скрасить его скуку, милостиво разрешил разделить с ним трапезу. Я смотрела на этот дурдом не отрываясь, даже забыв его увековечить на телефон, пока кофе на плитке не сообщил о побеге.

«Нет, больше не дам! Принимай своих гостей за свой, а не за мой счёт», – включила я строгую хозяйку в ответ на выплеск мольбы из глаз Котки. Но невозможно устоять перед котенькой, лапочкой, солнышком, зайчиком... В общем, кошатники меня поймут. Руки сами потянулись к пачке с кормом, и её содержимое тут же перетекло в кошачью миску. Увлеченные диалогом, мы с Коткой не заметили, куда улизнула крыса. Меня её исчезновение обрадовало, Котку расстроило, но в целом, следующие полчаса мы жили привычной жизнью. Позавтракав, отправились в сад, где я попыталась поработать на свежем воздухе, а Котка, как всегда, мне помогал. Это выглядело так: я щёлкала компьютерной мышкой, а кот выталкивал мышку из-под моей руки, подсовывая вместо неё свою голову.

На горизонте, вернее на крыльце, нарисовалась Лариска. Кот бросился к ней с распростёртыми объятиями, как к старой знакомой. Крыска немного оробела от такой гостеприимности, но любопытство взяло верх, и вскоре оба уже бегали по газону, кувыркаясь и подпрыгивая. Идиллию прервал мелодичный женский голос:

– Вот ты где, хулиганка такая! А я ищу её по всему посёлку, – в калитку вошла одна сплошная солнечная улыбка. Вот бывают люди, у которых изнутри светит солнце.

– Это ваша крыска? Здравствуйте! – я привстала из-за стола и жестом пригласила гостью присесть напротив.

– Здравствуйте! Умаялась, бегая за ней. Мы – ваши соседи. Вчера приехали, поставили клетку с Нонной на террасе и забыли проверить крючок. Сегодня смотрим, а крыски нет. Уже десять раз похоронили её, наплакались... А она жива-здоровая, да ещё и с котом играет. Знаете, у нас ведь тоже есть кот, поэтому она и не боится. А вот почему ваш кот на неё не напал, непонятно. Даже у животных инстинкты пропадают в городах, что уж о людях говорить. Ну, не будем вам мешать, – соседка направилась к куче-мале из Котьки и крыски и позвала свою любимицу. Та неохотно, как ребёнок, оторванный от игры, пошла «к маме на ручки».

На почве расставания с новой подругой у Котьки началась депрессия, но я изничтожила её на корню, организовав вечернюю рыбалку. Золотистые караси оказались интереснее серой крысы. Но это уже, как говорится, другая история.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Мясо и потолки»

Мясо и потолки

Marara

– Голодная собака верует только в мясо... – писал Антон Павлович Чехов, а уж он-то хорошо знал, о чём писал!

Я никогда не разделяла восторженного благоговения наших поэтов перед нищими самых разнообразных мастей, и старательно не комментировала стихи о святых безумцах, цитирующих Бродского и просящих подаяние, будь автором подобных творений сам Игорь Царёв, которого я безмерно уважала.

Я на своей шкуре узнала, что такое нищета, и каким маслом мажут чёрствую, вымоленную у добрых людей или государств благотворительную корку хлеба.

Бытие определяет сознание, и я послушно шла проторенной предшественниками дорогой всех эмигрантов: врала в колледжах иностранных языков, что у меня нет высшего образования (почему-то с высшим образованием в эти колледжи не принимали); жадно хватала любую подработку, типа уборки квартир, подобострастно улыбаясь хозяевам этих квартир; покорно носила ярко-оранжевый жилет уборщицы общественных туалетов и даже не краснела, встретив насмешливый взгляд знакомого собрата-эмигранта, которому повезло чуть больше.

И лишь когда полуоборванный мексиканец на пороге школы протянул мне горсть монет на мой невинный вопрос: «Который час?», во мне как будто встрепенулась та полузабытая девочка из былых светлых времён, читавшая классику и верившая во что-то светлое.

Лицо моё, видно, довольно явно отразило мучительный стыд из-за незаслуженной обиды, и добрый, но смутившийся самаритянин долго бормотал извинения.

Подруга моя, примчавшись с потрясающей новостью, что на велфере дают какую-то подачку для потерпевших землетрясение, и вовсе сочла меня полной идиоткой – зачем отказываться от свалившегося задарма добра? Ведь там даже не спрашивали, как именно проситель потерпел, просто деньги выдавали...

Я не знаю, связана ли была найденная через несколько месяцев работа с моим отказом от незаслуженных и унижительных подачек, но ощущение было, что, дойдя до самого дна, я вынырнула из какой-то вонючей стоячей воды, обрела

себя, нацелившись, на что-то недостижимое по тем нищенским, недостойным меня временам.

Самое страшное в нищете – не голод, не лохмотья, не пренебрежительная жалость тех, кто суёт в твою руку скупые гроши милостыни, а собственное смирение с этим унижительным для человеческого существа положением, эдакое философское оправдание пребывания на самом дне, в узких оскорбительных рамках, очерченных для тебя безжалостным бытиём.

Временное несчастье становится привычным, чёткие ранее границы морали постепенно размываются, сама душа адаптируется к низким потолкам дешёвых каморок, в которых вынуждено ютиться тело.

Прав был Достоевский со своим: «– А знаешь ли... что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят».

Кузя

Ольга Зими́на

Голодная собака верует только в мясо. Так говорят, но Кузя никогда в жизни ещё не оставалась без еды – и потому свято верила в могущество своего хозяина. Егор, ютившийся в шалаше неподалёку от городской свалки, всегда – в адскую жару или лютый мороз – мог добыть пропитание для своей кривоногой лохматой подружки.

– Не бойсь, Кузя, мы с тобой не пропадём! – говорил он преданно пыхтящей псине, выуживая из мусорного бака на задворках «Пятёрочки» просроченные батоны. – Ты погляди, какую хорошую еду выкидывают, а?

Насытившись, они возвращались на свалку, вдвоём заползали в ветхую хибару и грели друг друга, а сквозь дырявую крышу в их тайное пристанище лукаво заглядывали любопытные звёзды.

Егор, смутно вспоминая прошлое, в котором он был начитан и образован, тихо шептал в собачье ухо:

– Хорошо нам с тобой, Кузя, и не нужно мне ничего – ни денег, ни квартир. Пусть она живёт счастливо. А знаешь ли... что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят...

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Я узнаю тебя из тысячи»

Случай на дороге

Ольга Клен

Натруженными жилами пожилого крестьянина разветвлялись дороги по полям и лесам, переkreщивались, натыкались одна на другую, к ним присоединялась третья, потом они разбегались в разные стороны. Иногда где-то вдалеке некоторые снова встречались, а чаще всего первая встреча оказывалась последней. Большинство дорог со временем чахли, прорастали чертополохом и подлеском, превращаясь в извилистые тропинки. Проливные дожди и камнепад с окрестных гор делали их совершенно непроходимыми, не говоря уже о проезде по ней кареты. Если солнце не просушивало почву, по такой дороге долгое время никто не ходил, и в конце концов она исчезала совершенно. Но дороги нужны стране. По ним течёт кровь государства. И чем больше широких дорог в стране, тем сильнее пульсирует в ней жизнь.

По известному тракту в дорогом экипаже ехал самый удачливый делец во всей округе еврей Исаак. Он был одет абсолютно не по моде: в черный лапсердак, белую рубашку и удобные портки. Традиционные пейси венчала выдавшая виды засаленная ермолка. Но её он не променял бы ни на какой новый головной убор, потому как была она счастливою. Чем именно занимался Исаак, никто точно сказать не смог бы, но связей в высших кругах у него было предостаточно, а потому он брался решить любую проблему, и решал. Чем и прославился. Сейчас Исаак ехал домой из соседнего городка после завершения очередного дельца, которое принесло ему кругленькую сумму. Солнце светило, а тропинка, убегавшая от тракта, казалась такой живописной, что Исаак поддался спонтанному решению и велел вознице остановиться.

Несмотря на усталость, пожилой еврей легко взобрался по осыпающимся камням на самый верх пригорка и увидел, что тропинка соединяет тракт с окраинной улицей его родного города. Любопытство заставило Исаака пойти по ней, ведь раньше он здесь никогда не бывал. Странно, казалось, он знал поселение лучше, чем пару собственных кожаных перчаток. Пройдя с десяток шагов, мужчина заметил в придорожных кустах небольшой пакет, трогательно завязанный атласной ленточкой. «Наверно, выпал из кареты какой-нибудь благородной дамы», – подумал Исаак, и воображение стало рисовать картины одна интереснее другой, где интриги следовали за заговорами, любовные связи цеплялись за политические игры... Вот уже Исаак держал в руках не просто коробку с профитролями, что было его первой мыслью от находки, а секретную почту герцога. Нет, скорее всего, это – любовная переписка герцогини. А-а-а! Пакет выпал из кареты шантажиста! Вот для чего герцогиня

вызывала его, простого еврея, в роскошные покои и, роняя слёзы на итальянские кружева бирюзового платья, просила выдать ей ссуду под любые проценты.

Исаак провёл пальцами по слипшейся бородке, что выдавало в нём усиленную мозговую деятельность. Да тут можно не только денег поднять, но и утвердиться в звании особо доверенного лица самой герцогини! Конечно, он просить ничего не станет. Он ведь честный делец, легко решает любые проблемы, поставяет любые товары, ссуживает любые суммы. У него всё есть, и всего в избытке. Но здесь важнее не материальная выгода, а расширение сферы влияния. Довольно рассуждений! Что же находится в этом пакете? Руки еврея, более привычные к пересчёту золотых монет, с трудом пытались развязать узелок на ленточке. Его занятие должно было оставаться в тайне, а потому, когда на дороге показался экипаж, Исаак спрятал пакет за спину и повернулся лицом к проезжающим. На приветственный кивок головы Исаака кучер презрительно скривился и сплюнул на обочину. Еврей уже привык к такому к себе отношению. Людей его нации нигде не любили. «Что ж, – подумал без всякой обиды Исаак, – мне ваша любовь без надобности. Я лучше деньгами возьму».

Наконец-то ленточка была развязана, пакет раскрыт, а перед глазами возникла изящная коробочка с крышкой. В предвкушении раскрытия тайны, Исаак сделал последнее решительное движение. Из темноты коробки выпрыгнула лягушка. От неожиданности Исаак выронил коробку в придорожный песок. Из кустов послышался приглушённый смех. Потом смех стал громче. И тут Исаак понял, что стал объектом насмешки. Как это больно ударило по его самолюбию! Его, хитрого и оборотистого дельца, провели, как мальчишку. И кто! Дети! Как они смеют издеваться над ним, смеяться? Чёртовы дети! Вот оно, современное воспитание. В его время мальчишек-школяров лупили розгами. И правильно делали. Ни у кого из них даже мысли не могло родиться, чтобы потешаться над взрослым человеком.

Исаак решил было кинуться вслед за озорниками, чтобы преподать им урок хорошего тона, но скоро понял, что не догонит никого, а только опять поставит себя в смешное положение. С минуту он постоял на обочине, размахивая руками и посылая проклятья, а потом сторбился и поплёлся обратно к экипажу. Настроение было испорчено. И неизвестно, что более стало тому причиной: неловкая ситуация, в которую он попал по вине каких-то недорослей или несостоявшийся гешефт от находки. Вскоре Исаак уже был дома, выпил чаю и заснул не в духе. Во сне ему снилась герцогиня в образе безобразной лягушки. Она пыталась поцеловать Исаака и при этом громко смеялась. К чему бы это?

Время обеда

GP

Грозное жужжание на верхушке дерева напомнило Винни-Пуху об остром голоде. Ведь близился полдень – самое время для того, чтобы перекусить.

– Пятачок, у тебя есть воздушный шарик? – медвежонок рассеянно смотрел одним глазом на пчёл, кружащих в небе, а другим глазом он наблюдал за поросёнком, жадно поедающим валяющиеся тут и там жёлуди.

– Пух, у меня есть целых два шарика – закричал Пятачок, радуясь, что может помочь другу. – Тебе какой – синий или зелёный?

– Мне бы рыжий, – задумчиво отозвался медвежонок. Пчёлы бы подумали, что это осенний листок, и им пора улетать на юг.

– Так... Зелёный шарик мне не подходит – этот цвет меня полнит, а синий нас двоих не вынесет. Ты, Пятачок, взлети и спой специальную ворчалку. Голого и розового тебя пчёлы примут за Афродиту, а шарик – за море, им захочется купаться, загорать, пить греческое вино, и они улетят... А я тем временем пообедаю.

Пятачок пел и пел и пел, но пчёлы не хотели улетать. И Винни-Пух с огорчением подумал – наверное, Афродита пела совсем другие ворчалки, и пчёлы это знали, потому что в своей наготе поросёнок был точь-в-точь греческой богиней...

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 3

Психология

Ninzy

Я Телец. Неплохой знак гороскопа для женщины. Интернет вещает, что женщина Телец очень упрямая, но в то же время яркая и завораживающая, крутит мужчинами так, будто они её личные марионетки, а она – единственная живая женщина на планете. Читать о себе такое приятно, но... Обращаясь к действительности, надо признать, что единственный на свете мужчина, которым мне хотелось бы крутить, (он же мой муж Вадим), не очень-то крутится. Наверное, так происходит потому, что он тоже Телец и входит в топ самых упрямых знаков зодиака. Если он занял какую-то позицию, то его уже не сдвинешь. Хотя... Именно об этом я размышляла, уткнувшись носом в благоухающий свежестью букет белых хризантем. Прошло уже двадцать минут с тех пор, как в дверь позвонил курьер, который принёс посылку с десертом и цветы с открыткой от мужа: «Пожалуйста, поешь. Будет больше энергии, чтобы спорить со мной», а я всё ещё пребывала в блаженном ступоре. Этого жеста оказалось достаточно, чтобы растопить мое сердце. И как бы я не убеждала себя ещё немного подуться, губы растягивала счастливая улыбка, а сердце выстукивало какой-то браваурный мотивчик. Да, я его простила!

104

Мы познакомились в общем интернетовском чате. В любое время суток там ошивалось не менее десятка собеседников из разных городов. Мы все перезнакомились, а с некоторыми даже подружились, хоть и не видели друг друга в жизни. Состав чата давно сложился, новички заходили редко, поэтому новенький Вадим сразу привлек моё внимание нестандартными сообщениями. В них он, как потом оказалось, от рассеянности, часто пропускал слова. Например, входил и писал: «Привет всем. Как ребята?», потеряв слово «дела». Или рассказывал: «В нашем доме, на этаже открыли домовую. Теперь лафа, ешь хочу!». Мы быстро научились понимать его – этаж был «первый», домовая была «кухня», а ешь – «не» хочу. В остальном Вадим был нормальным московским парнем, добрым, умным и коммуникабельным. Все его полюбили, а я, простая питерская девчонка, особенно. Мы оба оказались совами и часто засиживались в чате до утра, когда все другие уже сладко спали. А ещё оба жили отдельно от родни в однокомнатных «хоромах» и работали на компьютере удалённо, поэтому могли свободно распоряжаться своим временем. Интернет-общение нравилось молодежи, чаты открывались в несметных количествах и таких как мы, удалённо влюблённых, было множество. Удивительно, как общаясь исключительно эпистолярно можно получить реальные, сильные, настоящие чувства. Наши созрели. Мы объяснились в «личке», решили, что достаточно узнали друг друга и пришла

пора связать наши жизни в реале. Вадим сделал официальное предложение, я, само собой, согласилась. Убедив меня, что традиционно жена переезжает к мужу, в начале апреля взволнованный жених встречал невесту на перроне Ленинградского вокзала.

Честно говоря, я отчаянно трусила перед нашей первой встречей. Какой она будет? Узнаю ли жениха? Мы конечно обменивались фотками, но фотошоп никто не отменял. На просторах интернета косяками ходили истории о том, как на очное свидание вместо красавцев являлись монстры...

«Сапсан», слегка дёрнувшись, остановился. Москва встречала меня пасмурной погодой с мелким дождём. Я, ещё будучи в вагоне, через окно искала глазами Вадима. Он стоял с непокрытой головой, нахохлившись, с поднятым воротником кожаной куртки, постукивая ногами. Высокий шатен, замёрзший и красивый, как на фото! Я, как мне кажется, тоже не подкачала. Стройная блондинка в коротком стёганом пальтишке, цвета охры, зелёных ботинках и лихо заломленном берете того же цвета. Шагнув из вагона на перрон, я встретила с растерянным взглядом жениха. Видимо и он опасался увидеть не ту, что ожидал, но быстро заценил и остался доволен, заулыбался и полез обниматься. Вещей у меня было немного. Вадим подхватил небольшой чемодан и рюкзак, я несла на плече кофр с ноутбуком, на длинном ремне. Руки у меня оказались свободны, я раскрыла складной зонтик, тоже зелёный, и несла его над нами на вытянутой руке, как знамя победы. Такой живописной композицией мы и пробирались сквозь многолюдную толпу до стоянки такси. Получше рассмотреть лица друг друга нам удалось, только загрузившись в ярко жёлтый авто с пашечками. На заднем сиденье было тепло и удобно. Вадим нежно держал меня за руку, расспрашивая как доехала, какая погода в Питере. Я что-то отвечала невпопад, но при этом испытывала страшное желание обнять и поцеловать любимого и была уверена, что он хочет того же. Доехали мы быстро, а оказавшись в квартире дали волю своим чувствам – мои ботинки, зонт, пальто и беретка полетели в разные стороны! Вади тоже быстро сбрасывал одежду...

Когда эмоции поутихли, за окном уже было темно. Дождь продолжался и свет уличных фонарей преломлялся в капельках на стекле, превращая их в золотые звездочки. Мы лежали на большом уютном диване усталые и счастливые. Вскоре Вадим захотел есть, да и я была не прочь перекусить что-нибудь. Мы выбрались из-под одеяла и потопали на кухню, где жених, коротко ознакомив меня с оборудованием и запасами провизии, поручил сварить кофе и сделать бутеры. Сам он вышел и чем-то занимался в комнате и прихожей. Наконец все было готово, и мы уселись за маленький круглый столик на кухне. Кофе был душистый, бутерброды вкусные, мы ели и беседовали на какие-то дежурные темы, которые закончились вместе с ужином. Оказалось, что болтать онлайн в

интернете можно долго и содержательно, а вот наяву оба мучительно придумывали, о чем бы еще поговорить, но ничего подходящего в голову не приходило. Вадим домывал чашки, а я, понимая, что наше молчание становится всё более неловким, предложила: «А проведи ка мне экскурсию по квартире». Хозяин оживился, взял меня за руку и, включая везде свет, повел по своим владениям. Квартира оказалась удивительно похожа на мою, только в зеркальном отражении. «Как в "Иронии судьбы..."», – хихикнула я. В просторной комнате, кроме дивана, был большой шкаф-купе, красивая горка с телевизором и два компьютерных стола со всеми необходимыми гаджетами. Стало понятно, что Вадим готовился к моему приезду и оборудовал еще одно рабочее место. Я была польщена. А ещё вокруг было очень чисто. «К тебе приходит уборщица?» – поинтересовалась я. «Нет, зачем? Квартира небольшая, я сам справляюсь, а теперь будем справляться вместе». – ответил жених, выводя меня в прихожую. Здесь тоже был почти полный ажур. Мой чемодан, рюкзак и ноут рядом стояли у стенки, вещи Вадима висели на вешалке, ботинки на обувнице, а вот мои зелёные ботинки и зонтик валялись посередине, где я их бросила в порыве страсти. «Это непорядок, я такого не люблю. Пожалуйста, приberi свои вещи». Любимый улыбался, но голос его звучал твёрдо. Он вопросительно посмотрел на меня, а я залилась краской и поспешила исправить положение – поставила свои ботинки рядом с его, а зонтик повесила на крючок у двери.

106

Честно говоря, я не очень хорошая хозяйка и дома у меня зачастую вещи валяются где попало. В своих интернет беседах с Вадимом мы как-то упустили эту тему, и я оказалась в неловкой ситуации. Вроде бы ничего страшного не произошло, но настроение мое почему-то испортилось. Стараясь не показать этого, я сообщила Вадиму, что хочу опробовать своё рабочее место, он с радостью согласился. Мы уселись каждый за свой компьютер, системные блоки приятно заурчали, мониторы загорелись и на моем, по умолчанию, открылась «Аська». Я улыбнулась – он и тут всё подготовил. Через секунду выскочило первое сообщение: «Как тебе на месте?», – имелось в виду на «новом», и пошла беседа...

Вскоре после моего приезда мы подали заявление в ЗАГС и уже через две недели нас расписали. Отметим мы это событие весело, хоть и только вдвоём, приятно посидели в ближайшей пиццерии, погуляли по городу, вернулись домой и стали обживать. Не скажу, что всё у нас сразу наладилось, но со временем мы научились общаться офлайн, интимная жизнь была страстной, безупречной и приносила нам массу удовольствия. В быту же, с моей стороны, бывали проколы. То я чашку забуду помыть, то ботинки на место поставить, то зеркало в ванной зубной пастой заляпаю. Вадим сам не гнушался помыть посуду, подмести пол, почистить ванну, но часто мягко выговаривал мне за беспорядок и заставлял устранить. Поначалу я только расстраивалась, но сразу

выполняла требования мужа, но однажды не сдержалась и огрызнулась, да ещё сама и обиделась. Плюхнулась за свой комп и, с видом сильно занятого человека, заколотила по клавишам. Вдруг от него приходит сообщение: «Ты себя чувствуешь?» Я раздраженно поджала губы и ответила, что со мной все в порядке и не нужно беспокоиться. Начали общаться мы только поздно вечером, когда ложились спать. Вадим шептал мне ласковые слова, я бубнила, что он мог бы и сам убраться, он говорил, что конечно мог бы, но тогда я никогда не исправлюсь... В общем – помирились.

Если вы думаете, что на этом наши разногласия по поводу домашнего порядка закончились, то нет. С завидным постоянством я забывала где-то что-то убраться, а мой любимый с таким же завидным упорством «тыкал меня носом» в эти огрехи. И если Вадим всегда был терпелив и деликатен в своих претензиях, то я, в ответ, не всегда могла скрыть раздражения.

Великое достижение современной жизни – «дистанционка». Не надо каждый день вставать ни свет, ни заря, часами добираться до работы... Нам повезло – спи досыта, а потом сиди себе за родным компом и твори в своё удовольствие. Так-то оно так, но выходить из дома всё же приходилось, в магазин, в поликлинику, иногда заказчик настаивал на личной встрече. Вот и в тот злополучный день Вадим ушел куда-то с самого утра. У меня тоже были дела, но позднее, поэтому, когда за любимым захлопнулась дверь, я поплотнее подоткнула под себя мягкое одеяло и продолжила смотреть увлекательный сон, забыв перезавести будильник. Во сне всё закончилось благополучно – исполнились все мои желания, я от души полетала и, опускаясь на землю, сквозь дрему, начала медленно осознавать, что валяюсь уже достаточно долго. А мне, до ухода, надо еще приготовить обед, что-то перекусить, накраситься, собрать документы... Сон как рукой сняло, я вскочила и заметалась по квартире, пытаюсь, несмотря на жёсткий цейтнот, как-то поправить положение. Одной рукой я мыла картошку, другой заваривала себе кофе, и тут же бежала к шкафу, вышвыривала из него блузку за блузкой, пытаюсь подобрать подходящую. Как я ни старалась, мне не удалось обогнать стрелки часов. Не допив кофе, не докрасив глаза, я вылетела из дома, застегиваясь на ходу, и бежала, не останавливаясь, до остановки автобуса. Слава богу, на встречу я успела. Переговоры прошли удачно, я получила очередной интересный заказ и, довольная, возвращалась домой. Войдя в прихожую, я скинула с ног свои любимые ботинки, запустила зонтом в вешалку, в надежде, что он сам зацепится за крючок и, напевая, кружась в ритме вальса, отправилась на кухню. Мне так хотелось поделиться с мужем своей радостью. Возле мойки заполненной грязной посудой и картофельными очистками, сурово скрестив на груди руки, стоял Вадим. Я ойкнула и замолчала, а он заговорил. На этот раз он высказался на пару тонов громче и строже, да чего уж там – он откровенно наорал на меня, обозвав бессовестной и

безответственной неряхой! Он продолжал припоминать мне все мои проколы с момента появления в его квартире даже когда я уже всю шмыгала носом, а глаза застилали слёзы. Он вывел меня в комнату и раздраженно тыкал пальцем в мою, раскиданную по всему дивану, одежду. Он, наконец, вытащил меня за руку в прихожую, посередине которой живописно раскинулись грязные зелёные ботинки, а рядом с ними зонтик. Тут у него слова кончились, он взвыл нечеловеческим голосом, схватил в вешалки кожаную куртку, сунул ноги в ботинки и выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью, а я зарыдала в голос.

Наплакавшись от души, я умылась, привела в порядок кухню и комнату, вымыла ботинки, повесила зонт и прилегла на диван, ожидая возвращения мужа. Время тянулось медленно, я то и дело прокручивала в голове нашу ссору и снова принималась плакать. В общем, до утра я не сомкнула глаз, размышляя о сложившейся ситуации и пришла к выводу, что, наверное, не стоит нам жить вместе. Видимо не судьба. Я никогда не стану идеальной хозяйкой, Вадим никогда не смирится с этим, а я не вынесу его очередного раздражения и тоже буду орать – ну что это за семья?

Когда темнота за окнами поредела, я решительно встала и направилась в кладовку за чемоданом. Мне хватило часа, чтобы собрать вещи и вызвать такси до Ленинградского. Настроение было подавленным, положение отчаянным, а вокзал показался таким огромным по сравнению со мной, что я себе представила мурашкой на теле живого организма. Другие мурашки передвигались быстро, как могли, захватили меня в свой поток и понесли по заполненному перрону. В экспрессе было многолюдно. Подумалось о том, что направление Москва – СПб самое оживлённое, однако устроилась я вполне комфортно, у окна, прикрыла глаза и, не откладывая, стала вживаться в новый ритм жизни.

Муж написал мне в то же фатальное утро, как только я с чемоданом вошла в свою квартиру. Он извинялся и просил не делать глупостей. Я молчала весь день, а ближе к ночи ответила: «Я хочу побыть одна», а потом долго плакала, представляя, что если бы не уехала, то сейчас мы ужинали бы порознь, каждый у своего компьютера, не проронив ни слова. Аппетита бы у обоих не было, а напряжение бы нарастало. Мы делали бы вид, что всё нормально и только чайник кипел бы, как ненормальный, и аромат кофе был бы не вкусным, а каким-то агрессивным. Потом всё шло бы по нарастающей: не помытая посуда гремела бы в раковине, пыль шепталась бы по углам, каждый вечер был бы ужасным, а расставание неизбежным.

Прошло больше месяца. Я окунулась в работу с головой, стараясь заполнить все мысли заказами и не вспоминать о любимом. Днём мне это почти

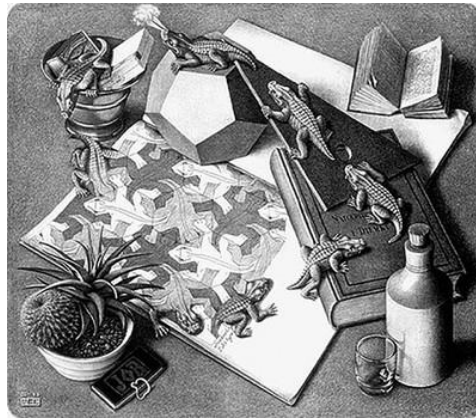

удавалось, но с наступлением вечера, стоило мне выключить компьютер, как включалось проклятое сознание или подсознание, чёрт их обоих знает. Короче, эти двое, то наперебой талдычили, что я слабачка и даже ради любви не смогла победить своё раздолбайство, то рисовали образ любимого на фоне ночного окна, то начинали подпитывать меня надеждой, что не всё ещё потеряно. Я отчаянно защищалась, сопротивлялась, спорила с ними, а может сама с собой. Как бы то ни было, а время не лечило. Я так измучалась, что уже готова была капитулировать, пару раз заглядывала в кладовку, где хранила чемодан и подумывала о явке с повинной. Подумывала, но всё же курьер с букетом от мужа оказался полной неожиданностью. Я мечтательно ставила цветы в воду, когда в прихожей зачирикал звонок. В проёме распахнутой мною двери стоял Вадим, а рядом с ним большая спортивная сумка. Ни слова не говоря, я рванулась и повисла у него на шее, зажав его рот своими губами. Он не возражал, крепко прижимая меня к себе. Едва справившись с эмоциями, я спрыгнула с мужа и втянула его в прихожую. Он заговорил, взволнованно и торопливо, стараясь сказать всё, что наметил, пока я его не перебила. Там были искренние извинения и клятвы больше никогда не повышать на меня голос, что бы я ни натворила, и обещания взять на себя все хлопоты по дому, и даже согласие иногда носить меня на руках. Это было смешно и трогательно. Муж наконец выговорился, повесил куртку, разулся и пошёл по квартире оглядываясь. Я шла рядом и тоже смотрела по сторонам. Не знаю кто из нас был больше удивлен, то ли Вадим, обнаружив полную копию своей квартиры, только в зеркальном отражении, то ли я, непосредственно в этот момент заметившая какой у меня порядок! Все вещи стояли по местам, ничего не валялось, нигде ни пылинки, даже в кухне была идеальная чистота и вкусно пахло обедом. Всё таки психология – великая вещь! Спасибо вам, сознание и подсознание. Почему-то в этот момент пришла уверенность, что теперь у нас всё будет хорошо.

А всё началось с того, что муж отчитал меня за мои зелёные ботинки и зонт, которые я сбросила у входа.

Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели»

Писатель
Джон Маверик

Мауриц Эшер. Рептилии

110

Я провозился у компьютера три с половиной часа, но все-таки сделал несколько приличных иллюстраций. И даже одну – на обложку. С хорошей композицией и цветовой гаммой, в меру абстрактных, слегка интригующих. На всех, кроме одной, змеи, ящерицы и крокодила, ползущие сквозь репейники и кактусы. А еще – дюны, как в Голландии, тоскливые, бледно-желтые и волнистые от ветра, с пучками блеклой сухой травы. Книжки в солидных кожаных переплетах – настоящие древние фолианты – и географические карты несуществующих стран. Ну, ясно более или менее. Мой новый роман, очевидно, позабавит дорогих читателей похождениями каких-то инопланетных рептилий. Почему инопланетных? А кто его знает... Последнее время искусственный интеллект раз в полгода стряпает для меня – а точнее, от моего имени – бесконечные опусы про межгалактические перелеты, колонии поселенцев, контакты с внеземным разумом, а то и не разумом вовсе, а просто о встречах с какими-то мерзкими и ужасными тварями и прочую лабуду. Мне давно уже хочется сменить пластинку, но для этого придется отказаться от нейросети «Колибри», а я к ней уже привык.

Я кладу перед собой единственную картинку без кактусов и крокодилов. Машинально разглаживаю ее ладонью, хотя она и без того гладкая, глянцевая – и блестит, как мостовая после дождя. Она яркая и пропитанная весной, эта миниатюрная птичка посреди майского буйства цветов, и сама очень похожая на цветок. Такой нейросеть «Колибри» видит себя и раз за разом подсовывает мне свой портрет, словно желая... привлечь внимание к собственной персоне? Получить свою долю славы? Глупо. Искусственный интеллект лишен честолюбия. А может, в тексте и в самом деле есть что-то про птичку? Птичка-невеличка против цивилизации крокодилов... Абсурд, если вдуматься. Я,

известный писатель, автор как минимум трех мегапопулярных фантастических серий, не читал свои собственные романы. Во всяком случае, последние. Самые ранние, еще неумелые и, вероятно, немного наивные, я не только прочитал, но и написал собственноручно. Пару десятков лет тому назад так делали все. Нейросети в то время были еще в пленках, если можно так выразиться. Потом делали первые робкие шаги. Учились и, как губки, впитывая в себя человеческие знания, эмоции, чувства, становились почти как мы, а в чем-то – лучше нас. Умнее, быстрее, выносливее... В общем, к чему я вам все это рассказываю, вы и так знаете. Когда появились первые писательские программы, я вначале сомневался. Но потом рассудил, что не век же человеку копать землю лопатой. Да и лопата, уж если на то пошло, не часть его руки. Без орудий труда – и люди не люди, а голый разум в слабых телах, мало на что способных.

Я покачал головой, вспоминая, как в первый раз загрузил отрывки своего романа в «Колибри», обучая нейросеть своему авторскому стилю, приемам и фишкам, а на выходе получил такой каскад приключений, такие резкие повороты сюжета, что меня аж затошнило. Как будто покатался на американских горках. Положа руку на сердце, будь я издателем, выкинул бы эту невероятную писанину в мусорное ведро и ни секунды бы о ней не пожалел. Но, нет. Книга вышла большим тиражом, который потом три или четыре раза допечатывали. А уж какие хвалебные рецензии потоком лились со страниц журналов, газет, даже по телевизору, помню, шла реклама. Я, конечно, понимал, что это не моя заслуга – хотя в чем-то, наверное, моя, ведь именно мою манеру копировала «Колибри», я ее натаскал, дрессируя, как цирковую собачку. Вдобавок скормил ей кое-какие идеи. Не синопсис романа, а парочку соображений, где, что и как... ну, вы поняли. Сейчас я так не делаю, нейросеть прекрасно справляется сама, без моих указаний. Мне даже название не надо придумывать. Вот только о чем она пишет?

Охваченный внезапным любопытством, я вызвал на экран текстовый файл и углубился в чтение. Ну, что вам сказать? Роман, и правда, был о каких-то рептилиях. А ощущение от текста – такое, как будто жуешь кактус. Слова кололись, но только на языке. Не лезли в горло и не проникали в душу. Я осилил страниц пятьдесят и с раздражением выключил компьютер. Раньше о таких опусах говорили: ни уму, ни сердцу. Я не сомневался, что и предыдущие творения «Колибри» – не лучше. Кто же лил всю эту патоку? Хвалил, восторгался... Не иначе, другие нейросети. А тираж раскупали дураки, в жизни не прочитавшие ни одной книги. Наверное, ради красивого дизайна обложек.

Я снял с полки свой первый роман – «Серый шум», в неброском переплете, черно-белый принт, желтоватая бумага... и сперва полистал, а потом словно нырнул с головой в глубокую воду. Как странно, что это мой текст, мои мысли,

когда-то терзавшие тогда еще незрелый ум совсем молодого человека, почти подростка. Я с трудом понимал написанное, как будто смотрел сквозь мутное стекло и видел за ним что-то важное, какой-то потаенный смысл. Но в каждой строчке мне чудилось тонкое, как волосок, биение жизни. А еще казалось, что тот, прежний я, был добрее и человечнее – и, несмотря на юный возраст – мудрее меня сегодняшнего.

Я зачитался и не заметил, как наступила ночь. Отложив книгу, я раздвинул занавески и взгляделся в черноту за окном. Где-то там, за тяжелыми тучами, притаились звезды. Уснули, как птицы в гнезде, зарывшись в холодный серый пух. Их не видно, но каждый знает – они там. Всякая живая тварь ощущает их – от человека до майского жука. Вот как надо писать, подумал я, так, чтобы сквозь облака и туман в твоих строках сияли звезды. А иначе зачем это все, если нет в тебе любви – растопить чью-то боль, согреть, утешить, озарить путь. Я погрузился в прошлое и вспоминал. Сумеречная парковая аллея и в конце нее – блеск одинокого фонаря. Он похож на свет в конце тоннеля. И я шел к нему, летел, как легкомысленная мошка – и почему-то все равно очутился в темноте.

Эх, «Колибри», птичка моя, нет у тебя ни чувств, ни фантазии, ни тяги к полету. Ты не настоящая, и яркие крылья твои – бутафория. Подделка, на которую я купился. Она ведь не только книги, чудилось мне, она душу мою переписала. Растворила ее в потоке единичек и нулей, перевела на машинный язык. Мое человеческое «я» сжалось до крошечной искры. И только во сне она разгорается и, облекаясь иллюзорной плотью, до утра бродит по улицам мертвого города и не может из него выбраться. Значит, надо ложиться спать, вздохнул я, завтра много дел. Надо подготовить рукопись, вставить в нее картинки и отослать роман про крокодилов и кактусы в издательство. И с этой мыслью я задернул шторы и погасил свет.

Впрок GP

Анна Березовская. Пойманная луна

Такого бабьего лета народ не припоминал. Небывалые урожаи давно были собраны и даже проданы за границу – кому же не хочется денег валютных почти ни за что, за природную милость, а себе-то еду и на рынке завсегда купить можно. Да и лес рядом, и река – вот она, под боком. Сентябрьская погода баловала ясными днями и ночами. Сунулся было народ по грибы – грибы все собраны, воду в реке сетями просеял – рыба вся выловлена. Сунулся на рынок – а там тоже все урожаи за валюты ушли во всякие другие чужие страны. Обидность получилась. Вспомнили: вроде как Петрович картошку запас себе. Целый погреб. Не захотел валюты брать – одинокий он, вот и смысла в ней не понимает. Объяснить-то некому, что почём.

Петрович – он чего, мужик простой. Дам, говорит, картошки. Но за рубли. А рублей-то и нет ни у кого. Набрали копеек восемьдесят или чуть больше – дал за это Петрович полное ведро картофельных клубней. Но тару потребовал вернуть. Ну да разве от нашего народу что-то назад получишь, если отдал ему даже во временное пользование?

Пустил слух один селянин – луну можно есть как масло коровье. К варёной картошечке в самый раз выйдет. Вычитал он это в журнале каком кулинарном, или со школьной биологии вспомнил – не суть. Главное, луна вот она – в речке по ночам плавает. А чуть ветерок поднимется, так на каждой волне своя луна. Бери – не хочу!

Купили мужики на рынке старых вёдер несколько штук. За валюту. Можно было и новых купить, да уж больно много хозяева запрашивали. Жалко же настоящие деньги за жестянки отдавать – деньги беречь следует. На всякий крайний случай.

Дождались ночи селяне – пошли на речку. И Петровичево дармовое ведро захватили – улов складывать. Наловили луны – еле унесли. Устали вусмерть, завалились спать на весь день – не до картошки уже. А вечером – опять на реку собрались. Стучат в окошко Петровичу: «Айда с нами! Пока луна на убыль не

пошла – на год себе запасём. Ну и излишки за границу продадим. Валюта лишней никому не бывает».

Зевнул Петрович. «Не, ребята, пока у меня картошка есть – проживу без иностранных денег».

«Что же ты, сухую её есть будешь? Без масла? Мы же тебе луны так не дадим. Только за валютные отчисления. Бизнес есть бизнес».

Махнул рукой Петрович да завалился спать.

Сварили картохи селяне, радуются, ложки приготовили, ждут.

Попробовали топлёную луну в печке сделать, а она нежирная какая-то вышла, жиденькая. Попробовали на тёрке настругать – наоборот, жёсткая получилась. Не прожевать. И выкидывать жалко. Снова обидность вышла. Катрошка, она и без масла картошка, а всё чуть не та.

Решили продать за валюту иностранным государствам, а те не берут. «Зачем, – говорят, – нам ваша луна? Мы спим по ночам...»

А Петрович дождался утра, посмотрел – никого на улицах нет, спят все селяне от мала до велика после ночной ловли,

и пошёл на речку. А там в воде солнце умывается. Снял мужик кепку, поймал себе не самый большой, но яркий блик – много ли одинокому надо? – и дома на нём картошку пожарил. Не на всём, конечно. Зачем зря расходовать нужную вещь? Остатки в погребе в бидоне спрятал. Подумал, подумал – пошёл и ещё один блик выловил. Чтобы уж на всю осень и зиму с запасом хватило...

70-30 Полёт нормальный

Татьяна Нестерова

9 марта 2004 года День рождения Юрия Алексеевича Гагарина отмечала вся страна. Особенно торжественно его 70-летие было организовано на родине первого космонавта в небольшом смоленском городке Гагарин (бывший Гжатск).

1.

Меня и известную смоленскую поэтессу Дину Корнееву пригласили поучаствовать в праздничном концерте, который был назначен на 11.00. Между нашим городом и Гагариным тогда ходила всего одна электричка: туда ранним утром и обратно вечером. Ползла она продуваемая всеми встречными ветрами примерно полтора часа.

Мороз в тот март лютовал не по-детски. Днём ртуть в термометрах не поднималась выше –25, а ночью зашкаливала за –30. Такая же температура ехала с нами в вагоне. В полу-замороженном состоянии мы сползли по обледеневшим ступенькам на спящий гагаринский перрон и встали перед фактом: вокзал закрыт, автобусы не ходят, магазины ещё не работают – отогреться негде. Решили мелкими перебежками добираться до центра пешком. Никогда до этого не предполагала, что смогу ради искусства на подобные подвиги.

Примерно на полпути я сдалась морально и предложила Дине сдать физически в какую-нибудь полицию. Там тепло! Но, как назло, стражей порядка в обозримом пространстве не наблюдалось, как и прохожих. Город вымерз.

– Смотри, аптека! – затормозила подруга, – Работает!

Мы вломились в маленькое фойе и прижались к батареям. Снова выходить на улицу не хотелось от слова «совсем». Пожилая провизор в пуховом платке через окошечко сочувственно поглядывала на двух заиндедевших женщин с гитарой. Динка оттаяла первой, отлипла от радиатора и начала рассматривать витрины.

Пройдя небольшой круг, она вдруг встрепенулась и со счастливым лицом рванула ко мне:

– Мы спасены! Тут бальзам «Московия» продаётся!

– Ну и что? – не поняла я. Бальзам я себе представляла обычным травным очень полезным напитком, – Как он нам поможет?

– В нём семьдесят градусов! – прошептала старшая подруга и ушла к окошку с торчащей в нём старушкой.

Вернулась коллега с крошечной бутылочкой в руках, ловко скрутила ей пробку и подала мне:

– Пей.

– Из бутылки?! 70 градусов?! – возмутилась я, краем глаза замечая, как посуровела продавщица.

– Нет у них стаканов. Пей! А то не дойдём.

– Я же умру сразу.

116

– А без этого постепенно, – проворчала Дина, вздыхая и наливая жидкость в маленькую железную пробочку, – на, пей. Выдохни и задержи дыхание.

Я так и сделала.

– А ну марш отсюда! А с виду приличные. Устроили тут... – донеслось из окошечка.

Но нам уже стало почти хорошо, и мы выпорхнули на не такой уж и страшный мороз. Подумаешь, минус тридцать всего! В нас по 70 плюс.

Уже в центре постепенно просыпающегося города наткнулись на гостиницу с работающим кафе. Надо ли говорить, что мы купили там горячий кофе и, вылив в него оставшиеся 50 мг бальзама, просидели два часа, растекаясь от удовольствия по кожаным креслам.

2.

В первых рядах большого зрительного зала сидели космонавты в орденах-медалях и их жёны с цветами. Только что закончилась торжественная часть, пришло наше время.

Отведённый нам час мы с подругой «держали» зал. Это всегда дорогого стоит. Никто не поверил бы, что весь наш концерт был сплошным экспромтом. Дина читала стихотворение, я тут же подхватывала тему и пела, сопровождая себя на гитаре, потом снова читала поэссса, уже чуть сдвинув тему, и снова была моя очередь...

Аплодировали нам стоя. Пробовали мы потом с Диной повторять такие выступления. Но... чего-то в них не хватало. То ли морозца крепкого, то ли бальзама «Московии».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Выживание»

Выжить
Джон Маверик

– Что ты делаешь? – спросил Керк.

– Смотрю в окно.

– И что там?

Строка зависла. Не то какие-то помехи возникли на линии и покромсали диалог, не то Лили задумалась, вглядываясь в законный пейзаж. Ее лицо с одной стороны освещено солнцем. А пальцы нависли над клавиатурой, нервные и чуткие, словно готовые сыграть на ней прекрасную музыку. Керк терпеливо ждал. Сколько раз он задавал ей этот вопрос. И получал всегда один и тот же ответ. Другого и быть не могло.

– Небо... – написала она, наконец. – И облака. Они похожи на манную кашу. Такую, с комочками. Холодную и размазанную по синей тарелке. Ты любишь манную кашу, Керк?

– Не знаю, – ответил он честно.

– Я – нет, – призналась Лили. – Но мама варит мне ее каждое утро. А на обед – картофельное пюре. Или суп. Мне трудно есть твердое.

– Понимаю, – отозвался Керк.

Он тоже не ел твердое.

– Облака... всегда одни облака. Ни птиц, ни других домов... Иногда мне кажется, мы живем в самом высоком небоскребе нашего города. Да нет, не кажется. Так и есть.

– Откуда ты знаешь?

– Однажды сосед помог маме поднять меня на крышу. И там были те же облака над головой и вокруг. Только небо – огромное. А внизу – сверкающий частокол. Здания высокие, низкие, узкие башенки... Стеклянные кубики. И все такое яркое от солнца, стекло и черепица пылают, так что глазам больно. А мне так хотелось увидеть зеленую траву, деревья... луг... Как раньше, когда мы

жили в другом доме. Пока папа нас с мамой не бросил. Я просыпалась вместе с солнцем, и луг блестел от росы, каждый цветок – будто ладонь, полная алмазов, а у горизонта клубился розоватый туман... И на лугу паслись кони. Они подходили к самому моему окну – в том доме у нас были низкие окна – и улыбались мне. По-настоящему, по-доброму, во все свои лошадиные морды. Ты когда-нибудь видел лошадиные улыбки, Керк?

– Нет, не видел.

– Они искренние. В них невозможно не влюбиться. И они, кони, любят нас. Не за что-то, а просто потому, что мы – люди. Иногда у нас под окнами дети катались верхом. Или натягивали между столбами сетку и кидали через нее мяч. Я так любила на них смотреть! Мама думала, что мне грустно, потому что я не такая, как они. Не могу ходить, играть, говорить. Думала, что я им завидую. А я радовалась! Я словно переносилась туда и вселялась в каждого из них. Входила в их головы, мысли... Я становилась этими детьми: бегала их босыми ногами по лугу, ощущая каждую травинку, ловила их руками мяч, смеялась вместе с ними. Ты понимаешь? Какое это потрясающее чувство?

– Да, – сказал Керк, у которого не было ни рук, ни ног.

119

И смеяться он тоже не умел.

– Я была одной из них. А они все – моими друзьями. Хоть и не догадывались о моем существовании. Может быть, слышали, что в этом доме, выходящем окнами на луг, живет больная девочка... Но не видели меня никогда. И не надо!

– А мне можно тебя увидеть? – спросил Керк.

И вновь – тишина и пустота. Ушла она, что ли, из чата? «Наверное, я ее обидел, – подумал Керк. – Как жаль... Люди так легко обижаются».

Ему представился изящный стеклянный сосуд. Одно неловкое движение – и прозрачная красота разбивается вдребезги. Вот они какие, хрупкие, уязвимые. А эта девочка – Лили – особенно.

Но нет, она появилась.

– Не надо, Керк. Не надо на меня смотреть. Тебе не понравится. Я урод. Вся скрюченная. У меня только одна рука и действует, и то плохо... Я даже сидеть как следует не могу... Но зато... Волосы! У меня красивые волосы! Длинная золотая коса... Как у какой-нибудь принцессы. Мама каждое утро ее заплетает.

И ругается, что я не соглашаюсь остричь... Но у меня ничего больше нет, кроме красивых волос.

– Рапунцель, – вспомнил Керк.

– Точно! – строка окуталась длинным выводком смайликов, похожих на желтых смешных цыплят. – И сижу в высокой башне, под самыми облаками. Выше облаков. Вечно они у меня перед глазами... Эти комки в манной каше. И синее небо. Это так скучно!

– Понимаю, – снова согласился Керк, чьи глаза не видели ничего, кроме мутно-желтоватого фона яичной скорлупы.

Космический корабль разбился на краю леса. С одной стороны от места неудачного приземления тянулась широкая вырубка, залитая солнцем. С другой – редкий березняк, теперь местами поломанный и выжженный. Но беда заключалась в другом. Нарушилась герметичность обшивки, и внутрь корабля хлынул ядовитый земной воздух. Ллойд и Эрна погибли сразу. В живых остался только их сын, младший член экипажа – Керк. И то потому, что к моменту катастрофы еще не успел вылупиться из яйца.

120

Он был зародышем, а точнее, мыслящим эмбрионом, который из белкового супа и минеральных веществ скорлупы строил свое будущее тело. Процессом управлял бортовой компьютер. К счастью, при аварии тот не пострадал. Но Керк понимал, что, если пустить дело на самотек, его организм получится таким же, как у Эрны и Ллойда, то есть, непригодным для жизни на планете. И умрет, едва вылупившись из защитной скорлупы. А он хотел выжить. Во что бы то ни стало. И поэтому послал компьютеру мысленную команду: «изменить программу». За образец предлагалось взять любую из жизненных форм Земли. А вокруг их было видимо-невидимо. Какие угодно, на любой вкус. Они летали, бегали и ползали вокруг корабля, забирались внутрь через пробоину, обкусывали тела мертвых астронавтов, даже покушались на яйцо, в котором затаился Керк. Точили об него когти, пробовали на зуб... Но крепкая скорлупа могла выдержать и не такой натиск.

И компьютер принялся за работу. Три недели он посылал хозяину портреты белок и зайцев, лисиц, мышей полевок, ежей, дятлов и дроздов, муравьев, жуков-навозников, лягушек и ящериц. «Выбирай, кто тебе нравится?» Керку нравились все, жизнь этой планеты была чудесна, но... «А кого-нибудь разумного тут нет?» – «Ты останешься разумным, даже если мы скопируем внутреннюю химию любого из этих созданий» – «Глупая железяка! Ты, правда, не понимаешь? Мне хочется быть среди себе подобных. Разум тянется

к разуму». – «От глупого сгустка протоплазмы слышу. Ладно. Сейчас поищу тебе кого-нибудь подходящего».

Он протянул щупальца далеко за пределы леса. В города и поселки. Подключился к всемирной паутине, к чатам и форумам, и подключил Керка. Теперь они вместе изучали и выбирали. Кем стать? Каким? Какую выбрать внешность, пол, характер? Освоить человеческий язык оказалось не сложно, и вот уже Керк бродил по разным сайтам, знакомился, разговаривал с людьми, представляясь то мужчиной, то женщиной. А кроме этого читал все подряд – рассказы, статьи, сказки, новости... И смотрел фильмы.

Керк научился общаться почти как человек. Почти, потому что новые знакомые задавали ему всякие вопросы. Лгать он не умел, а как объяснить правду – не знал. Его спрашивали – чаще всего женщины, но и мужчины тоже – сколько у него денег? Чем он занимается? Есть ли у него свой дом, бизнес, статусные друзья? Что такое деньги, Керк более или менее понял. Но откуда они берутся и почему так важны, уяснить не мог. Дом его – разбитый космический корабль, по которому бродит, немало не стесняясь, лесное зверье. Его единственный во вселенной друг – бортовой компьютер. А чем занимается? Пытается выжить. Только и всего.

121

Так что сетевые знакомства Керка обычно заканчивались в тот же самый день, когда и начинались. А фильмы, которые он смотрел, оказывались страшными: про войны, убийства, ревность и месть. «И что это за игры ума такие? – думал он с грустью. – Странная, странная планета... Такая удивительная... и в плену у неразумия?»

«Я не могу быть человеком, – сказал он компьютеру, – не могу и не хочу. Эти гуманоиды чересчур сложны для меня. Я их не понимаю. Вместо того, чтобы просто жить, они что-то копят. Ненавидят друг друга. Завидуют тем, у кого накоплено больше. Норовят отнять друг у друга самое ценное – жизнь. Они – хищники, но едят не мясо, а чужое счастье. Нет, это не для меня».

А потом он познакомился с Лили. Совсем не похожую на других. Она ни о чем не спрашивала. Ничего не требовала. И жила совсем рядом – за выжженным березняком, по ту сторону не очень-то и большого, как выяснилось, леса. Кажется, протяни руку... и коснешься. Если бы только он не был заточен в яйце. Если бы она не сидела, плененная, в высокой башне.

– Что ты делаешь? – спросил Керк.

Так начинался каждый их разговор.

– Смотрю на облака... и думаю.

– О чем думаешь?

– Через три дня мне исполнится восемнадцать лет. Я стану совершеннолетней.

– Ты хочешь большой праздник, – догадался Керк.

– Нет, но... – ответила Лили и запнулась.

Она часто пропадала во время разговора. Может быть, обдумывала сказанное. Или у нее уставала рука. Но никогда она не исчезала так надолго.

Керк насторожился. В молчании Лили ему почудилась какая-то неловкость. Возможно, страх.

– Скажи, – попросил он.

– Когда я стану совершеннолетней, я смогу попросить о смертельном уколе.

Теперь уже Керк умолк, озадаченный.

122

– Эвтаназия? – спросил он, наконец.

– Да.

– Ты хочешь умереть?

– Не знаю. Мама уговаривает. Она измучилась. Говорит, у нее нет сил видеть, как я страдаю.

– А ты страдаешь?

– Не из-за ДЦП. Я родилась такой, и не знаю ничего другого. Но эти облака за окном... Я не могу всю жизнь смотреть только на облака.

– В сети есть много фотографий, – заметил Керк. – Разных. Каких только хочешь.

– Это просто картинки. Это другое... Облака – они настоящие. И луг был настоящим. И дети, и кони. Я не знаю, как объяснить. Но... ведь ты меня понимаешь?

– Да, – сказал Керк.

И на этот раз он, действительно, понял. Ему вдруг до дрожи, до боли, до спазмов по всему телу захотелось увидеть настоящий мир. Не картинки, посылаемые в мозг бортовым компьютером. А увидеть собственными глазами. Скорлупа истончилась. Пришла пора вылупиться.

А еще он подумал, что, может быть, больное тело Лили – тоже что-то вроде яйца, из которого потом вылупится прекрасное существо. Ей надо только выжить. Пожалуйста, Лили, выживи!

– Наверное, я больше не смогу тебе писать, – сказал он.

– Нет? – переспросила она растерянно. – Нет? Но как же так?

– Послушай меня, – попросил он. – Все когда-нибудь заканчивается. И жизнь, и боль, и хорошее и плохое... Но... – Керк улыбнулся. Да... Беседуя с Лили, он научился улыбаться – не губами и не глазами, а сердцем, которое с каждым проходящим днем билось все сильнее и громче. И это было удивительное чувство – как будто посветить фонариком во тьму. – Когда ты завтра проснешься вместе с солнцем – посмотри в окно. Обязательно взгляни в окно. Ты увидишь кое-что красивое и необычное.

И, не дожидаясь ее ответа, закрыл чат. Долгое прощание – лишние слезы. Кажется, так говорят у людей? Как это будет, думал он. Шагнуть из уютной желтой полутьмы в ослепительное сияние, в солнечное море, в буйство звуков и красок? Рождение – это всегда боль. Это как прыжок в холодную воду. А если ты, к тому же, не умеешь плавать? Если это рождение в чужой, чуждый мир, незнакомый и опасный? С которым ты – один на один, и нет рядом ни заботливых взрослых, ни доброго друга? Керк медленно распрямился, напрягая мышцы – и скорлупа треснула. Еще полчаса – и он выбрался на свободу, прочь из яйца, ставшего слишком тесным, прочь из космического корабля. Запрокинув голову к теплому желтому солнцу, вдохнул полной грудью свежий и чуть сладковатый земной воздух. От наслаждения зажмурил глаза... Ударил о землю копытом. Он – рослый, красивый конь, ослепительно белый. Белый, как облака, как первый снегопад, как свет звезды, с которой прилетели его предки. Компьютер постарался на славу, и Керк в своем новом теле почти ничем не отличался от земных лошадей. Но у него были крылья.

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Метаморфозы»

Неудачник
Джон Маверик

Я и не заметил, как над моей головой сгустились тучи. Еще утром я спокойно сидел за рабочим столом, стараясь выглядеть собранным и деловитым. И симпатичная коллега Марша Блейк принесла мне из кухни чашку кофе с готовым сэндвичем. Я не спеша ел, откусывая маленькие куски хлеба – а сэндвич с тунцом, скажу я вам, моя любимая закуска – и запивая горячим напитком. Мысли крутились в голове приятные, легкие. О том, что Марша, наверное, положила на меня глаз. И что после работы хорошо бы пригласить ее в бар или кафе. Ну, или просто погулять, благо на дворе лето, и в городском парке сегодня вечером будет музыка.

А после обеда шеф вызвал меня к себе. Одного взгляда в его суровое лицо хватило, чтобы понять – дело плохо.

– Крамм, сколько продаж вы сделали на этой неделе?

124

Я вздрогнул и опустил глаза. Он назвал меня по фамилии – это дурной знак. И разумеется, шеф знал, что похвастаться мне нечем.

– Пять, – пробормотал я, и зачем-то прибавил. – Простите меня.

– Что, всего пять?

Я неловко оправдывался.

– Разве я виноват, что у конкурентов страховки в полтора раза дешевле? Никто не хочет переплачивать. Сейчас кризис, у людей мало денег, и...

Шеф поморщился.

– Ну что ты мямлишь, Альберт? Не знаешь, как это делается? Ты должен заболтать клиента. Обескуражить. Лишить разума. Тогда он купит все, что ты захочешь ему продать. И будет свято верить, что совершил выгодную сделку. Нет, Крамм. В нашей работе нужна харизма, а у тебя ее ни на грош. Не умеешь продавать – ступай мыть полы, мести улицы... в слуги к кому-нибудь иди. А нам такие сотрудники не нужны.

– Пожалуйста, – умолял я его сквозь слезы, – дайте мне еще один шанс.

Но шеф и бровью не повел. Смотрел на меня, как на мошку, которую прихлопнешь ладонью – и нет ее. А ведь так оно, по сути, и было. Он мог уничтожить меня даже не одним движением, а одним словом. И сделал это.

– Мы уже давали тебе второй шанс, и третий, и четвертый, – сказал с картинным вздохом. – Так сколько можно? Здесь не детский сад, а я тебе не нянька. Прости, Альберт. Но фирма больше не нуждается в твоих услугах.

Когда я, понурившись и волоча ноги, словно побитый пес, брел к выходу, коллеги прятали глаза, а стоящий в проходе мальчик-стажер шарахнулся от меня, как от чумного. Марша Блейк даже не взглянула в мою сторону, углубившись в изучение длинного столбца цифр на экране монитора. И я ее понимал. Неудачник... на что он такой красивой девушке?

Я вышел на улицу, слегка пошатываясь, словно пьяный от обиды и унижения. Бессильно привалился плечом к серой бетонной стене. За моей спиной шумел огромный город, гигантский техногенный кошмар, слепое, глухое и бессердечное чудовище, погруженное в свою красочную, стремительную жизнь. Текли навстречу друг другу два гладких потока сияющих машин. По тротуару шагали мужчины и женщины в серых брюках и пиджаках. Каждый из них, как двуногий муравей, нес в руках свою «соломинку» – папку с документами, портфель или дипломат... Ответственность, большие деньги, серьезные сделки... Чертежи и планы... И я среди этих людей – невидимка. Они огибали меня, будто фонарный столб, внезапно выросший на их пути. Они торопились – а я им мешал. Белое солнце, яркое, словно начищенная пуговица, глумливо ухмылялось мне с вышины. На синий мундир небес его пришили криво, непрочными нитками. Так что оно вот-вот грозило оторваться и камнем упасть за горизонт. Вот и моя жизнь, как сорвавшийся с рельсов поезд, неслась под откос, а я все никак не мог до конца это осознать. И только повторял про себя: «Что же делать? Что же делать? Что можно сделать всего за один месяц, и даже меньше? Мне осталось ровно четыре недели...»

Ровно двадцать восемь дней давало государство неудачникам для того, чтобы найти новую работу и снова стать полезными для общества. А потом живого, мыслящего человека просто-напросто превращали в бездушную вещь. Это было страшно. Спасти несчастного мог разве что большой счет в банке или поручительство кого-то из родственников. У меня не было ни того, ни другого. Я – круглый сирота, без роду и племени, неудавшийся страховой агент и двоечник по жизни. Получить высшее образование я не сумел – не хватило ума. В профессии успеха не добился. Так на что я мог надеяться? Только на чудо. Но ведь и чудеса порой случаются. Иногда добрые, иногда злые. Может быть, все обойдется, успокаивал я себя. Я ведь не злой человек, никогда не

делал и не желал ничего плохого, и, наверное, заслужил от судьбы немного удачи.

Не стану рассказывать, как я провел эти четыре недели. То воспаряя на крыльях мечты, то срываясь в глухое отчаяние. Днем я рассылал резюме – на удачу, ни на что особенно не рассчитывая – и обивал пороги всевозможных контор. Впрочем, это фигурально, потому что на порог меня редко кто пускал, обычно мне вежливо отказывали по телефону. Пару раз меня все-таки пригласили на собеседование, но... лучше бы не приглашали. Я, словно дрянной актер, выходил на сцену, натянув на лицо улыбку, и пытался сыграть своего парня, общительного, уверенного в себе, харизматичного, напористого. А покидая очередной кабинет, сдирал с себя веселость, как резиновую маску, сдирал чуть ли не с кожей, со слезами и болью. Улыбайся, твердил я себе, когда на тебя смотрят. Это твоя последняя надежда. Людей не так уж и сложно обмануть. Им все равно, как жмет тебе твоя улыбка... А по вечерам... да, можешь плакать. Можешь биться головой об стену. Никто не увидит и не посочувствует. Нет, я не собирался кончать с собой. Просто об этом не думал. Но мне было очень плохо.

За день до конца месячного срока меня вызвали в контору по трудоустройству. Так она называлась, очевидно, по старинке. Работу там никому не предлагали. Два чиновника, один усталый и седовласый, второй – мой ровесник, оба почему-то одетые во все белое – я так и не понял, врачами они прикидывались или ангелами – записали мое имя, рост и вес, а потом сфотографировали – в профиль и анфас, как преступника. Впрочем, в глазах общества я и был преступником. Никто не смеет бездельничать, когда другие трудятся. Это закон.

– Что со мной будет? – спросил я.

Молодой «ангел» отвернулся, пряча усмешку. А старый ответил:

– Вас продадут с аукциона.

– Кому?

Он равнодушно пожал плечами.

– Кому угодно. Кто захочет купить. У кого есть деньги.

– А потом?

– Что потом?

Оба «ангела» в недоумении уставились на меня.

– Что со мной сделает хозяин? Ну, тот, который купит?

– Станный вы, однако, – снова ответил старший. – Ну откуда же мы знаем? Сделает, что захочет.

– Он может меня... например, убить?

– Строго говоря, это запрещено, – вмешался молодой. – Как и жестокое обращение. Но, видите ли, Крамм. Никто не отслеживает судьбу таких, как вы. Но не переживайте так сильно. Зачем ему вас убивать? Бессмысленно как-то.

– Вы, правда, не понимаете? – разозлился я.

– Правда, не понимаю. Платить деньги, чтобы кого-то убить? Я бы не стал. Но люди разные.

Остаток дня я провел, как во сне. Бродил по улицам, тратил последние деньги на всякую ерунду. Помню, зайдя в городской парк, купил большой моток сахарной ваты – разноцветной, воздушной, сладкой до приторности. Сел на скамейку и ел – нежную, липкую массу, с виду похожую на неведомую галактику. В детстве я любил ее карамельный вкус и едва уловимый аромат жженого сахара. Кружилась легкая мелодия, вытекая из динамиков, и танцевал ей в такт подхваченный ветром сухой мусор. Фантики, окурки, сосновые иголки... И горожане – молодые и не очень – просто гуляли, на час-другой сбросив деловые костюмы и облачившись в яркие летние одежды. Они шли поодиночке или парами, молчали или разговаривали, оживленно жестикулируя или влюбленно глядя друг другу в глаза, но меня по-прежнему не видели. Потеряв свое место в жизни, я словно сделался прозрачным. Или мне так только казалось? А еще очень хотелось выпить, но я плохо переношу алкоголь.

Я представлял себе, как это будет. Понятно, что аукцион виртуальный. Но мне в моих фантазиях отчего-то виделся невольничий рынок под палящим солнцем, закованные в цепи обнаженные рабы, надсмотрщик с кнутом и плачущая юная девственница, которую обязательно купит какой-нибудь маньяк. Даже не знаю, откуда вся эта дурь взялась в моей голове. Должно быть, из исторического фильма или книги... В детстве я читал запоем, все, что только попадалось мне под руку. И кино любил, особенно, старое. Что ж, по сути в мире так ничего и не изменилось с тех давних, темных времен. Разве что приобрело чуть более приличный вид, и то лишь самую малость. Как если бы

кто-то покрыл лаком ржавую машину. Да, блестит. А под блеском – все тот же ветхий, ржавый металл.

Ладно, с прекрасной девственницей все ясно. Ей не позавидуешь. А что ждет меня? Со мной-то что сделают? Может, заставят трудиться на ферме или строить кому-нибудь дом. Пахать на чьем-нибудь огороде. По двадцать часов в день, пока не сдохну от усталости. А может, вовлекут в какой-нибудь криминал, вроде наркоторговли или мелкого воровства. Впрочем, терять мне нечего, я буду человеком подневольным. Меня, наверное, и в тюрьму посадить нельзя. А если и можно... Это еще не самое худшее. А вдруг мной заинтересуется садист или маньяк? Меня аж холодный пот прошиб от этой мысли, и к горлу подступила тошнота. Не все маньяки любят юных девиц. Возможно, только такие типы и шастают по виртуальным аукционам – искатели мерзких удовольствий, социопаты и психи. Неудачников никому не жалко. Они – расходный материал. Напрасно я уверял себя, что молния не бьет в одно дерево дважды. Бьет, еще как.

А что если меня выкупит богатая, но одинокая женщина? Скажем, какая-нибудь стареющая актриса или вдова банкира? Понятно, с какой целью. Это, конечно, лучше маньяка, но... Я швырнул в урну недоеденную сахарную вату и закрыл лицо руками.

128

– Вам плохо? – раздался прямо над ухом пронзительный, дребезжащий голос, и я вздрогнул всем телом, застигнутый врасплох.

– Да... То есть, нет. Все хорошо.

Я поднял глаза и увидел старушку, худую и высокую, одетую в черное и с тростью в руке. Эту увесистую, лакированную палку она несла, как королевский жезл. Наверное, чем-то таким ее и воображала. Потому что выглядела пожилая дама бодрой и в подпорке определенно не нуждалась. Старушка вонзилась в меня острым взглядом, как рыболовным крючком. Мне даже почудилось на мгновение, что она собирается меня ударить, но нет.

– Бедный мальчик! – произнесла старушка с выражением. – Надо тебе помочь.

Я открыл рот, чтобы ответить... хотя на самом деле понятия не имел, что отвечать... но она уже отвернулась, вытащила крючок и пошла прочь, размахивая тростью в такт быстрым шагам.

Я пожал плечами. Дама была, очевидно, не в себе. Но это неожиданное сочувствие, пусть и со стороны городской сумасшедшей, словно разбудило

меня. Я вскочил и бросился к выходу из парка, лавируя между гуляющими людьми, как утлый парусник между рифами.

У меня не было никакого плана. Вообще, ничего, кроме желания убежать как можно дальше, на самый край нашей необъятной страны, спрятаться, стать кем-то другим. Не тем, кого ищут, ловят и продают в рабство. В наше время географических атласов не издают. И сама география объявлена лженаукой. Все, за редким исключением, живут по принципу: «где родился – там и пригодился», то есть никто больше не ездит на большие расстояния. Путешествовать не то чтобы запрещено, но считается дикостью, пережитком дремучего прошлого. В общем, чем-то дурным, недостойным и опасным. В командировку – да, но не далеко, а потом – сразу обратно.

По местным маршрутам еще ходят автобусы. И если пересаживаться с одного на другой, рассудил я, то можно в конце концов куда-нибудь доехать. В детстве мне случилось один раз увидеть старую географическую карту. Я мало что запомнил, если честно, кроме того, что примерно треть ее была покрашена в зеленый цвет.

«Что там такое? – помню, спросил я учительницу. – Сплошь зеленое?»

129

Она поджала губы, словно услышала великую глупость. Но все-таки ответила: «Лес».

«Такой большой? Как сто городских парков? А кто там живет?» – продолжал я выпрашивать, сам не понимая для чего, задавая все новые и новые вопросы, один другого нелепее. И не успокоился, пока не получил подзатыльник.

Сейчас давнее любопытство сослужило мне хорошую службу. Я знал, куда стремиться, и теперь, не глядя, бросал в рюкзак все, что попадалось под руку. Все, что, как мне думалось, могло оказаться полезным. Фонарик, перочинный нож, коробок спичек, моток грубой веревки... Смену белья, зубную щетку, бутылку минеральной воды, пачку крекеров, половину вчерашней булочки, уже зачерствевшей. Торопливо распахивал по карманам наличные деньги. У меня их не много осталось, но на дорогу должно хватить.

Свобода пахнет лесом, костром, болотным туманом, грибами и земляникой. Она глубока, как ночное небо, полное звезд. Сладка и свежа, как ночная роса на траве. Скажете, в лесу выжить нельзя? Но звери живут. Неужели я глупее какой-нибудь лисицы, или зайца, или ежа? Я молодой и проворный. У меня нет ни клыков, ни когтей, ни колючек, зато есть нож. И есть голова на плечах, и спички, чтобы развести огонь. Я справляюсь. Стану как Робинзон как-его-там на необитаемом острове. Мне вдруг снова – с какой-то неодолимой силой

– захотелось жить. И послать к черту все эти страховки, аукционы, прочую куплю-продажу, весь этот бестолковый, искусственный мир. Я даже плечи распрямил, и хотя мне все еще было страшно – но уже по-другому.

Я взял с собой и совсем бесполезные вещи – на память. Затертый по краям фотоснимок нашего класса. Испуганная группка детей, одетых одинаково – в серые балахоны – собралась вокруг молоденькой учительницы, в которую я был тайно влюблен. Эту фотографию я сорвал тайком со школьного стенда. Первая и последняя в моей жизни кража. Я сунул за пазуху и тетрадку со стихами. Старую, в наивную, уже наполовину выцветшую клеточку. С потертым корешком. Говорят, все неудачники пишут стихи. Не знаю, правда ли это. Но есть в поэзии нечто такое, что не дает тебе стать хорошим менеджером, страховым агентом, адвокатом или банкиром. Нельзя служить двум господам. Маммоне и Аполлону. Разуму и сердцу.

Застегнув рюкзак, я покинул квартиру, отправился на автобусную станцию и купил билет до конечной. Как я и предполагал, в салоне, кроме меня ехали еще три человека. То, есть, он был почти пуст. Негромко гудел кондиционер, а за окном тянулся унылый мегаполис. Не фешенебельные районы с небоскребами и нарядными витринами. А серые трущобы, безликие малоэтажки, гаражи, сараи и трансформаторные будки. Ни газонов, ни кустов, ни деревьев. Только жалкие пучки травы на крышах гаражей. И граффити-сады на стенах, аляповатые, фантастические, наискосок перечеркнутые уродливыми черными линиями. Что ж, так всегда и бывает. Всегда найдется тот, кто испортит и зачернит чужую яркую мечту. Однообразный городской пейзаж, залитый оранжевым закатным сиянием, навевал скуку. Меня укачивало, клонило в сон, и, спасаясь от бьющего в лицо света, я закрыл глаза. И, как ни был взволнован и напряжен, сразу же провалился в тяжелую дрему.

Мне снилось, что я живу в лесу уже много лет и постепенно обрастаю шерстью. Густой, рыжей, блестящей на солнце – и ярче солнца. Я превратился в большого мудрого лиса. Вырыл себе нору под корнями столетней сосны, натаскал в нее веток и листьев. Получилась хрустящая и теплая лесная постель. Я научился ловить мышей и разорять птичьи гнезда. А недавно встретил золотую лисицу, красавицу-игрунью, и у нас с ней родились пушистые лисята. Целый выводок. Шесть рыжих, любопытных зверят... Они играют на полянке, кувыркаясь и кусая друг друга за хвосты. Нюхают ветер. Прячутся в зарослях куманики.

Автобус тряхнуло, и, разморенный сном, я ударился лбом о стекло. В горле скопилась горечь. Не будет у меня лисят. И, вообще, ничего и никого не будет. Самому бы не пропасть.

Я распахнул глаза и увидел, что пока спал, наступила глубокая ночь. Свет в салоне был погашен, а двери открыты. Водитель куда-то отлучился, вероятно, в туалет или в ночной магазин, а может, просто бросил меня одного в пустом автобусе и ушел домой. Кондиционер не работал – и салон наполнила душная, неподвижная жара. Она окутала меня темным маревом, затекала под одежду, в уши и в нос, вызывая что-то похожее на приступ клаустрофобии. По моему лицу и спине струился пот. Дрожащей рукой я отер лоб – собственная кожа показалась горячей и липкой – вытер мокрые от слез щеки и, закинув рюкзак на плечо, вышел из автобуса. Здесь вовсе не было никакого автовокзала, а лишь табличка на столбе с названием остановки. Правда, рядом с ней ютился автомат для продажи билетов. Тускло горел фонарь. На фоне темно-пепельного неба резко выделялись силуэты длинных, слепых зданий. Скорее, какие-то склады или ангары, чем жилые дома. Во всяком случае, я представить себе не мог, чтобы в таком районе обитали люди, и дети по утрам выходили на его улицы погулять. Да их и улицами назвать не поворачивался язык. Не дороги, а черные асфальтовые реки – в бетонных берегах – текли по безжизненной земле. А вдалеке чадила подсвеченная красным заводская труба. Я не знал, как называлось то странное место. Не знаю этого и по сей день. Но лесом там и не пахло – ни в прямом смысле, ни в переносном. Зато воняло гарью, жжеными покрывками и еще чем-то химическим, таким, что от каждого вдоха в горле першило, а внутренности завязывались узлом. Я не видел крыш, только сетчатое ограждение по краю, но не сомневался – трава на них не росла. Этот мир выглядел стерильным, насквозь искусственным, прорезиненным и мертвым.

Я даже усомнился – а не устарело ли мое детское воспоминание? Может, леса давно вырубали, а весь земной шарик закатали в бетон? Но поворачивать назад было уже поздно. Я купил билет и расплатился банковской картой. А потом еще часа два стоял на остановке, переминаясь с ноги на ногу, в ожидании следующего автобуса. Тот выполз из мрака, как рептилия из болота – тупомордая и желтоглазая. В слабом ночном свете он казался черным и матово блестел. Я вошел и, быстро оглядевшись, примостился у окна. Этот автобус тоже оказался пуст, лишь на заднем сидении, вытянув тощие ноги в потертых джинсах, дремала бледная девица. Длинные светлые волосы свесились ей на лицо. Холщовая сумка у ее колен сильно накренилась, и оттуда выпало большое зеленое яблоко. Как только автобус тронулся – оно, как упругий теннисный мячик, покатилося в проход. Я вздохнул и, отвернувшись, стал смотреть в глаза своему отражению. Ну как ты, спросил я его. Оно ответило усталым взглядом. Ничего, доберемся, успокоил я сам себя. Еще увидишь, как будет хорошо. Только бы выбраться из этого каменного ада. Куда-нибудь на природу, где под ногами растет настоящая трава, а деревья, высоки, как эти трубы. Где цветут цветы и поют птицы, и озерная гладь целует небо, и солнце ложится спать в тростники, как цапля в гнездо, а по утрам встает над водой

яркое и умытое... Мы ехали, очевидно, сквозь фабричный квартал. Летящие навстречу огни, как осенние бабочки, ударились о стекло, расплываясь по нему желтыми и оранжевыми пятнами.

Я замечтался и не заметил, как наперерез автобусу выехала машина с мигалкой, и синие блики заметались по салону, точно брошенные наугад ножи. Я съезился в кресле, а бледная девица встрепенулась и, наверное, с перепугу, принялась клясть последними словами и водителя, и «чертовых полицаев», и меня – случайного попутчика, и весь белый свет. При этом она потрясала какой-то выхваченной из кармана бумажкой и кричала, что опаздывает, что уже опоздала, и мы все за это поплатимся, если сию же секунду не поедем дальше. Уж не знаю, куда она так спешила посреди ночи. Внезапно разбуженные люди иногда ведут себя очень странно.

Один из полицейских поднялся в кабину и, перебросившись парой фраз с водителем, объявил по микрофону:

– Альберт Крамм – на выход!

Покидая автобус, я споткнулся о яблоко и чуть не полетел с лестницы кувырком и не растянулся в пыли, у ног троих блюстителей закона.

132

Они смеялись:

– Марионетка сбежала от кукловодов!

Полицейские отобрали у меня паспорт и застегнули на запястье желтый браслет. Я помотал рукой. Он казался тяжелым, неудобным и как будто угловатым.

– Я арестован?

– Нет, продан!

– Что, так быстро? – изумился я, стараясь не замечать их гадких усмешек.

– Кое-кто торопился тебя заполучить.

– Мужчина или женщина? – спросил я, внутренне замирая и, если честно, не очень-то надеясь на хоть какой-то ответ.

Полицейские и не ответили. Не потому, конечно, что им запрещалось об этом говорить. А потому что считали меня ничтожнейшим из ничтожеств. Они насмеялись над моими страхами.

Между тем, автобус тронулся и быстро покатился прочь, а меня с шутками и ухмылками затолкали в полицейскую машину и прямо перед моим лицом опустили на окне темную шторку. У меня в ушах еще звучали выкрики сердитой девицы, и ныло ушибленное о ступеньку колено. Я сидел, стиснув зубы и вцепившись в свой рюкзак, и заглядывал в ветровое стекло, пытаюсь определить, куда меня везут. Но ровная асфальтовая дорога стелилась под колеса, как бесконечная лента заводского конвейера. На пепельное небо наплывали черные тучи, словно выливаясь из фабричных труб, и собирались над шоссе в подобие огромного страусинового яйца. И летели навстречу все те же крылатые огни, пока не угасли, растворившись без остатка, в серых рассветных сумерках. Но солнце не взошло, во всяком случае я его не увидел. А вместо этого из небесного яйца вылупилась гроза и обрушилась на еще спящий город.

Мы подъехали к темному особняку, окруженному небольшим садом. Несколько плодовых деревьев, то ли яблони, то ли груши, мокли под проливным дождем. И пушистая елка со спиленной вершиной сиротливо торчала посреди газона. Она выглядела печальной и как будто стыдилась своего уродства. Дурацкий закон запрещал деревьям на садовых участках вырастать больше, чем до определенной высоты. Но деревья законов не читают, так что выкручиваться приходилось их владельцам, спиливая верхушки. Полицейские завели меня на крыльцо, позвонили в дверь и... ушли. Пока я стоял, раздумывая, не убежать ли – и прекрасно понимая, что бежать некуда и спрятаться негде – в окнах нижнего этажа вспыхнул свет. Послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась.

Не знаю, кого я ожидал увидеть на пороге. Пожалуй, кого угодно, но только не вчерашнюю сумасшедшую из городского парка. И тем не менее, это оказалась она. Растрепанная – вероятно, наш ранний звонок поднял ее с постели. Короткие, седые с фиолетовым отливом волосы топорщатся, словно перья какой-нибудь нездешней птицы. Пошловатый лиловый халат накинут поверх ночной рубашки. Взгляд рассеянный. На этот раз старушка не впивалась мне в мозг и в сердце рыболовным крючком. Но было в ее глазах что-то странное и даже потустороннее. Как бы вам объяснить? Она смотрела на меня не как на двадцатисемилетнего неудачника и бывшего страхового агента, а как на призрак кого-то другого. Возможно, кого-то любимого, явившегося в ее дом прямиком из далекого прошлого. Стоило ей заговорить, как я понял, насколько верна была моя догадка.

– Луик! – воскликнула старушка, всплеснув руками. Ее губы тронула слабая, безумная улыбка. – Это, действительно, ты! Как ты подрос, изменился... Но это, и правда, ты.

– Меня зовут Альберт, – возразил я несмело. – Альберт Крамм.

Старая дама разозлилась.

– Не смей! – закричала она на меня и топнула ногой. – Не смей произносить это имя! Оно чужое! Чужое!

Что ж, с сумасшедшими лучше не спорить, даже с безобидными бабульками. Я кивнул. Луик, так Луик. Наверное, смена имени – не худшее, что могло со мной случиться.

Старушка тотчас же смягчилась.

– Прости, милый, не хотела тебя напугать. Столько лет прошло... Конечно, ты многое забыл. Входи, Луик. Теперь ты дома. Ты ведь не помнишь этот дом?

И снова я кивнул, не понимая, о чем речь. А хозяйка посторонилась, впуская меня в короткий, тускло освещенный коридор. Я чувствовал ее испытующий взгляд, словно говоривший: «Ты узнаешь эти стены? Эти обои в мелкий красный цветочек? Лепнину на потолке и длинную трубчатую люстру, словно полную теплого молока? Трехрогую вешалку для пальто и курток? Картину в деревянной раме?» А на ней – светлая березовая роцца, прозрачная и слегка подернутая у корней желтоватым туманом, отчего кажется, что деревья парят в воздухе на солнечном облаке. Нет, я не узнавал ее, но что-то словно шевельнулось в душе при виде этого безмятежного пейзажа. Как бы я хотел очутиться там!

А старушка суетилась:

– Как же, как же... Я сразу поняла, что это ты. Как только увидела тебя вчера в парке. У тебя очень необычный излом бровей... Я догадалась, что ты неудачник. У тебя на лице это было написано. И вот что я решила. Я не я буду, если не дам себе второй шанс... Поставь сюда рюкзак... вот так... Потом я покажу тебе твою комнату. Твою старую комнату, Луик. А сейчас...Ты, наверное, голоден? Я приготовлю тебе завтрак.

– Спасибо, госпожа... – я запнулся, не зная, как ее назвать.

– Зови меня «бабушкой», – подсказала хозяйка и со смущенным смехом добавила. – Для мамы я уже старовата.

Тем лучше. Я бы и не стал звать эту женщину мамой, даже под угрозой мучительной смерти. Мама – не то слово, которое произносят всуе. Но иметь бабушку? Это совсем не плохо. При одной только мысли о ней я испытывал странное удовольствие. Бабушка – это шоколадное печенье к чаю, пирог с малиной, подарки на рождество, добрые сказки... Все то, чего у меня никогда не было. Но о чем мечтает любой ребенок.

За завтраком я, наконец, узнал, кто такой Луик. Пирогов на столе, кстати, не было. Печенья тоже. Зато «бабушка» нажарила много рыбы – не только речной, но и морской: лосося, сардины, камбалу, очень дорогое удовольствие даже для богатых людей. Приготовлено искусно – с хрустящей корочкой, мясо тает во рту... Я ел и удивлялся, забыв на какое-то время о своем жалком положении и отбросив всякий страх. Да и кто стал бы бояться одинокую старушку, пусть и выжившую из ума. Говорят, сумасшедшие опасны. Наверное, так и есть. Но слушая о чужих бедах, часто забываешь о своих. А «бабушка» рассказала мне очень грустную историю.

Когда-то у нее был сын, поздний ребенок, настолько поздний, что незнакомые люди – да и знакомые тоже – встречая их вместе, принимали ее за бабушку, а не за маму. Она и сама себя так со смехом называла. Бабушкой. Надо ли говорить, как моя хозяйка его любила, как берегла... так любят и берегут свою последнюю надежду на счастье. Луик (а вы уже, конечно, догадались, что это был он) ходил в элитную школу для одаренных детей. Я так и не понял, за ум его туда приняли или за «бабушкины» деньги, которые, увы, с успехом могут заменить любой талант. Но какая разница. Родиться в богатой семье – большая удача, а заслуженная или нет, кто знает.

Я увидел его, как наяву, смуглого и черноволосого, похожего на меня в детстве. Или совсем не похожего? Первоклассника с желтым рюкзаком за плечами, шагающего бодро вдоль улицы. Он радуется весне и солнцу, медленно встающему из-за червонных, с золотым отливом крыш. Он гордится собой. Еще бы! Один, без мамы, идет в школу! И пусть пройти надо всего один поворот – это его первые шаги по городу, не за ручку с кем-то, а самостоятельные. Ему доверяют! Считают умным и большим! Вот каким он, наверное, был. Маленький Луик.

А потом случилось страшное. Мальчик, которому только-только исполнилось восемь лет, однажды не вернулся домой после уроков. Его искали. И полиция, и добровольцы – а любой расстарается если ему хорошенько заплатить – буквально сбились с ног. Обшарили каждый двор и сад, буквально каждую

дыру, заброшенные стройки, фабричные постройки, склады, кладбища, городские парки. И, вроде бы, кого-то нашли под конец. Не живым, конечно, а мертвым. Но «бабушка» не поехала на опознание, сославшись на помутнение рассудка. Она не хотела видеть своего любимого сыночка мертвым. Не желала признавать, что он погиб. Напротив, она продолжала его искать – с того самого дня и до вчерашнего вечера. От зари до зари, ежедневно, без усталости, ни на секунду не теряя своей глупой веры.

– Где ты жил, Луик, все эти годы? – спрашивала она меня, и я, заглядывая, как в окна, в ее зрачки, видел, что внутри у несчастной – гулко и пусто.

– В приюте.

Она горестно качала головой.

– Бедный мой, бедный мальчик. Знаю я эти приюты! Скажи, тебя обижали там?

От неприятного воспоминания у меня заныли зубы.

– Да, – ответил я честно.

– И, наверное, ничему не учили? – продолжала она допытываться.

– Ну почему, у нас были занятия. Учил все, что нужно.

Я передернул плечами. За стенами дома стучал по карнизам все тот же мутный июльский дождь. И ветер налетал резкими порывами и полоскал ветви деревьев, как мокрые тряпки в реке.

– Ты хотя бы читать умеешь? – тревожно спросила «бабушка».

– Умею, конечно.

Но она словно не слышала меня.

– Ничего, мой хороший... Мы с тобой все наверстаем. Учеба – это важно. Я уже записала тебя в отличную школу! Сейчас позавтракаем и пойдем туда, познакомишься с учителями и ребятами. Учись, старайся. Ты же не хочешь вырасти и стать неудачником? – она погрозила мне пальцем, а я скопил глаза на желтый браслет у себя на запястье. Поздно, «бабушка», уже стал. А она уронила руки на стол и словно задумалась. А может, унеслась мыслями в далекое прошлое. – Но на этот раз я все сделаю правильно, Луик. Я не дам тебе потеряться. Буду следить за тобой, не смыкая глаз.

И когда она только все успела, изумился я. Какая школа? Зачем? Да и лето сейчас, июль. Дети – и те не учатся. Вот только что я мог сделать, как достучаться до ее угасшего разума?

– Сейчас каникулы, бабушка, – возразил я без особой надежды. – Школы закрыты.

Она довольно улыбнулась.

– Это особая школа. Частная. От нашего клуба.

– От какого клуба?

– «Второй шанс», – ответила она как будто с гордостью.

А я представил себе группку таких же стариков и старух, так и не сумевших поверить в гибель родных людей. И в бесконечном, бессмысленном поиске утративших чувство времени. Достаточно богатых, чтобы открыть частную школу, а возможно, и много чего еще. Но никакие деньги не могут спасти то, что умерло. Вот и тешат себя иллюзиями, покупая на аукционах жалкую подмену. А кто для них мы? Игрушки? Тени прошлого? Подневольные артисты, принуждаемые играть не свою жизнь? Мне было горько и страшно, и жаль этих страдальцев. Почему-то даже больше, чем себя самого.

Я пытался выкроить себе хотя бы один день, ссылаясь на усталость, но – не получилось. И после завтрака мне вручили желтый рюкзак – точно такой, как увидел в своих фантазиях – и мы с «бабушкой» отправились в эту странную клубную школу. Мы шли пешком через весь квартал, под одним зонтом, держась за руки, как юные влюбленные или как заботливая мать с маленьким ребенком. Я не смотрел по сторонам – не хотелось поймать чей-нибудь презрительный взгляд. Впрочем, улицы оставались почти пустыми, а редкие – очень редкие – прохожие так торопились на работу, что не замечали никого вокруг. А вот и школа, на школу совсем не похожая. Двухэтажный дом с открытой верандой. Железные перила обвиты плющом, уже переползшим и на стену. Стекла мутные, как затянутые катарактой глаза. Но за окнами второго этажа ощущалось какое-то движение.

– Не бойся, – сказала «бабушка», останавливаясь, – иди дальше сам. Я буду ждать тебя здесь.

Я пожал плечами и вошел в дом. Оттуда пахнуло старостью. Не плесенью, не грязью, не убогой дряхлостью, а как будто благородной стариной. Так пахнет

в музеях и библиотеках. Я поднялся на второй этаж – и очутился в настоящем школьном классе, с доской и партами, за которыми сидели люди. Человек десять, в основном молодые парни и девушки, мои ровесники или младше. Правда, среди них выделялся мужчина за сорок, с седыми висками, солидный на вид, в костюме и галстук. Бог весть, как он попал сюда и с какой целью. Я пригляделся. Из-под длинного рукава его пиджака не выглядывал желтый браслет неудачника. Зато это сомнительное украшение было у остальных. Мои товарищи по несчастью. Удивительное чувство – оказаться среди себе подобных, говорить с ними, разделить их судьбу. А впрочем, судьба у каждого своя, как бы ни были мы схожи.

Некоторые из молодых людей откровенно скучали. Другие казались испуганными и смущенными. Чувствуя, как жаркий румянец заливает мне щеки, я громко произнес: «Всем привет!» и сел на свободное место. На меня оборачивались, а девчонка из-за соседней парты, кудрявая, как болонка и с грустными собачьими глазами – наверное, и в самом деле вчерашняя школьница – потянулась ко мне через проход и быстро прошептала:

– Я – Паула.

– Альберт, – так же шепотом представился я.

138

Наверное, надо было сказать: «Луик». Я посмотрел в окно – на перекрестке по-прежнему маячила «бабушка» с черным, глянцево-мокрым зонтом. Я вздохнул и отвел взгляд, и только в этот момент заметил учительницу. Пожилая, усталая женщина, смущенная не меньше нас. Она стояла у доски, терзая в руках какую-то книжку. Я встретился с ней глазами, и она чуть заметно кивнула.

– Пожалуйста, тихо, – сказала она, хотя мы и так молчали. Гудела только лампа дневного света под потолком, но лампу ведь бесполезно просить вести себя потише. – Сегодня я расскажу вам о звездах. Откройте ваши тетради и записывайте... Итак, наша вселенная...

Порывшись в желтом рюкзаке, я извлек оттуда блокнот и шариковую ручку. Учительница говорила медленно и монотонно, словно цитируя по памяти какой-то учебник или журнальную статью – о квазарах, черных дырах, о рождении новых и сверхновых... Я положил блокнот перед собой и принялся писать:

«Звезды... Зачем нам твои звезды, сестра? Если хочешь поговорить – давай поговорим о нас. Как жить в этом мире? Как не быть неудачником? Как приспособиться, стать бессловесным винтиком, так, чтобы везде ровно, чтобы ни один заусенец не торчал... Чтобы ни один взгляд не цеплялся. Ни один

палец не тыкал в грудь: он не такой, как все! Он бездельник, а значит почти бунтарь. Ведь если руки не заняты тяжелой работой, а голова не полна цифр, графиков, названий различных товаров – в ней начинают появляться мысли. А это запрещено. Так как же нам быть, сестра? Конечно, ты и сама не знаешь... Ну а кто тогда знает? Ты пришла нас учить – чему?»

Я исписал в таком же духе четыре листа. Если «бабушка» прочитает всю эту муть – она здорово разозлится. А может, и нет. Я для нее – всего лишь фантом, а какая разница, что у фантома на сердце? Отодвинув в сторону блокнот, я задумался. Вон она, все стоит и стоит, жалкая, словно побитая. Зонт сложила, потому что дождь кончился и сквозь прореху в тучах смотрит солнце. Она, и правда, верит, что можно вернуть прошлое, исправить когда-то давно совершенную ошибку. Но, нет. Нельзя.

А что делать мне? Я мог бы стать Луиком. А может, я и есть Луик. Ведь что-то такое она заметила в моем лице, какое-то смутное сходство со своим пропавшим сыном. Я помню себя лет с восьми, уже в том самом приюте, а вместо ранних детских воспоминаний зияет черная дыра. Что случилось со мной? Что бы это ни было, оно забыто и похоронено под многими слоями боли, отчаяния, растерянности. Так что не важно, наверное, настоящий я Луик или поддельный. Я мог бы обрести дом, новое имя, а после смерти хозяйки – богатое наследство. Человека с деньгами никто не станет называть неудачником. Он на других смотрит, как на неудачников, как с крыши на муравьев, свысока... Я мог бы все это получить. Если только «бабушка» окончательно не слетит с катушек и не убьет меня во сне. Она, конечно, тот еще одуванчик, но перерезать спящему горло сумеет. На что только не толкает людей безумие. Я мог бы...

Но ведь есть и другой путь. Поговорить с моими товарищами по несчастью. Кто-то из них откажется, покрутит пальцем у виска, мол, ему и так хорошо, сытно и удобно. А кто-то пойдет со мной. Браслеты можно распилить, например, ножовкой. А лес все-таки где-то есть, и когда-нибудь мы до него доберемся и станем теми, кем всегда хотели быть – свободными людьми. «Бабушку», конечно, жалко. А не взять ли ее с собой? Бедная женщина сошла с ума в четырех стенах, но лес исцелит ее. На свободе душа распрямляется, как согнутая ветка.

Золотой свет льющегося в окно солнца гладил мои ресницы, тепло и бережно, как любящий взгляд, и проникал в мой сон. Золотое солнце ласкало мой рыжий мех, вспыхивая в нем огненными искрами. Я снова мудрый старый лис, живущий в норе под корнями столетней сосны. У меня под боком мирно сопит моя верная подруга – красавица-лисица, а рыжие лисята играют неподалеку в догонялки, повизгивая и кувыркаясь на бурой хвойной подстилке. Я лежу,

вытянувшись, наслаждаясь покоем и чуткой лесной тишиной, полной шелеста веток и пения птиц, и журчания чистых, как звездный свет, ручьев. Лежу и боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть счастье. И я не хочу просыпаться.

Земля – Орион – Минтака. Стадии жизни (55-словники)

Просто весна

Марина Юнг

Серёжа ждал за углом школы. Светкин голос уже слышен – прощается с девчонками. Вот сейчас она появится, дёрну за косичку – и пусть догонит, если сможет! Светка показалась из-за угла, и он залюбовался её косами. И внезапно понял, что... не хочет дёргать! Напряжённо глядя на него, девочка приблизилась. Он вдруг услышал свой охрипший голос:

– Давай портфель понесу...

Небесная палитра

Ольга Клен

Вчера я подглядывала за радугой. Она опустила конец коромысла в речку, а вторым зацепилась за лес. Разноцветная гостя пила из речушки воду. Прозрачная струйка поднималась по радуге, смешивалась с её красками, делая их ярче. Утолив жажду, небесная палитра заискрилась на солнце, принялась играть цветами, смешивая их с капельками дождя. Потом улыбнулась и растворилась. Хорошенького – понемножку!

Земля – Орион – Минтака. Была туманная луна... (55-словники)

Лунная мудрость

Ирина Архипова

Ей хотелось темноты, хотелось закутаться в чёрное покрывало ночи, спрятаться от его внимательных глаз. А ему хотелось света, чтобы видеть её – совершенную, притягательную, любимую. Он почувствовал её напряжение и выключил лампу. Но выключить Луну он не мог. Луна, древняя и мудрая, всё понимала. Она знала, что при её дымчатом, рассеянном свете им обоим будет уютно.

* победитель в авторском зачёте

Ирина Архипова

Лунная мудрость

(см. выше)

Лунный кот

– Тишка! Чего тебе не спится? – недовольно спросила я спросонок.

Кот муркнул, соскочил с кровати и побежал к двери.

– Ночь ещё, куда ты собрался?

Минуту было тихо.

– Мяу... – неожиданно громко прозвучало у меня над ухом. Я нехотя встала и пошла открывать дверь.

Таким я видела Тишку в последний раз – медленно удаляющимся по освещенной луной садовой дорожке.

Земля – Орион – Минтака. «ДетЯм – мороженое, бабе – цветы!» (55-словники)

Не виноват
Ольга Альтовская

Попросила мужа купить гвоздику.
Принёс цветы – у соседей нарвал, сэкономил! Ворчу, улыбаясь. Он не виноват.
Я же не сказала: «Пряность. Для маринада».
Сказала: «Надень костюм. Через пять минут выходим». Вышел в спортивном!
Убила бы! Опять не виноват. Я же не сказала: «Идём в гости».
О чём он думает? В каком мире живёт? Всё равно люблю.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Второй конкурс Фонаризм

А песни довольно одной... Пожалуйста, больше не пой!
Hellin

Отговорила роща золотая, став древесиной ценной для Китая.
Римма Щемерова

Мне осталась одна забава, раз на две не имею права.
Римма Щемерова

Я помню чудное мгновенье, но лучше б я его забыл.
Гелия

«Я вас любил...» Не помню, правда, Вас ли...
Людмила Кленова

144

Я вас любил безмолвно, безмятежно...
Вдруг – муж. Балкон. Зима. Я без одежды.
Сергей Че

Он стал бездомным и смиренным после укола внутривенно.
Василий Морозов

Издавека долго с завода гнать «Волгу».
Римма Щемерова

Каким ты был, таким остался – я зря сдавал в химчистку галстук.
Галина Пиastro

* победители в авторском зачёте

Римма Щемерова

Отговорила роща золотая, став древесиной ценной для Китая.

Мне осталась одна забава, раз на две не имею права.

Издалека долго с завода гнать «Волгу».

Я поняла – ты не хотел мне зла, когда тащил меня из-за стола.

Дар поэта – ласкать и корябать... – Да уж, ценный подарок для бабы!

Hellin

А песни довольно одной... Пожалуйста, больше не пой!

Им мало лица, красоты или роста, им нужно борща и котлет, ты прикинь!

Сняла решительно пиджак наброшенный: не от кутюра он, ты подло врал!

Мне осталась одна забава. Остальные забавы ушли.

**И не печалься – все моё – со мной: последняя зарплата,
носки, развод с женой.**

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 5»

Физика – вывернутая на изнанку лирика.
Виктория Соловьёва

Бокс – тот случай, когда человек мечтает остаться с носом.
Римма Щемерова

Физика – наука кидаться яблоками.
Сергей Че

Космос – осы, запутавшиеся в волосах.
Виктория Соловьёва

Салфетка – бумажный умывальник.
Сергей Че

* победители в авторском зачёте

Виктория Соловьёва

Физика – вывернутая на изнанку лирика.

Космос – осы, запутавшиеся в волосах.

Салфетка – Белый квадрат Малевича.

Бокс – перчаточный спорт.

Баланс – райские условия.

Римма Щемерова

Бокс – тот случай, когда человек мечтает остаться с носом.

Физика – наука, доказывающая нормальность всего ненормального.

Баланс – ситуация, когда всем одинаково плохо.

Салфетка – пробник холста для Пикассо.

Космос – всемирная резервная мусорка на задворках планеты Земля.

Конкурс Объявлений – 4

Специалист по времени

АлеХ

Специалист по времени

Научу: терять, находить, тянуть, догонять.

Потрачу своё чтобы убить ваше,

переведу стрелки на других (дорого!).

Гарантирую отсутствие временных рамок.

*** («От любви до ненависти один шаг...»)

Сергей Че

От любви до ненависти один шаг. Сделала. Ищу попутчика обратно.

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 3»

Цветные нити Ариадны. Фабрика «Прогресс».
Оптовикам – клубок в подарок!
Сергей Че

Литгалактика! Лис тает – наши опусы листает!
Акс

* победитель в авторском зачёте

Сергей Че

Цветные нити Ариадны. Фабрика «Прогресс».
Оптовикам – клубок в подарок!

Трава у дома – вид сверху. Роскосмос: «Полюбujemyся?»

Парам Ноя Арарат паранойно очень рад!

Улица ста снегирей. Конкурс на лучшее название вашего произведения

Завернуться в январь

Ирина Архипова

Вольнолуние

GP

Можно я вырасту деревом?

Джон Маверик

Танец осенних исчезновений

Джон Маверик

Чистосердечное заблуждение

Midav

150

У меня солнце, у неё солнце

Селена

Эй вы там, навнизу!

АлеХ

* победители в авторском зачёте

Джон Маверик

Можно я вырасту деревом?

Танец осенних исчезновений

Я трус, а моя кошка смелая

Ирина Архипова

Завернуться в январь

у этой ночи странные часы

Будучи мышью летучей

Оглавление

І. Планета ТАУКиТА

Игра прозы «Бросаю вызов!»

Слабак. <i>Midav</i>	4
Счастливой охоты. <i>Джон Маверик</i>	14
Льняные лучи осени. <i>Милана Секоненко</i>	20
Скрипка. <i>Гелия Алексеева</i>	23
Цветы жизни. <i>Midav</i>	34
Дневник Офисного. <i>Ольга Клен</i>	44
Воскресенье Лары. <i>Евгения</i>	47
Сказка, рассказанная кошкой. <i>Джон Маверик</i>	52
Сквозь ночь. <i>Джон Маверик</i>	55
Сбежавшая ёлка. <i>Марина Юнг</i>	59
Марино и Чика. <i>Ольга Клен</i>	65
Гулять по воде. <i>Ксени</i>	67
А квартира-то чья? <i>Ольга Клен</i>	71

ІІ. Планета путешествий

Созвездие Близнецы. Начни с эпитафия

Мама. <i>Джон Маверик</i>	78
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Разговор с цветами»	
Легкое серебрение. <i>Джон Маверик</i>	82
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Другое измерение»	
Сбой навигатора. <i>Ольга Клен</i>	90
Земля – Орион. Конкурс рассказов «Синее лето»	
Я, Котька и Лариска. <i>Ольга Клен</i>	95
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Мясо и потолки»	
Мясо и потолки. <i>Marara</i>	98
Кузя. <i>Ольга Зимина</i>	100
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Я узнаю тебя из тысячи»	
Случай на дороге. <i>Ольга Клен</i>	101
Время обеда. <i>GP</i>	103
Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 3	
Психология. <i>Ninzu</i>	104
Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели»	
Писатель. <i>Джон Маверик</i>	110
Впрок. <i>GP</i>	113

Оглавление

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 5»	
70-30 Полёт нормальный. <i>Татьяна Нестерова</i>	115
Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Выживание»	
Выжить. <i>Джон Маверик</i>	118
Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Метаморфозы»	
Неудачник. <i>Джон Маверик</i>	124
Земля – Орион – Минтака. Стадии жизни (55-словники)	
Просто весна. <i>Марина Юнг</i>	141
Небесная палитра. <i>Ольга Клен</i>	141
Земля – Орион – Минтака. Была туманная луна... (55-словники)	
Лунная мудрость. <i>Ирина Архипова</i>	142
Лунный кот. <i>Ирина Архипова</i>	142
Земля – Орион – Минтака. «ДетЯм – мороженое, бабе – цветы!» (55-словники)	
Не виноват. <i>Ольга Альтовская</i>	143
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Второй конкурс Фонаризов	
А песни довольно одной... Пожалуйста, больше не пой! <i>Hellin</i>	144
Отговорила роща золотая, став древесиной ценной для Китая. <i>Римма Щемерова</i>	144
Мне осталась одна забава, раз на две не имею права. <i>Римма Щемерова</i>	144
Я помню чудное мгновенье, но лучше б я его забыл. <i>Гелия</i>	144
«Я вас любил...» Не помню, правда, Вас ли... <i>Людмила Кленова</i>	144
Я вас любил безмолвно, безмятежно... Вдруг – муж. Балкон. Зима. Я без одежды. <i>Сергей Че</i>	144
Он стал бездомным и смиренным после укола внутривенно. <i>Василий Морозов</i>	144
Издалека долго с завода гнать «Волгу». <i>Римма Щемерова</i>	144
Каким ты был, таким остался – я зря сдавал в химчистку галстук. <i>Галина Пиастро</i>	144
Отговорила роща золотая, став древесиной ценной для Китая. <i>Римма Щемерова</i>	145
Мне осталась одна забава, раз на две не имею права. <i>Римма Щемерова</i>	145
Издалека долго с завода гнать «Волгу». <i>Римма Щемерова</i>	145
Я поняла – ты не хотел мне зла, когда тащил меня из-за стола. <i>Римма Щемерова</i>	145
Дар поэта – ласкать и корябать... – Да уж, ценный подарок для бабы! <i>Римма Щемерова</i>	145
А песни довольно одной... Пожалуйста, больше не пой! <i>Hellin</i>	145

Им мало лица, красоты или роста, им нужно борща и котлет, ты прикинь! <i>Hellin</i>	145
Сняла решительно пиджак наброшенный: не от кутюра он, ты подло врал! <i>Hellin</i>	145
Мне осталась одна забава. Остальные забавы ушли. <i>Hellin</i>	145
И не печалься – все моё – со мной: последняя зарплата, носки, развод с женой. <i>Hellin</i>	145
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 5»	
Физика – вывернутая на изнанку лирика. <i>Виктория Соловьёва</i>	146
Бокс – тот случай, когда человек мечтает остаться с носом. <i>Римма Щемерова</i>	146
Физика – наука кидаться яблоками. <i>Сергей Че</i>	146
Космос – осы, запутавшиеся в волосах. <i>Виктория Соловьёва</i>	146
Салфетка – бумажный умывальник. <i>Сергей Че</i>	146
Физика – вывернутая на изнанку лирика. <i>Виктория Соловьёва</i>	147
Космос – осы, запутавшиеся в волосах. <i>Виктория Соловьёва</i>	147
Салфетка – Белый квадрат Малевича. <i>Виктория Соловьёва</i>	147
Бокс – перчаточный спорт. <i>Виктория Соловьёва</i>	147
Баланс – райские условия. <i>Виктория Соловьёва</i>	147
Бокс – тот случай, когда человек мечтает остаться с носом. <i>Римма Щемерова</i>	147
Физика – наука, доказывающая нормальность всего ненормального. <i>Римма Щемерова</i>	147
Баланс – ситуация, когда всем одинаково плохо. <i>Римма Щемерова</i>	147
Салфетка – пробник холста для Пикассо. <i>Римма Щемерова</i>	147
Космос – всемирная резервная мусорка на задворках планеты Земля. <i>Римма Щемерова</i>	147
Конкурс Объявлений – 4	
Специалист по времени. <i>АлеХ</i>	148
*** («От любви до ненависти один шаг...»). <i>Сергей Че</i>	148
Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 3»	
Цветные нити Ариадны... <i>Сергей Че</i>	149
Литгалактика! Лис тает – наши опусы листает! <i>Акс</i>	149
Трава у дома – вид сверху. Роскосмос: «Полюбujemyся?». <i>Сергей Че</i>	149
Парам Ноя Арарат параноично очень рад! <i>Сергей Че</i>	149
Улица ста снегирей. Конкурс на лучшее название вашего произведения	
Завернуться в январь. <i>Ирина Архипова</i>	150
Вольнолуние. <i>GP</i>	150

Оглавление

Можно я вырасту деревом? <i>Джон Маверик</i>	150
Танец осенних исчезновений. <i>Джон Маверик</i>	150
Чистосердечное заблуждение. <i>Midav</i>	150
У меня солнце, у неё солнце. <i>Селена</i>	150
Эй вы там, навнизу! <i>АлеХ</i>	150
Можно я вырасту деревом? <i>Джон Маверик</i>	151
Танец осенних исчезновений. <i>Джон Маверик</i>	151
Я трус, а моя кошка смелая. <i>Джон Маверик</i>	151
Завернуться в январь. <i>Ирина Архипова</i>	151
у этой ночи странные часы. <i>Ирина Архипова</i>	151
Будучи мышью летучей. <i>Ирина Архипова</i>	151
Оглавление	152

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

